

Учреждение образования
«Гомельский государственный университет
имени Франциска Скорины»

Институт истории НАН Беларуси

Русский дом в Гомеле

**ГОМЕЛЬЩИНА В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИИ
ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ:
ЛЮДИ, СОБЫТИЯ, ВРЕМЯ
(К 80-ЛЕТИЮ ОСВОБОЖДЕНИЯ
ОТ НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКИХ ЗАХВАТЧИКОВ)**

Сборник научных статей

Гомель
ГГУ им. Ф. Скорины
2023

УДК 94(476.2)"1941/1943"(082)

Гомельщина в контексте истории Великой Отечественной войны: люди, события, время (к 80-летию освобождения от немецко-фашистских захватчиков) : сборник научных статей / редкол. : Д. Л. Коваленко (гл. ред.) [и др.] ; Гомельский гос. ун-т им. Ф. Скорины, Институт истории НАН Беларуси, Русский дом в Гомеле. – Гомель : ГГУ им. Ф. Скорины, 2023. – 227 с.

ISBN 978-985-577-954-5

Сборник содержит научные статьи, материалы которых отражают актуальные проблемы истории Гомельского региона в контексте событий Великой Отечественной войны. Рассмотрены предпосылки возникновения Второй мировой войны. В материалах сборника освещены вопросы социально-политической ситуации на Гомельщине накануне и во время Великой Отечественной войны, военные действия, партизанское и подпольное движение, репрессивная оккупационная политика нацистов. Материалы сборника будут способствовать углублению знаний по истории Великой Отечественной войны, осмыслению роли Гомельского региона в ее событиях.

Сборник адресован ученым, преподавателям, аспирантам, студентам.

Редколлегия:

Д. Л. Коваленко (главный редактор),
В. Л. Лакиза (заместитель главного редактора),
Н. Н. Мезга, С. А. Черепко, А. М. Литвин

Рецензенты:

кандидат исторических наук С. Ф. Веремеев,
кандидат исторических наук Н. М. Савченко

ISBN 978-985-577-954-5

© Учреждение образования «Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины», 2023

СОДЕРЖАНИЕ

Комар Е. В.	Гомельщина накануне Второй мировой войны	6
Мезга Н. Н.	Проблема устойчивости Версальской системы международных отношений в современной российской историографии.....	16
Бароўская В. М.	Беларусь і савецка-польскія адносіны ў 1933–1939 гады.....	25
Гавриловец Л. В.	Польско-германские отношения накануне Второй мировой войны	32
Кротов А. М.	Белорусы и поляки в восприятии друг друга в сентябре 1939 – июне 1941 года.....	42
Грышчанка І. А., Юрыс С. А.	Аднаўленне дзейнасці Мікалаеўскай царквы ў горадзе Гомелі ў гады Вялікай Айчыннай вайны і афармленне прыходу	57
Елизаров С. А.	Формирование органов советской власти и управления Гомельской области (1939–1941 годы).....	63
Гарматный В. П.	Деятельность истребительного батальона Центрального района города Гомеля летом 1941 года	69
Хавкин Б. Л.	Расизм и антисемитизм как основы идеологии национал-социализма	78
Шиляев А. П., Данченко А. А., Красуцкий И. М.	Геноцид белорусского народа. Свидетельства очевидца событий Павленко Александра Емельяновича.....	86
Любицкий М. С., Мезга Н. Н.	Массовые уничтожения нацистами мирного населения на территории СССР по материалам Нюрнбергского процесса	92

Скрябина Л. С., Веко Е. А.	Карательные действия нацистов в оккупированных районах Гомельщины в период 1941–1944 годов	100
Мох Е. Н.	Пересыльный лагерь для советских военнопленных (Дулаг № 121): режим содержания узников.....	109
Панков Ю. В.	«Русский» комендант лагеря военнопленных Дулаг-220 в Гомеле. Идентификация личности..	114
Сарапин А. А., Розенблат Е. С.	«Гетто восточников» в Бресте 1942–1944 годы.....	120
Жихарев С. Б.	Трагедия Хатыни в контексте истории белорусского народа в годы Великой Отечественной войны.....	126
Абраменко М. Е.	Коллаборанты и оккупационная политика нацистской Германии в эксплуатации трудовых ресурсов Беларуси (1941–1944 годы).....	131
Панков Ю. В.	Школьное дело в оккупированном нацистами Гомеле.....	137
Разэнблат Я. С. Гаўрылюк П. А.	Стан школьнай адукацыі падчас акупацыі 1941–1944 гадоў па ўспамінах жыхароў Брэсцкай вобласці.....	142
Александрович З. А.	Информационный потенциал проверочно-фильтрационных дел как источников по истории белорусского народа в годы Великой Отечественной войны	147
Толочко Д. М., Ярославский А. В.	История создания лагеря смерти Озаричи	156
Литвин А. М.	Илья Мураль – имя достойное нашей памяти ...	160

Черепко С. А., Куксо А. М.	Деятельность спецподразделений НКВД и НКГБ в восточных районах БССР в годы Великой Отечественной войны.....	169
Крыварот А. А.	Узброеная барацьба партызан Гомельшчыны падчас наступальных аперацый Чырвонай Арміі (канец верасня – першая палова кастрычніка 1943 года).....	176
Скрябина Л. С.	Освобождение Гомельщины от немецко-фашистских захватчиков: к вопросу об историографии проблемы	183
Волошко Д. А., Дубровко Е. Н.	Мемориализация мест массового уничтожения в годы Великой Отечественной войны мирного населения на территории Беларуси (1940-е – 1980-е годы)	190
Харичкова Л. В., Пашкович Е. И.	Героизм защитников Брестской крепости в экспозиции «Оборона Восточного форта»	199
Давидовская Г. Э.	Использование в образовательном процессе интерактивных дидактических материалов «Памятные места Великой Отечественной войны в Беларуси».....	205
Стрелец М. В., Синчук И. И.	Лексические реалии в военной фантастике.....	213
Кулинок С. В.	Подготовка немецкой разведывательно-диверсионной агентуры на территории Гомельщины в годы Великой Отечественной войны	220

Е. В. Комар

Белорусский государственный университет
информатики и радиоэлектроники, г. Минск

ГОМЕЛЬЩИНА НАКАНУНЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Статья посвящена отдельным направлениям деятельности советского военно-политического руководства СССР, направленным на подготовку Советской Беларуси к прогнозируемым войнам. Рассматривается комплекс мероприятий военного строительства в межвоенный период (1921–1939 гг.). В материале раскрывается процесс становления и развития группировки войск, подготовки территории Гомельской и Полесской областей как вероятного театра военных действий. На основе анализа архивных документов и научной литературы сделаны выводы об особенностях подготовки Гомельщины ко Второй мировой войне.

История гомельской земли – одна из ярких страниц военной истории Беларуси. Наиболее героические из них были написаны в годы Великой Отечественной войны. С началом агрессии сотни тысяч жителей и уроженцев Гомельщины¹ ушли на фронт, встали в ряды подпольных организаций, приняли участие в партизанском движении, дав ожесточенный отпор немецко-фашистским захватчикам. За мужество и отвагу, проявленные в годы войны звания Героя Советского Союза были удостоены 128 гомельчан, полными кавалерами ордена Славы стали 23 жителя области, свыше 100 тыс. награждены боевыми орденами и медалями. Героическое противодействие врагу защитников Гомельщины в 1941 г. сыграло важную роль в замедлении темпов продвижения полчищ агрессора. В годы войны гомельские земли стали очагом мощного сопротивления оккупационному режиму, где действовали 29 партизанских бригад, объединяющих 117 отрядов и 10 отрядов особого назначения, в которых насчитывалось свыше 50 тыс. человек [1].

Война стала не только героической, но и трагической страницей белорусской истории. На оккупированных территориях фашисты устроили настоящий террор. В Гомельской области были сформированы лагеря для военнопленных, гражданского населения и даже детей, образовано около 20 гетто, проведено 17 крупных карательных операций. Только по приблизительным подсчетам на территории современной Гомельской области погибло более 300 тыс. человек [2, с. 5–8].

¹ В статье под понятием «Гомельщина» рассматривается территория современной Гомельской области.

Победа в Великой Отечественной войне стала возможна благодаря мужеству и отваге бойцов Красной армии, партизан и подпольщиков, тяжелому труду граждан, консолидации всего советского общества, а также заблаговременной подготовке страны. С начала Второй мировой войны и до вероломного нападения Германии и ее сателлитов на СССР в Советском Союзе проводились мероприятия ускоренной подготовки к войне. Однако, процесс подготовки к вероятной агрессии начался значительно раньше и непрерывно осуществлялся в период между двумя мировыми войнами.

Обеспечение вооруженной защиты страны являлось одной из приоритетных задач руководства молодого советского государства в 1920-е – 1930-е гг. В СССР была разработана и реализовывалась единая для всех советских республик государственная политика в области военного строительства², важнейшей задачей которого была подготовка государства к прогнозируемым войнам и вооруженным конфликтам [4, л. 4, 5].

Составной частью комплекса общегосударственных мероприятий являлась подготовка группировки Рабоче-крестьянской Красной Армии (далее – РККА), населения и территории Советской Беларуси как возможного театра военных действий (далее – ТВД). Она тесно увязывалась с планом войны, разработанным в 1920-х гг. Согласно плану, по взглядам военно-политического руководства, Западный ТВД рассматривался как основной, а вероятным противником – Польша и Румыния [5, с. 236, 237, 247].

После завершения польско-советской войны на территории Советской Беларуси начался процесс мирного строительства. В этот период главной стала задача по восстановлению разрушенного войнами народного хозяйства. Вместе с тем, планомерно проводились мероприятия военного строительства, перевод вооруженных сил к жизнедеятельности в условиях мирного времени, которые в том числе включали сокращение войск и изменение их организационно-штатной структуры.

Группировка войск РККА, дислоцировавшаяся в начале 1921 г. на Гомельщине, включала штабы и соединения двух стрелковых дивизий (4-я – Рогачев, 17-я – Гомель) из состава 16-й армии Западного фронта [6, л. 40–81], а к ноябрю 1921 г. только одной – 11-й кавалерийской дивизии (Гомель) [7, л. 1–83].

² Военное строительство – система экономических, социально-политических, собственно военных и других мероприятий государства, осуществляемых в интересах укрепления его военной мощи [3, с. 141].

Существенной проблемой в жизнедеятельности войск Западного фронта (с 1924 г. Западный, с 1926 г. Белорусский, а с 1938 г. Белорусский особый военный округ) было частое изменение пунктов дислокации воинских формирований, что было связано с отсутствием баз для их размещения [8, л. 1–9]. В течение 1922–1923 гг. на Гомельщине дислоцировались, последовательно сменяя друг друга, 11-я, 7-я и 6-я кавалерийские дивизии [9, с. 239; 10, л. 9; 11, л. 2].

Необходимо отметить, что несмотря на переход вооруженных сил к жизнедеятельности в условиях мирной обстановки, особый акцент командованием РККА ставился на создании в западных приграничных округах (Западный, Ленинградский и Украинский) более боееспособной, крупной и мощной группировки войск, чем во внутренних [4, л. 38, 40, 41].

В 1924 г. в РККА начался процесс обновления армии и проведения военной реформы, в связи с чем сокращение войск прекратилось и началось наращивание их численности. Кроме того, реформирование было сосредоточено на повышении удельного веса боевых элементов в их структуре и огневой мощи (насыщение частей пулеметами, артиллерией, а в последствии и боевой техникой) [12, с. 55–58, 71–73].

Увеличивалась группировка войск и на Гомельщине. Так, в 1927 г. на ее территорию переместились штаб и часть формирований 37-й стрелковой дивизии [13, с. 26–30, 81–85]. К концу 1930-х гг. на территории современной Гомельской области дислоцировались: управление 23-го стрелкового корпуса (Мозырь); штаб (Речица) и воинские части 37-й стрелковой дивизии; штаб (ст. Мышанка) и воинские части 52-й стрелковой дивизии; управление 6-го кавалерийского корпуса (Гомель); штаб (Гомель) и воинские части 6-й кавалерийской дивизии [14, с. 27–37].

Наряду с сухопутными войсками постепенно развивался воздушный флот округа. В 1921 г. в Гомеле размещался 18-й воздухоплавательный отряд [15, с. 160], а в 1923 г. – 15-й отдельный разведывательный авиаотряд [16, л. 232–236]. Самолетный парк состоял из изношенных, устаревших, разнотипных летательных аппаратов. Со временем была проведена их дифференциация по родам и боевым задачам, в строй авиации вступали воздушные суда отечественного производства. Во второй половине 1920-х гг. наметился резкий рост количества формирований военно-воздушных сил округа [17, л. 23–25]. К 1926 г. на территории Гомельщины была сформирована разведывательная эскадрилья (Гомель) [18, л. 1–14]. Высокие темпы развития ВВС позволили в 1927 г. приступить к следующему этапу структурного совершенствования авиации и

начать формирование новых авиационных соединений – бригад. В Гомеле была сформирована 8-я авиационная бригада, переименованная в 252-ю, а затем в 114-ю легкую штурмовую бригаду [19, с. 170–172].

Отдельно необходимо остановиться на строительстве на Гомельщине укрепленного района (далее – УР). Возникает вопрос, почему Мозырский УР, находившийся на второстепенном направлении и на значительном расстоянии от государственной границы строился в числе первых? Частично ответ на этот вопрос можно найти в монографии «Белорусские земли в системе фортификационного строительства Российской империи и СССР (1772–1941)» С. А. Пивоварчика. В научном труде разъясняется оперативно-тактическое назначение Мозырского УРа, которое состояло в том, чтобы запереть восточные выходы из Полесья и перекрыть пути на Гомель и Жлобин [20, с. 155, 156]. По нашему мнению, вероятнее всего это было связано с тем, что в районе не было крупной группировки войск для противодействия противнику. Однако, несмотря на это и на заболоченную территорию Полесья, командованием РККА прогнозировалась возможность проведения нападающей стороной операций в целях выхода во фланг или окружения крупных сил в центральной части БССР [4, л. 108]. Интерес также вызывает материал, изложенный в книге генерала Вермахта А. Филиппи «Припятская проблема», в которой он анализирует влияние Припятского лесисто-болотистого района на планирование и проведение гитлеровским командованием первого этапа военной кампании 1941 г. против СССР. На страницах воспоминаний автор отмечает, что по опыту Первой мировой войны в данной области вести боевые действия было сложно, войска не могли использовать тяжелую технику, которая снижала их маневренность. А по итогам первого этапа кампании 1941 г. недооценка немецким командованием значения области негативно отразилась на действиях групп армий «Центр» и «Юг» [21, с. 55, 56, 137–146].

В огневую систему Мозырского УРа входило 141 долговременное оборонительное сооружение. Размеры УРа составляли: ширина по фронту – 120 км, глубина – от 1 до 4,5 км, удаление от границы – 80 км. В мирное время гарнизон УРа составляли отдельные: пулеметный батальон, пулеметная рота, артиллерийская бригада, рота связи и территориальный саперный батальон. После реорганизации УР в 1936 г., его гарнизон составляла 52-я стрелковая дивизия [20, с. 156–157].

Наличие крупного узла Западных железных дорог в Гомеле и группировки войск в регионе, требовало их постоянной охраны и обеспечения. В этих целях в 1921 г. в Речице размещался бронепоезд «Красный победитель», на вооружении которого находилось четыре

76-мм орудия и 20 пулеметов [22, л. 74–80, 91, 92], а в Новобелице дислоцировались 3-й и 19-й отдельные железнодорожные батальоны [16, л. 232–236]. В дальнейшем, из-за сокращения и недостатка материальной части, бронепоезда округа были сведены в дивизион полевых бронепоездов (Витебск) [23, л. 20–26]. Из батальонов был сформирован железнодорожный полк (Новобелица) [13, с. 126–127]. К концу 1930-х гг. на Гомельщине была создана необходимая материально-техническая база, в которую входил военный госпиталь (Гомель), окружная автобронетанковая мастерская (Жлобин) и склады: продовольственный (Гомель), окружной холодильник (Красный Бор), вещевой (Красный Бор), горюче-смазочных материалов (Жлобин, Новобелица), артиллерийский (Жлобин), санитарный (Гомель), топографические (Калинковичи, Гомель) [14, с. 27–37; 24, л. 2–5].

Таким образом, в рассматриваемый период в группировке войск округа проходили значительные трансформационные процессы. Во-первых, увеличилось количество формирований и численность войск. Во-вторых, было проведено их переоснащение современными средствами вооруженной борьбы. Вместе с тем, необходимо отметить, что увеличение числа соединений и воинских частей РККА на территории БССР осуществлялось неравномерно. Так, в северной, западной и центральной частях республики было больше формирований чем в южной, особенно «пустой» выглядела Полесская область [25, л. 130].

Важной составляющей процесса военного строительства была подготовка резервов для армии. В рассматриваемый период подготовка будущих защитников начиналась со школьной скамьи. На занятиях учащиеся приобретали знания о характере войны, структуре армии, изучали основы топографии и стрелкового дела и др. Также военная подготовка молодежи осуществлялась в техникумах, совпартшколах, рабфаках, школах фабрично-заводского ученичества, высших учебных заведениях. С 1930 г. для студентов устанавливалась высшая вневойсковая подготовка, которая охватывала теоретический курс в учебном заведении и учебные сборы в частях РККА. Такая подготовка была введена в гомельских лесотехническом и механико-машиностроительном институтах, где велась подготовка артиллеристов, а также в институте механизации и электрификации сельского хозяйства, где готовились танкисты [4, л. 91–93].

Важным элементом военной подготовки населения БССР стали мероприятия по созданию условий для ведения партизанской борьбы. В соответствии с концепцией так называемой «малой войны», утвержденной в 1925 г. комиссией обороны при ЦК ВКП(б) [26, с. 33–38],

на приграничных территориях планировалось применение подготовленных формирований, пополняемых за счет местного населения, для диверсионной деятельности против войск противника. В этих целях осуществлялась подготовка в спецшколах диверсантов, снайперов, минеров и радистов [27, с. 30, 31]. Из таких специалистов в 1932 г. были сформированы шесть отрядов (Бобруйский, Борисовский, Минский, Мозырский, Полоцкий и Слуцкий) по 300–500 человек [28, с. 71]. Более того, с 1934 г. в приграничных округах в дивизиях создавались саперно-маскировочные взводы. Военнослужащие подразделений проходили спецподготовку, после увольнения расселялись в приграничной полосе, а в случае вооруженного конфликта они должны были приступить к диверсионной деятельности и развертыванию партизанского движения [26, с. 33–38]. С гражданским населением проводилась теоретическая и практическая подготовка к действиям в полосе боевых действий. На занятиях отрабатывались вопросы поведения в зоне конфликта, обеспечения безопасности жилых помещений, техники ведения разведки, составления донесений, ведения партизанской борьбы [29, с. 134].

В конце 1930-х гг. мероприятия по подготовке к партизанским действиям были свернуты, отряды расформированы, часть кадров репрессирована. Однако, несмотря на такой нелогичный итог, особенно в преддверии войны, работа, проведенная в межвоенный период, не пропала даром, опыт личного состава партизанских отрядов несомненно пригодился в трудные военные годы [4, л. 94].

Таким образом, в 1921–1939 гг. активно проводилась военная подготовка населения Советской Беларуси. Она осуществлялась массово, в тесной связи с учебно-воспитательным процессом. При этом особое внимание уделялось работе с молодежью, как наиболее активной и передовой частью общества.

Подготовка территории Гомельщины, как вероятного ТВД, помимо строительства УРа также включала восстановление и развитие транспортного комплекса, который являлся одной из составляющих военного строительства, играл существенную роль в обеспечении мобильности группировки войск, ее своевременного снабжения и был важным инструментом развития народного хозяйства.

В межвоенный период рабочими железных дорог, а также военнослужащими железнодорожных войск восстанавливались пути, мосты, вокзалы, водокачки на станциях, паровозный парк, велось усиление верхнего строения путей, деревянных мостов. Работы по восстановлению железнодорожной сети сочетались со строительством новых

путей сообщения. На Гомельщине были построены: в 1928 г. частично проходящая линия Чернигов – Овруч; в 1930 г. ветка Новобелица – Чернигов; в 1932 г. линия Бобруйск – Старушки [25, л. 173].

Военные действия привели к ощутимому разрушению дорожной сети. Дорожная разруха негативно сказывалась на экономическом развитии региона, осуществлении жизнедеятельности войск, срывала выполнение мероприятий боевой подготовки. Доказательством этому служит рапорт Народного комиссара по военным делам Советской Беларуси от 6 ноября 1923 г., в котором отмечалось, что деревянный мост через реку Припять у города Мозыря, являющийся стратегическим мостом, пришел в негодность, а при объявлении мобилизации, он является переправой призываемого контингента 13 волостей Мозырского уезда [30, л. 176].

Постепенно дорожными службами, при значительном трудовом участии населения, дорожная сеть восстанавливалась. Велось строительство линий Мозырь – Калинковичи, Гомель – Речица, Речица – Хойники, Калинковичи – Мозырь и др. [31, л. 218–220].

Восстановленная и созданная в межвоенный период транспортная сеть способствовала повышению мобильности войск, позволяя в кратчайшие сроки осуществлять выход к госгранице, производить перемещение формирований и техники, упрощала снабжение. Вместе с тем, несмотря на масштабы выполненных работ, требовалось ее дальнейшее совершенствование в свете начала Второй мировой войны. Командование РККА и округа рассматривало транспортный комплекс, как стратегический резерв армии. В военный период планировалось широкомасштабное использование кадров, подвижного состава, дорожной сети и ее оборудования в интересах войск [4, л. 125].

По территории Гомельщины в 1920-х – 1930-х гг. пролегал путь четырех крупных судоходных водных артерий: Днепр, Припять, Сож, Березина. И хотя водный транспорт, в отличие от других видов, в меньшей степени пострадал от военных действий, необходимо было восстанавливать береговое оборудование, обновлять подвижной состав.

Строительство судов производилось на Речицкой, Петриковской, Шатилковской, Ветковской и др. верфях [32, л. 178], а ремонт судового состава на Гомельском судоремонтно-судостроительном заводе. Заводы «Двигатель Революции», «Пролетарий», «Коллективная работа» в Гомеле обеспечивали ремонтные предприятия материалами [33, л. 96].

Пройдя этап восстановления, водный транспорт постепенно развивался. Поэтапно принималась диспетчерская система руководства флотом, порты и пристани обеспечивались радиостанциями. В начале

1930-х гг. для подготовки специалистов речного транспорта образован Гомельский речной техникум. 30 октября 1933 г. было завершено строительство крупнейшего речного порта в Гомеле с механическими перегружателями и электростанцией [34, с. 60].

Организациями водного транспорта проводились исследования водной системы. В частности, изучение Днепра осуществлялось постоянно, Березины было проведено в 1926–1931 гг., Сожи в 1929–1931 гг., Припяти в 1928–1929 гг. На основании проведенных работ разрабатывались проекты улучшения водного режима [35, с. 103, 193, 252, 329].

В начале 1930-х гг. в БССР начал структурно формироваться воздушный флот. С 1932 г. открылось движение по маршруту Москва – Брянск – Гомель, была открыта первая местная транспортная авиалиния – Минск – Глуск – Паричи – Мозырь. В 1934 г. правительством республики была утверждена сеть местных авиалиний, среди них: Минск – Мозырь – Гомель (560 км); Гомель – Чечерск – Корма – Журавичи – Климовичи – Хотимск – Костюковичи – Краснополье – Гомель (550 км). В 1937 г. для оказания медицинской помощи было сформировано постоянное авиационное санитарное подразделение в Гомеле [36, с. 35].

Таким образом, проводя анализ процесса развития группировки войск, дислоцировавшейся на Гомельщине в межвоенный период, необходимо отметить высокие темпы возрастания численности, боевой мощи и признать его ход достаточно успешным. Вместе с тем, стоит заострить внимание на том, что она была меньше, чем в других регионах республики. Связано это было с тем, что группировка находилась на второстепенном направлении, а также с особенностями природно-климатических условий Полесской области.

Параллельно с развитием группировки войск шла подготовка территории Гомельщины, как вероятного ТВД. Здесь в числе первых началось строительство УРа, восстанавливался и развивался транспортный комплекс. Зародилась гражданская авиация, приумножалось количество и качество транспортных средств, территория покрылась сетью дорог, воздушных линий и коммуникаций. Эффективная транспортная сеть была абсолютной потребностью для армии. Руководство РККА задействовало ее в мирное время и планировало использовать в военный период.

Был проведен значительный объем работ по мобилизации населения на овладение военными знаниями. Большая часть населения Гомельщины была подготовлена к ведению вооруженной борьбы, как в действующей армии, так и в партизанских формированиях. Свидетельством этого является организованная борьба гомельчан с агрессором в годы Великой Отечественной войны.

Источники и литература

1. 85 лет Гомельской области [Электронный ресурс] / Музеі Беларусі. – Режим доступа : <http://museum.by/be/node/66403>. – Дата доступа: 20.09.2023.

2. Без срока давности. Беларусь : Преступления нацистов и их пособников против мирного населения оккупированной территории БССР в годы Великой Отечественной войны. Гомельская область. Сборник архивных документов и материалов / сост. : А. Р. Дюков, В. Д. Селеменев (рук.) [и др.] ; редкол. А. К. Демянюк [и др.]. – Минск : НАРБ ; М. : Фонд «Историческая память», 2021. – 576 с.

3. Военный энциклопедический словарь / Ин-т воен. истории ; гл. ред. комис.: Н. В. Огарков (пред.) [и др.]. – М. : Воениздат, 1984. – 863 с.

4. Комар, Е. В. Военное строительство на территории Советской Беларуси в 1921–1939 гг. : направления и этапы : дис. ... канд. ист. Наук : 07.00.02 : в 2-х кн. / Е. В. Комар. – Минск, 2022. – Кн. 1. – 156 л.

5. История военной стратегии России / В. О. Дайнес [и др.] ; под ред. В. А. Золотарева. – М. : Кучково поле : Полиграфресурсы, 2000. – 588 с.

6. Российский государственный военный архив (далее – РГВА). – Ф. 46. – Оп. 23. – Д. 6.

7. РГВА. – Ф. 7. – Оп. 2. – Д. 228.

8. РГВА. – Ф. 7. – Оп. 2. – Д. 36.

9. Центральный государственный архив Советской Армии : путеводитель : в 2 т. / сост.: Т. Ф. Каряева [и др.] ; редкол.: Л. В. Двойных [и др.]. – М. : ЦГАСА, 1991–1993. – Т. 2. – 1993. – VI, 531 с.

10. РГВА. – Ф. 7. – Оп. 2. – Д. 309.

11. РГВА. – Ф. 34912. – Оп. 1. – Д. 684.

12. Берхин, И. Б. Военная реформа в СССР (1924–1925 гг.) / И. Б. Берхин. – М. : Воениздат, 1958. – 460 с.

13. РГВА. Сведения о дислокации войсковых частей, штабов, управлений, учреждений и заведений РККА состоянию на 1927 год (по материалам архива ГШ ВС СССР. – Оп. 269. – Д. 1). – 187 с.

14. РГВА. Сведения о дислокации войсковых частей, штабов, управлений, учреждений и заведений РККА по состоянию на 1-е января 1937 года (по материалам архива ГШ ВС Сил СССР. – Оп. 280с. – Д. 19). – 119 с.

15. История Военно-Воздушных Сил Советской Армии: от начала зарождения воздухоплавания и авиации в России до Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 гг. : учеб. пособие / Упр. Главнокомандующего ВВС. – М. : Воениздат, 1954. – 456 с.

16. РГВА. – Ф. 7. – Оп. 2. – Д. 325.

17. РГВА. – Ф. 4. – Оп. 1. – Д. 302.
18. РГВА. – Ф. 54. – Оп. 18. – Д. 100.
19. РГВА. Сведения о дислокации войсковых частей, штабов, управлений, учреждений и заведений РККА по состоянию на 1927 год (по материалам архива ГШ ВС СССР. – Оп. 269. – Д. 1). – 187 с.
20. Пивоварчик, С. А. Белорусские земли в системе фортификационного строительства Российской империи и СССР (1772–1941) / С. А. Пивоварчик. – Гродно : Гродн. гос. ун-т, 2006. – 251 с.
21. Филиппи, А. Припятская проблема / А. Филиппи // Очерк оперативного значения Припятской области для военной кампании 1941 года : пер. с нем. / Л. С. Азарха ; под ред. В. Г. Позняка. – М. : Изд-во иностр. лит-ры, 1959. – 167 с.
22. РГВА. – Ф. 7. – Оп. 2. – Д. 243.
23. РГВА. – Ф. 54. – Оп. 16. – Д. 93.
24. РГВА. – Ф. 25874. – Оп. 6. – Д. 84.
25. Комар, Е. В. Военное строительство на территории Советской Беларуси в 1921–1939 гг. : направления и этапы : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 : в 2-х кн. / Е. В. Комар. – Минск, 2022. – Кн. 2. – 177 л.
26. Князьков, А. С. Подготовка к партизанским действиям в СССР в 1920–1930 гг. / А. С. Князьков // Военно-исторический журнал. – 2016. – № 4. – С. 33–38.
27. Попов, А. НКВД и партизанское движение / А. Попов. – М. : ОЛМА-Пресс, 2003. – 383 с.
28. Басюк, І. А. Пачатковы перыяд Вялікай Айчыннай вайны на тэрыторыі Беларусі / І. А. Басюк. – Гродна : Гродзен. дзярж. ун-т, 2003. – 237 с.
29. Верхаўскай, Б. Грамадзянскае насельніцтва і вайна: што рабіць рабочаму і сялянину ў часе вайны ў паласе баявых дзеянняў / Б. Верхаўскай. – Выд. 20-е, выпр. і пашыр. – Менск : Выд. Аргагiтпрапсекцыі ЦС Асавіяхіму БССР, 1929. – 134 с.
30. Национальный архив Республики Беларусь (далее – НАРБ). – Ф. 4п. – Оп. 1. – Д. 1105.
31. НАРБ. – Ф. 4п. – Оп. 1. – Д. 6966.
32. НАРБ. – Ф. 4п. – Оп. 1. – Д. 4799.
33. НАРБ. – Ф. 4п. – Оп. 1. – Д. 5110.
34. Водный транспорт к VII съезду советов СССР / Нар. ком. вод. транспорта. – М. : Гострансиздат, 1935. – 68 с.
35. Тюльпанов, А. И. Краткий справочник рек и водоемов БССР / А. И. Тюльпанов, И. А. Борисов, В. И. Благутин ; под ред. А. И. Тюльпанова. – Минск : Госиздат БССР, 1948. – 626 с.

36. Теляков, В. А. Земля и небо рядом: 80-летию Гражданской авиации Республики Беларусь посвящается / В. А. Теляков. – Минск : Кавалер, 2013. – 294 с.

УДК 930(470)«20»:94:327.7(4L47+57)«1918-1939»

Н. Н. Мезга

Гомельский государственный университет
имени Ф. Скорины, г. Гомель

ПРОБЛЕМА УСТОЙЧИВОСТИ ВЕРСАЛЬСКОЙ СИСТЕМЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

В статье дана характеристика современной российской историографии, которая посвящена проблеме устойчивости Версальской системы международных отношений. Установлено, что в российской историографии, господствующей является концепция, согласно которой при создании Версальской системы в нее были заложены неразрешимые противоречия, предрешившие ее непрочность. В противоречиях Версальского международного порядка российская историография находит предпосылки возникновения Второй мировой войны.

Вторая половина 1930-х годов характеризовалась кризисом и распадом Версальской системы международных отношений. Для исторической науки на сегодняшний момент актуальным остается вопрос в какой степени этот процесс predetermined возникновение Второй мировой войны. Важно также выяснить, какие факторы predetermined неустойчивость Версальской системы, столь быстрое ее вступление в период кризиса и распада. В данной статье поставлена цель охарактеризовать состояние современной российской историографии по проблеме устойчивости Версальской системы международных отношений.

В российской историографии конца XX – начала XXI в. преобладает точка зрения об изначальном наличии в Версальской системе острых противоречий, которые обуславливали ее нестабильность. В этом плане современные российские историки во многом продолжают традицию своих советских коллег. Примером может служить статья В. Л. Малькова в вышедшей в 1998 г. коллективной монографии «Первая мировая война: пролог XX века» [1, с. 202]. Другой российский автор А. С. Манькин дает характеристику Версальской системе как в целом «самой недолговечной и непрочной модели организации мирового сообщества» [2, с. 37].

Б. М. Туполев обосновывает идею, согласно которой Версальский мирный договор стал предвестником Второй мировой войны [3, с. 38, 43]. В 12-томной истории Великой Отечественной войны акцент делается на том, что Версальско-Вашингтонская система не устранила и не могла устранить глубоких межгосударственных противоречий. Такое положение объясняется тем, что она была создана и использовалась в интересах наиболее сильных держав-победительниц – Великобритании, Франции и США. Авторы названного исследования считают, что лидеры данных государств были озабочены не установлением более гармоничных международных отношений, а сохранением и укреплением геостратегических позиций только своих стран. Учрежденный ими новый мировой порядок основывался на силе, а потому был крайне неустойчив, носил переходный характер и таил в себе угрозу нового глобального конфликта [4, с. 128].

Авторы работы «Первая мировая война и судьбы европейской цивилизации» констатировали: «Так или иначе, Первая мировая война породила полную противоречий Версальскую систему» [5, с. 474]. По мнению Е. Ю. Сергеева, неизбежные упущения «отцов-основателей» и неискоренимые слабости этой системы были обусловлены комплексом факторов как объективного, так и субъективного характера. Он пишет, что при формировании нового международного порядка происходило столкновение концептуально несопоставимых взглядов и амбициозное соперничество политических лидеров ведущих держав в «период глобального перехода к индустриальной цивилизации, сопровождавшегося национальными движениями и революционными катаклизмами, которые находили все более широкий отклик в колониальных и зависимых странах». Это, по его мнению, обусловило наличие в Версальской системе глубоких противоречий и в определенном смысле ее гибридный характер [6, с. 244, 245]. Е. Ю. Сергеев считает, что в рамках Версальской системы ее создателями была предпринята попытка совместить несколько труднос совместимых принципов. К таковым он, на пример, относит права государств отстаивать свои международные интересы, а наций – добиваться государственного суверенитета. Невозможность устранения коренных противоречий нового мирового порядка компромиссным путем явилась долговременной глубинной причиной возникновения Второй мировой войны [6, с. 239].

С конца 1990-х гг. в работах российских авторов отчетливо звучит положение, согласно которому неравноправие различных государств в рамках Версальской системы с момента создания делало ее неустойчивой. Как пишет В. Л. Мальков, изначально планы устройства «вечного мира» подрывало прежде всего вопиющее противоречие между декларированным равноправием народов в рамках нового, справедливого для

всех мирового порядка, и реальной, бросающейся в глаза дискриминацией целого ряда стран по идеологическим, политическим, морально-правовым и экономическим мотивам [7, с. 614–615]. По его мнению, утверждение новых принципов международных отношений, провозглашенных в Версале, оказалось чрезвычайно затруднено уже тем, что две ведущие державы, Германия и Советская Россия, не были допущены в новую организацию безопасности. К тому же постоянно нарушалось древнеримское правило «договоры должны соблюдаться, а взятые на себя обязательства – выполняться» [7, с. 624].

При этом отчетливо прослеживается влияние на позицию российских исследователей того времени внешнеполитического положения, в котором находилась Россия после распада СССР. Это заметно и в используемой терминологии. Так, В. Л. Мальков к числу проблем, порождавших противоречия Версальской системы, относит «двойные стандарты и стремление главных триумфаторов раз и навсегда решить собственные проблемы за счет побежденных». Автор отмечает, что «бесславный конец» Версальской системы «невольнo вызывает ошеломляющие параллели с событиями “текущей политики“, с эпилогом истории XX» [1, с. 202]. Особый акцент В. Л. Мальков делает на исключении России из числа государств, которые определяли характер Версальской системы. Он пишет, что в Версале была заложена «роковая отчужденность» между Москвой и Западом (Советскую Россию не пригласили на конференцию). А договор в Рапалло как бы подтверждал позицию сторонников жесткой линии на Западе, что Россия главная угроза для малых государств на востоке Европы [1, с. 204, 205]. Положение, согласно которому нестабильность Версальской системы во многом была связана с дискриминацией России при ее формировании, В. Л. Мальков повторяет и в коллективной монографии «Мировые войны XX века» [7, с. 615–616].

Влияние политической ситуации конца XX в. прослеживается и в положениях, в которых В. Л. Мальков характеризует роль малых стран Европы, выполнявших роль «санитарного кордона» по отношению к Советской России. Он считает позицию их правительств по вопросам европейской безопасности непоследовательной, а порой и авантюрной [1, с. 202–203]. Согласимся с мнением российского автора И. Э. Магадеева, что в современной российской историографии существует привязка оценок Версальской системы «к восприятию историками текущей международной и внутривосточной ситуации и “государственных интересов” России» [8, с. 56].

Авторы работы «Великая Отечественная война 1941–1945 годов» в 12 т., характеризуя роль России при создании Версальско-Вашингтонской системы, отмечают, что устроители Парижской мирной

конференции и международной конференции в Вашингтоне решились подвести итоги войны не только без участия Германии, оставшейся все же одним из сильнейших государств мира, но и России, которая, несмотря на революционные потрясения, была одной из главных сил, предпривших победу Антанты. Более того, авторы названного издания считают, что создатели нового международного порядка заняли по отношению к России крайне враждебную позицию и тем самым поставили под вопрос правомерность всех принятых ими решений [4, с. 138].

В. А. Зубачевский также указывает на присутствие в Версальской системе антироссийской составляющей. Он пишет, что эта система была построена без учета интересов России и побежденных стран, которым навязали совершенно кабальные условия и тем самым посеяли семена новых конфликтов [9, с. 126].

Е. Ю. Сергеев отстаивает положение, согласно которому любая попытка формирования бесконфликтного миропорядка без участия самой большой по территории и одной из наиболее крупных по населению мировых держав, каковой являлась Советская Россия, не могла не окончиться фиаско. В качестве причин, в силу которых создатели Версальской системы не привлекли к этому процессу Россию, он называет «тот хаос, который царил на территории бывшей царской империи, а также стремление поставить любое российское правительство, которое одержало бы победу в кровавой внутренней междоусобной борьбе, перед свершившимся фактом, заставив его принять на себя обязательства как участника новой международно-правовой системы» [6, с. 242].

К числу дестабилизирующих факторов Версальской системы российские историки относят изменение роли России на международной арене после Первой мировой войны. Данное обстоятельство связывается с появлением идейного антагонизма между Советской Россией и западными державами. Он создавал серьезные препятствия для их взаимодействия в рамках единой системы международных отношений [5, с. 466].

Другая великая держава, ущемление интересов которой, по мнению большинства российских историков, делало Версальскую систему неустойчивой – это Германия. Определенные нюансы при оценке положения Германии в рамках Версальской системы прослеживаются в исследованиях Б. М. Туполева. Признавая, что Версальский договор был для Германии тяжелым, он в то же время отмечает, что Германия все же сохранилась тогда как великая европейская держава, и Версальский договор в сравнении с военными целями Германии в Первой мировой войне и мирным урегулированием после Второй мировой войны, был еще относительно мягким [3, с. 38, 43].

А. О. Наумов в своей монографии, изданной в 2007 г., отмечал, что на основе национального унижения ряда государств и народов (имеются в виду Германия и ее союзники по Первой мировой войне и Советская Россия) была создана Версальская Европа [10, с. 12]. А. А. Ахтамзян считает, что «материальные причины конфликта Германии с Западом заложены именно в Версале», что «версальский статус Германии» «привел ко Второй мировой войне» [11, с. 9, 19].

Авторы монографии «Первая мировая война и судьбы европейской цивилизации», указывая на тяжелые условия Версальского договора для Германии, которые создали основу для германского реваншизма, с другой стороны, отмечают, что Версальский договор сохранил базу для восстановления великодержавных позиций Германии [5, с. 471, 473]. В этом же издании сделан вывод, что в ряде случаев полное игнорирование мнения «побежденных» народов ставило под угрозу весь процесс политического урегулирования после Первой мировой войны [5, с. 479].

Российские историки при рассмотрении вопроса устойчивости Версальской системы обращаются к проблеме европейского равновесия. Это вполне обосновано, ибо устойчивость любой системы международных отношений в решающей степени зависит от баланса сил, прежде всего между великими державами. Авторы монографии «Первая мировая война и судьбы европейской цивилизации» как раз и отмечают, что стабильность системы зависела от соотношения сил держав и их способности обеспечить в ее рамках собственные интересы [5, с. 459]. В. И. Михайленко и Т. П. Нестерова считают, что одним из главных недостатков послевоенного урегулирования было то, что версальский порядок не был всеобъемлющим. Из него «выпадали» два крупнейшие государства – Россия и США, без которых обеспечение стабильности в Европе к середине XX века было уже невозможно. Великие европейские державы – Франция и Великобритания – восстановили многополярную структуру европейских отношений приблизительно в той форме, которая казалась им идеальной [12, с. 78].

В современной российской историографии отмечается, что создать устойчивый баланс сил оказалось невозможным в силу крушения одной из традиционных опор европейского равновесия, каковой в рамках Венской системы являлась царская Россия. Утрата этой опоры грозила подрывом стабильности формирующейся после Первой мировой войны системы международных отношений [5, с. 466]. На ряду с Россией и США не стали опорой равновесия в рамках Версальской системы. Отсутствие в качестве опор равновесия нового мирового порядка двух названных держав делало его неустойчивым [13, с. 165].

При выявлении причин неустойчивости Версальской системы акцент делался и на неурегулированности ряда территориальных вопросов после Первой мировой войны. В. Л. Мальков в одной из своих работ в 1998 г. указывал на наличие большого количества территориальных споров между малыми странами «на почве агрессивного роста национализма» как на одну из основных причин неустойчивости Версальской системы [1, с. 202]. В дальнейшем указанный автор сделал вывод, что во время формирования Версальской системы отсутствовала нормативно-правовая база, которая позволяла бы обосновать права наций и национальных меньшинств, не нарушая суверенитета и территориальной целостности государств. Меры, предусмотренные Версальским договором, по мнению В. Л. Малькова, оказались недостаточными, чтобы сдержать этносепаратизм и использующего его потенциального агрессора [7, с. 618].

В. И. Михайленко и Т. П. Нестерова видят важный фактор неустойчивости Версальской системы в том, что Европа после Версаля оказалась территорией, разбитой на несколько десятков маленьких, отгородившихся друг от друга таможенными стенами рынков и рынков. Часто политически неприязненные друг другу новые малые государства остро соперничали и в экономической области, полностью сосредоточившись на собственных хозяйственных трудностях и не пытаясь их преодолеть совместными усилиями [12, с. 78].

В первую очередь, по мнению российских историков, территориальные проблемы были характерны при создании Версальской системы для Центральной, Юго-Восточной и Восточной Европы. Это явилось следствием распада существовавших здесь до Первой мировой войны империй и образования ряда новых государств. В данном регионе неустойчивость Версальского порядка определяется как наиболее очевидная, указывается, что заключенные в результате войны договоры не принесли здесь стабильности [13, с. 468]. В. Л. Мальков также отмечает роль малых государств Центральной и Юго-Восточной Европы в дестабилизации Версальской системы. Прежде всего он указывает на т. н. буферные государства, которые легко переходили от самообороны к агрессии и, самоутверждаясь, порой создавали ситуацию не менее взрывоопасную, чем противоречия между великими державами [7, с. 617].

В работе «Первая мировая война и судьбы европейской цивилизации» важная роль в дестабилизации Версальской системы также отводится политике государств Центральной и Юго-Восточной Европы. Авторы названного издания указывают, что соперничество вновь созданных государств, а также отсутствие четких критериев определения границ привело к череде военных конфликтов в регионе [5, с. 468].

Е. Ю. Сергеев видит большой конфликтный потенциал в «клубке противоречий между странами, образовавшимися на развалинах Австро-Венгерской, Российской и Османской империй [6, с. 244].

Российские историки приходят к заключению, что наличие территориальных споров имело под собой объективную основу и создателям Версальской системы сложно было решить эту проблему. По мнению В. Л. Малькова, Версаль четко показал, что найти приемлемое для всех решение вопроса о границах на основе «общей этнической родословной», что наличие территорий со смешанным населением приводило к тому, что, где бы ни пролегла граница, сотни тысяч людей оказывались в «чужом» национальном государстве. По мнению авторов указанного исследования, «национальный» аспект послевоенного урегулирования «был так же противоречив и непрочен, как и все остальные его аспекты». Неизбежное несовпадение государственных границ с этническими в «послеверсальской» Европе создало многочисленные очаги скрытой напряженности, смягчить которую Лига Наций была бессильна. Национальная неоднородность новых государств была одной из «мин замедленного действия», заложенных под фундамент новой модели международных отношений. Она сработала и была в полной мере использована гитлеровской Германией и ее союзниками в период кризиса Версальской системы [5, с. 493, 495–496].

И. С. Яжборовская обращает внимание на роль Советской России в деле дестабилизации ситуации в Центральной Европе. Она пишет, что Советская Россия оказалась вне Версальской системы, и послевоенные задачи Европа решала без нее, усиливая ощущение обделенности, потери своего прежнего ареала влияния и престижа. А это уже создавало почву для конфликта Советской России с соседями, подрывая теоретические установки на реализацию в отношении вновь воссоздаваемых государств Центрально-Восточной Европы принципа права наций на самоопределение и обостряя проблемы установления новых границ [14, с. 55–56].

Некоторые российские исследователи определяют систему международных отношений, сложившуюся в Европе после Первой мировой войны, как Версальско-Рижскую, указывая при этом на Рижский договор как на дестабилизирующий фактор послевоенного международного порядка. Так, М. М. Наринский отмечает, что обычно систему международных отношений, сформировавшуюся после Первой мировой войны, называют Версальско-Вашингтонской. По его мнению, с некоторой долей условности ее европейскую подсистему можно назвать Версальско-Рижской, в полной мере учитывая ее неустойчивость и нестабильность [15, с. 49].

Таким образом, в современной российской историографии господствует концепция, характеризующая Версальскую систему как неустойчивую и нестабильную. Она не является принципиально новой по отношению к советской историографии, но был отброшен классовый подход при определении характера отношений между государствами. С неустойчивостью Версальской системы российские историки связывают возникновение Второй мировой войны. Фактически, современная российская историография в оценках Версальской системы отталкивается от факта возникновения Второй мировой войны и стремится найти преемственность между двумя мировыми войнами. Поиск истоков второй из них ведет к тому, что Версальская система рассматривается с акцентом на ее нестабильность, на нарастание в ней кризисных явлений.

Неустойчивость Версальской системы связывается российскими историками с несколькими факторами. Отмечается несоответствие декларируемого стремления создать международный порядок справедливый для всех с эгоистической политикой основных создателей Версальской системы. Они, опираясь на силу, стремились зафиксировать в рамках нового международного порядка прежде всего свои интересы. Подорвала устойчивость Версальской системы дискриминация в ее рамках ряда государств: Германии и ее союзников, России. Причем по отношению к России акцент все больше делается на антироссийские устремления создателей Версальской системы независимо от того, какие политические силы окажутся там у власти по итогам Гражданской войны. По мнению современных российских историков, исключение Германии и России из числа центров силы в рамках Версальской системы ее создателями, отказ США взять на себя роль фактора равновесия в ее рамках привели к тому, что это равновесие оказалось крайне неустойчивым. В результате под вопрос была поставлена стабильность нового международного порядка.

Важным дестабилизирующим фактором Версальской системы, согласно современной российской историографии, стали территориальные и межнациональные конфликты, прежде всего в Восточной, Центральной и Юго-Восточной Европе. При этом российские историки, с одной стороны, ведут речь о «двойных стандартах» создателей Версальской системы при решении территориальных проблем и реализации права наций на самоопределение. А с другой, отмечают объективные сложности, которые делали практически невозможным бесконфликтное решение данных проблем.

Следует отметить влияние политического фактора при характеристике современной российской историографией Версальской системы. Это проявляется в усилении в последнее время в исследованиях тезиса об антироссийской направленности политики Запада в

связи с созданием Версальской системы, что во многом обусловило нарастание в ней кризисных явлений.

Источники и литература

1. Мальков, В. Л. Версаль и его уроки. Российский взгляд / В. Л. Мальков // Первая мировая война: пролог XX века. – М. : Наука, 1998. – С. 202–210.

2. Манькин, А. С. Системность в международных отношениях: содержание, причины формирования и этапы развития / А. С. Манькин // Введение в теорию международных отношений. Уч. пос. / Отв. ред. А. С. Манькин. – М. : МГУ, 2001. – С. 11–41.

3. Туполев, Б. М. Роль Версальского мирного договора в происхождении Второй мировой войны / Б. М. Туполев // Вторая мировая война: уроки истории для Германии и России. Материалы международной научной конференции (Кемерово, 23–25 сентября 2005 г.) / Под ред. Ю. В. Галактионова. – М. : Российские университеты, 2006. – С. 38–43.

4. Великая Отечественная война 1941–1945 годов : в 12 т. – М. : Кучково поле, 2012. – Т. 2 : Происхождение и начало войны. – 1008 с.

5. Первая мировая война и судьбы европейской цивилизации / Под ред. Л. С. Белоусова, А. С. Манькина. – М. : Издательство Московского университета, 2014. – 816 с.

6. Сергеев, Е. Ю. Версальско-Вашингтонская система международных отношений как попытка создания бесконфликтного миропорядка / Е. Ю. Сергеев // Исторические исследования. Электронный журнал исторического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова. – 2020. – № 15. – С. 237–246.

7. Мальков, В. Л. Версаль: дипломатический эпилог войны / В. Л. Мальков // Мировые войны XX века : в 4 кн. – М. : Наука, 2002. – Кн. 1 : Первая мировая война: исторический очерк. – С. 608–623.

8. Магадеев, И. Э. Проблема стабильности версальского порядка в Европе в оценках российской историографии / И. Э. Магадеев // 25 лет внешней политике России» : сб. материалов X Конвента РАМИ (Москва, 8–9 декабря 2016 г.) : в 5 т. / под общ. ред. А. В. Мальгина ; [науч. ред. А. В. Ревякин]. – Москва : МГИМО–Университет, 2017. – Т. 3 : История международных отношений: актуальные проблемы отечественной историографии. – С. 47–75.

9. Зубачевский, В. А. Политика России в Центрально-Восточной Европе (первая треть XX века): Геополитический аспект / В. А. Зубачевский. – Омск : Изд-во ОмГПУ, 2018. – 396 с.

10. Наумов, А. О. Дипломатическая борьба в Европе накануне Второй мировой войны. История кризиса Версальской системы / А. О. Наумов. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2007. – 416 с.

11. Ахтамзян, А. А. Профили рапальской дипломатии (очерки) / А. А. Ахтамзян. – М. : МГИМО–Университет, 2009. – 288 с.

12. Михайленко, В. И. Версальско-Вашингтонская система / В. И. Михайленко, Т. П. Нестерова. – Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2003. – Часть 1 : Первая мировая война и становление Версальско-Вашингтонской системы. – 131 с.

13. Романова, Е. В. Международные системы середины XVII – первой половины XX века в современной российской историографии: проблема типологии / Е. В. Романова // 25 лет внешней политике России» : сб. материалов X Конвента РАМИ (Москва, 8–9 декабря 2016 г.) : в 5 т. / под общ. ред. А. В. Мальгина ; [науч. ред. А. В. Ревякин]. – Москва : МГИМО–Университет, 2017. – Т. 3 : История международных отношений: актуальные проблемы отечественной историографии. – С. 148–173.

14. Яжборовская, И. С. От войны 1919–1921 годов к миру и изживанию ее синдрома / И. С. Яжборовская // Забытый мир: Рижский договор 1921 года: интерпретации и споры: Научное издание / Под ред. С. Дембского, А. В. Мальгина (русское издание). – М. : ЗАО Издательство «Аспект Пресс», 2014. – С. 51–66.

15. Наринский, М. М. Советско-польская война и Рижский мир 1921 года / М. М. Наринский // Забытый мир: Рижский договор 1921 года: интерпретации и споры: Научное издание / Под ред. С. Дембского, А. В. Мальгина (русское издание). – М. : ЗАО Издательство «Аспект Пресс», 2014. – С. 30–50.

УДК 94(476)“1921/1939”

В. М. Бароўская

Інстытут гісторыі НАН Беларусі, г. Мінск

БЕЛАРУСЬ І САВЕЦКА-ПОЛЬСКІЯ АДНОСІНЫ Ў 1933–1939 ГАДЫ

Падпісаны ў ліпені 1932 г. “Дагавор аб ненападзенні” ССРСР і Польшчай, завяршаючы адзін з этапаў савецка-польскіх адносін, мог стаць асновай для іх уздыму на новы і больш высокі ўзровень. Савецкі ўрад,

падпісваючы дагавор, як бы заяўляў аб тым, што ў бліжэйшы час не будзе выкарыстоўваць нацыянальны рух у Заходняй Беларусі і Украіне для спроб развалу Польскай дзяржавы, як гэта рабілася раней. З боку Польшчы было сведчаннем таго, што яе актыўная палітыка ў Цэнтральна-Усходняй Еўропе, уздоўж заходніх межаў СССР, не мае на мэце стварэння агрэсіўнага антысавецкага блока.

У 1933–1939 гг. у адносінах паміж СССР і Польшчай выступаюць праблемы, на развіццё якіх істотны ўплыў аказвалі палітычныя змены ў Еўропе. Савецкі і польскі бок мелі розныя погляды на многія з гэтых праблем, разыходжанні паглыбляліся адрознасцю грамадскага ладу Польшчы і СССР. Генеральным накірункам савецкай знешняй палітыкі было захаванне міру ў Еўропе і ва ўсім свеце і ліквідацыя пагрозы вайны шляхам стварэння сістэмы калектыўнай бяспекі, аснову якой складалі б шматбаковыя дагаворы, у першую чаргу падмацаваны спецыяльнымі дамовамі пакт Лігі Нацый. Польскі ўрад лічыў, што забяспечыць краіне мір дапаможа захаванне нейтралітэта ў спрэчных міжнародных праблемах, падмацаваны дагаворамі з суседзямі аб ненападзенні і нейтралітэце. У савецка-польскіх адносінах у 1933–1939 гг. перыяды супадзення поглядаў і супрацоўніцтва былі больш кароткімі ў параўнанні з перыядамі рознагалоссяў і канфрантацый.

Палітычную аснову савецка-польскіх адносін у 1930-х гг. складалаў “Дагавор аб ненападзенні”, падпісаны 25 ліпеня 1932 г. у Маскве. Па прычыне таго, што ён з’яўляўся адным з некалькіх пактаў такога тыпу, заключаных СССР (у прыватнасці, з Францыяй, Латвіяй, Эстоніяй і Фінляндыяй), яго можна было прызнаць фактарам, які забяспечваў СССР бяспеку яго межаў. Што датычыцца двухбаковых адносін паміж СССР і Польшчай, то з прыходам гітлераўцаў да ўлады ў Германіі і ўмацаваннем пагрозы вайны для іх развіцця стваралася новая палітычная платформа. Рост напружанасці ў польска-германскіх адносінах быў абумоўлены рэвізіянісцкімі патрабаваннямі А. Гітлера аб далучэнні Гданьскага Памор’я. У Польшчы яны выклікалі абарончую рэакцыю [1, с. 55].

18 сакавіка 1933 г. у Рыме быў агучаны праект так званага “пакта чатырох”. Удзельнічаць у ім павінны былі Вялікабрытанія, Францыя, Італія і Германія, пры гэтым прадугледжвалася, што яны будуць вырашаць канфліктныя пытанні, якія існавалі ці маглі ўзнікнуць у Еўропе. Далейшаму збліжэнню СССР, Польшчы і іншых дзяржаў, якім пагражаў праект “пакта чатырох”, садзейнічала савецкая прапанова аб падпісанні канвенцыі аб вызначэнні агрэсара. Яго рэалізацыя прадэманстравала б мірныя адносіны, якія існавалі паміж СССР і яго

суседзямі, садзейнічала б умацаванню ўзаемнага даверу, паслабленню напружанасці ў Еўропе, уздзейнічала б на камісію па раззбраенні, каб яна прыняла савецкі праект як універсальны. Савецкая прапанова была перадаана 19 красавіка 1933 г. Ю. Лукасевічу. Праз тыдзень пачаліся перагаворы. Адначасова наступіла заўважнае ажыўленне савецка-польскіх кантактаў у розных галінах. 1 мая Ю. Пілсудскі сустрэўся з У. А. Антонавым-Аўсеенка. У красавіку-маі адбыўся візіт у СССР Б. Медзынскага – галоўнага рэдактара “Газеты польскай”. Яго місія мела палітычны характар: ён імкнуўся ўпэўніць сваіх суразмоўцаў у тым, што польскія дзяржаўныя інтарэсы выключаць магчымасць саюза Польшчы з Германіяй для якіх-небудзь наступальных дзеянняў супраць СССР. У маі Польшчу наведала дэлегацыя Народнага камісарыята знешняга гандлю, у выніку пасля гэтага польская прамысловасць атрымала значныя заказы. Пашыраліся навуковыя і культурныя сувязі. У чэрвені былі заключаны дамовы аб сплыве па памежных рэках і дагавор аб парадку расследвання і вырашэння памежных канфліктаў. У ліпені адбыўся візіт у Польшчу галоўнага рэдактара “Известий» [2, с. 331].

Перагаворы па пытанні канвенцыі аб вызначэнні агрэсара скончыліся 3 ліпеня 1933 г. яе падпісаннем. У Варшаве канвенцыю расцэньвалі як дапаўненне двухбаковых дагавораў аб ненападзенні і перш за ўсё абавязак аб аказанні ўзаемнай дапамогі ў выпадку нападения і аб прымяненні санкцый супраць агрэсара. З другога боку, канвенцыя садзейнічала папулярызацыі ў капіталістычных дзяржавах прынцыпаў міралюбівай палітыкі СССР. Заключэнне канвенцыі стварыла вельмі спрыяльную атмасферу ў савецка-польскіх адносінах, якая захоўвалася да вясны 1934 г. [3, с. 156–157]. Савецкі ўрад надаваў важнае значэнне пазіцыі Польшчы ў адносінах да СССР, так як магчымасць ажыццяўлення далёка ідучых планаў экспансіі Германіі была цесна звязана з геапалітычным становішчам Польшчы і залежыла ад таго, ці зможа Германія падпарадкаваць яе палітычна або шляхам захопу. Пэўнае жаданне Польшчы вясной 1933 г. супрацьдзейнічаць гітлераўскім канцэпцыям, а таксама выхад Германіі з Лігі Нацый, што выклікала ў польскага боку сур’ёзныя апасенні, надавалі польскай палітыцы рысы сталыя, а не кан’юнктурныя.

У пачатку 1930-х гадоў у савецкай знешняй палітыцы адбыўся паварот у бок збліжэння з краінамі Версальскай сістэмы. Пачалася планамерная падрыхтоўка да заключэння пакта аб ненападзенні з Польшчай. Яшчэ ўноце ад 29 снежня 1928 г. часова выконваючага абавязкі народнага камісара замежных спраў СССР М. М. Літвінава пасланніку Польшчы ў Маскве С. Патэку была выказана прапанова падпісаць

прадакол аб датэрміновым увядзенні ў дзеянне пакта Брыяна-Келага паміж Польшчай і СССР [4, с. 45–47]. На пасяджэнні Палітбюро ЦК УКП (б) 25 студзеня 1930 г. абмяркоўвалася пытанне паляпшэння савецка-польскіх адносін, было вырашана ўказаць паўнамоцнаму прадстаўніку ў Варшаве “будаваць свае адносіны з польскім Міністэрствам замежных спраў сыходзячы з таго, што ў дадзены момант мы не зацікаўлены ў абвастэрэнні адносін з палякамі” [5, арк. 114].

У 1934 г. было зроблена заява Польшчы аб дэнансацыі Малага Версальскага дагавора аб абароне правоў нацыянальных меншасцяў на яе тэрыторыі. Менавіта ў гэты ж час СССР быў прынята ў склад Лігі Нацый. У шэрагах польскага кіраўніцтва ўзніклі апасенні, што гэта можа вызваць актуалізацыю на міжнароднай арэне пытання аб правах нацыянальных меншасцяў на тэрыторыі Заходняй Беларусі і Заходняй Украіны. Аднак савецкі бок ніякім чынам не адрэгаваў на факт адмовы Польшчы выконваць вышэй названы дагавор, што яшчэ раз пацвярджае імкненне СССР да нармалізацыі савецка-польскіх адносін. Толькі была выдана адозва ЦК КПЗБ “Да працоўных Заходняй Беларусі” ў сувязі з адмовай польскага ўрада ад міжнароднага дагавора аб нацыянальных меншасцях у кастрычніку 1934 г. [6, с. 20]. 13 студзеня 1934 г. з польскага консульства ў Мінску была накіравана тэлеграма паслу Польшчы ў Маскве, у якой паведамлялася аб арыштах у БССР былых дзеячоў БСРГ, якія прыехалі сюды па абмену (справа Беларускага нацыянальнага цэнтра) [3, с. 167].

Абвясчэнне савецкім кіраўніцтвам палітыкі, накіраванай на стварэнне сістэмы калектыўнай бяспекі зусім не азначала, што яно адмаўляецца ад імкнення дабіцца зменаў у палітычным уладкаванні Усходняй Еўропы, якое было ўсталявана ў рамках Версальскай сістэмы міжнародных адносін, у прыватнасці ўключэння Заходняй Беларусі ў склад СССР. Падпісанне Усходняга пакта ўмацавала б знешнепалітычныя пазіцыі СССР і стварыла б умовы для ажыццяўлення тэрытарыяльных зменаў ва Усходняй Еўропе. Наладжванне адносінаў з Польшчай павінна было зняць супрацьдзеянне з яе боку савецкім намаганням па заключэнні названага дагавора.

У сваю чаргу польскі ўрад добра разумеючы намеры СССР запатрабаваў спыніць выступленні савецкай прэсы на тэму акупацыі Польшчай Заходняй Беларусі і Заходняй Украіны. Летам 1934 г. у Польшчы знаходзіўся К. Б. Радэк, які з’яўляўся на той момант рэдактарам “Известий”. Ён прапанаваў палякам узаемна адмовіцца ад раздзімання нацыянальных праблем з абодвух бакоў [1, с. 62].

“Усходнія крэсы” ў 1930-я гг. працягвалі адыгрываць важную ролю ў знешнепалітычных планах польскіх кіруючых колаў, якія імкнуліся да надання Польшчы вялікадзяржаўнага статуса. Для

ажыццяўлення гэтай мэты планавалася старыць блок Міжмор'я, дзе тэрыторыя Заходняй Беларусі і Заходняй Украіны выконвала б функцыю маста паміж Балтыйскім і Чорным морамі. Неабходна было дабіцца стабілізацыі ўнутрыпалітычнай сітуацыі на гэтых землях.

13–15 лютага 1934 г. адбыўся візіт польскага міністра замежных спраў Ю. Бэка ў Маскву. Практычнай мэтай яго было прадэманстраваць, што, нягледзячы на падпісанне польска-германскай дэкларацыі, савецка-польскія адносіны не пагоршыліся. У выніку было вырашана, што неабходна павысіць узровень дыпламатычнага прадстаўніцтва да рангу пасольстваў і працягнуць тэрмін дзеяння савецка-польскага пакта аб ненападзенні на 10 гадоў. Адпаведны пратакол быў падпісаны 5 мая 1934 г. Вынікі візіта Ю. Бэка ў Маскву схілілі і польскіх, і савецкіх дыпламатаў да спробы падвесці баланс і зрабіць прагноз на будучыню. М. М. Літвінаў зрабіў вывад, што далейшае збліжэнне з Польшчай, у аснове якога знаходзілася б супрацьдзеянне германскай палітыцы, немагчыма [3, с. 173].

У савецка-польскіх адносінах гэтага перыяду важнае значэнне набылі пытанні ўступлення СССР у Лігу Нацый і заключэння Усходняга пакта. У снежні 1933 г. ЦК УКП(б) прыняў Пастанову аб разгортванні барацьбы за стварэнне сістэмы калектыўнай бяспекі ў Еўропе ў мэтах прадухілення пагрозы вайны і фашысцкай агрэсіі [7, с. 308]. Пры гэтым было прызнана магчымым уступленне СССР у Лігу Нацый і адначасовае падпісанне еўрапейскімі дзяржавамі рэгіянальнага дагавора аб абароне ад агрэсіі. Удзельнікамі рэгіянальнага Усходняга пакта павінны стаць СССР, Фінляндыя, Польшча, Чэхаславакія і прыбалтыйскія дзяржавы. Перагаворы аб Усходнім пакце працягвалася да канца 1934 г. У той час адбываліся размовы М. М. Літвінава з Ю. Бэкам у Жэневе. Але 9 кастрычніка 1934 г. міністр замежных спраў Францыі Л. Барту, прыхільнік уступлення СССР у Лігу Нацый і заключэння Усходняга пакта, быў забіты, што абцяжарыла палітычнае становішча. Пераемнік Л. Барту П. Лаваль шукаў магчымасці непасрэднай дамовы з Германіяй, што паслабіла б значэнне праекта Усходняга пакта.

Летам 1937 г. савецкі ўрад прапанаваў польскаму боку скараціць на тэрыторыі СССР колькасць польскіх консульстваў з мэтай ліквідацыі дыспрапорцыі паміж колькасцю польскіх консульстваў у СССР і савецкіх консульстваў у Польшчы. У адваротным выпадку ўрад СССР пагражаў дэнансаваць консульскую канвенцыю. У сярэдзіне 1938 г. пачаліся перагаворы аб гандлёвай дамове. Добразычлівая пазіцыя савецкага ўрада садзейнічала таму, што 19 лютага 1939 г. былі падпісаны Дагавор і Дамова аб тавараабмене і разліках. Дэкрэтам Прэзідэнта Польшчы ад 11 сакавіка яны ўводзіліся ў дзеянне яшчэ да

таго, як сейм разглядзеў праект закона аб іх ратыфікацыі. Паспешлінасць гэта была абумоўлена развіццём міжнародных падзей.

Народны камісар замежных спраў СССР М. М. Літвінаў у размове з польскім паслом В. Гжыбоўскім 1 красавіка 1939 г. падняў пытанне аб магчымасці ўмацавання непасрэднага савецка-польскага супрацоўніцтва. Польскі бок даў негатыўны адказ аб яго ўдзеле ў шматбаковых дагаворах. 4 красавіка 1939 г. савецкі бок зноў паўтарыў свой запыт. Аднак польская пазіцыя не змянілася. У паведамленні ТАСС савецкае кіраўніцтва зноў нагадала аб жаданні распачаць супрацоўніцтва. Але Міністэрства замежных спраў Польшчы працягвала ўхіляцца аб больш цеснага супрацоўніцтва з СССР, зводзячы яго да бягучых адносін і дамаўляючыся на павелічэнне гандлёвых абаротаў. У польскім знешнепалітычным ведамстве лічылі, што абаснаванасць такой пазіцыі пацвярджаецца палітыкай Вялікабрытаніі ў адносінах да СССР: нягледзячы на шматлікія савецкія прапановы, ідэя супрацоўніцтва з ім разглядалася ў Лондане вельмі неспрыяльна [6, с. 22].

З пачатку мая 1939 г. план уцягнення Польшчы ў антыгітлераўскую кааліцыю стаў больш рэальным. Дэнансацыя А. Гітлерам польска-германскай дэкларацыі ад 26 студзеня 1934 г. рабіла немагчымым польска-германскую дамову, накіраваную супраць СССР. У гэтых абставінах адбыўся неафіцыйны візіт У. П. Пацемкіна, намесніка народнага камісара замежных спраў СССР, 10 мая ў Варшаву. У размове з польскім міністрам замежных спраў бакі не прышлі на пэўнай узгодненасці пазіцый. У. П. Пацемкін заявіў, што Польшча ў выпадку нападзення з захаду зможа разлічваць на добразычлівую пазіцыю Савецкага Саюза, які не адмовіць ёй у дапамозе, калі яго папросяць аб гэтым. Ю. Бэк спасылаўся на прынцыпы дагавора аб нейтралітэце, лічачы іх генеральным напрамкам міжнародных адносін. Гэтыя ж пытанні паралельна абмяркоўваліся В. Гжыбоўскім і народным камісарам замежных спраў В. М. Молатавым. Вызначаючы пазіцыю Польшчы ў адносінах да СССР, В. Гжыбоўскі сфармуляваў яе наступным чынам: Польшча не жадае ў цяперашні момант звязваць сябе якімі-небудзь дамовамі з СССР і адмаўляецца ад якіх бы то ні было савецкіх гарантый [8, с. 393–394].

Пункт гледжання ад непатрэбнасці польска-савецкага ваеннага супрацоўніцтва вызначаў і пазіцыю, занятую Польшчай падчас размоў з прадстаўнікамі генеральных штабоў Францыі і Вялікабрытаніі, якія адбываліся ў другой палове мая 1939 г. Інструкцыі Э. Рыдз-Сміглы не прадугледжвалі ніякай дамовы з СССР у выпадку ўзнікнення пагрозы ці ўзброенага канфлікта. Польскі план вайны прадугледжваў абарончыя дзеянні ў выпадку германскага ўдару і ўтры-

манне пазіцый да моманту контрнаступлення Францыі і Вялікабрытаніі. У ходзе польска-англійскіх перагавораў абмяркоўвалася магчымасць атрымання рыштунку праз тэрыторыю СССР, але толькі ў плане тэхнічных магчымасцей перагрузкі на пагранічных станцыях. Такая пазіцыя Польшчы сыходзіла ад пазіцыі заходніх краін, у асаблівасці Вялікабрытаніі, у адносінах да савецкай прапановы аб стварэнні сумеснага антыгітлераўскага фронту [9, с. 68].

Мюнхенскага змова за кошт Чэхаславакіі, адхіленне савецкай ініцыятывы па стварэнні сістэмы калектыўнай бяспекі ўмацавалі ізаляцыю СССР і абвастрылі становішча ў Еўропе. Але ў гэтых умовах Вялікабрытанія, Францыя і Польшча працягвалі паўтараць былыя аргументы, які прывялі да таго, што не былі рэалізаваны ні Усходні пакт, ні ваенная канвенцыя, якая павінна была стаць дадаткам савецка-французскага дагавора 1935 г., ні рэформа Лігі Нацый.

Гэтыя абставіны прымусілі савецкі ўрад прыняць меры па забяспячэнні бяспекі СССР перад тварам пагрозы вайны ў Еўропе. Гэта было падкрэслена ў дакладзе аб міжнародным становішчы і знешняй палітыцы СССР, які быў зроблены В. М. Молатавым за пасяджэнні III сесіі Вярхоўнага Савета СССР 31 мая 1939 г. Старшыня СНК заявіў, што інтарэсы СССР супадаюць з інтарэсамі міралюбівых краін і накіраваны на тое, каб стрымаць далейшае развіццё агрэсіі шляхам стварэння надзейнага і выніковага абарончага фронту міралюбівых дзяржаў. Адначасова ён падкрэсліў, што савецкая палітыка павінна клапаціцца аб тым, каб Савецкі Саюз не быў уцягнуты ініцыятарамі вайны ва ўзброены канфлікт насуперак сваім жыццёвым інтарэсам. Для рэалістычнай палітыкі СССР, разам з імкненнем стварыць блок дэмакратычных дзяржаў, з'явілася альтэрнатыва – захаванне як мага болей доўга нейтралітэта ў непазбежным узброеным сутыкненні дзяржаў капіталістычнага лагера [4, с. 84–85].

Эпілогам стала развіццё падзей у ліпені–жніўні 1939 г. Вядомыя англа-франка-савецкія перагаворы пацвердзілі, што заходнія дзяржавы не схільныя заключыць з Савецкім Саюзам дагавор аб узаемнай дапамозе. Адмоўна сказала на ходзе перагавораў і стан савецка-польскіх адносін. У такіх умовах 23 жніўня 1939 г. савецкі ўрад вырашыў заключыць з Германіяй дагавор аб ненападзенні, што даваў час для ўмацавання абароны краіны. Нападзенне фашысцкай Германіі на Польшчу 1 верасня 1939 г. стала пачаткам Другой сусветнай вайны.

Крыніцы і літаратура

1. Матэрыялы «Особой папки» Политбюро ЦК РКП (б) – ВКП (б) по вопросу советско-польских отношений в 1923-1944 гг. / Рос. акад.

наук, Ин-т славяноведения и балканистики, Рос. центр хранения и изучения док. новейшей истории, Науч. цент общеславян. исслед. – М., 1997. – 144 с.

2. Беларусь у палітыцы суседніх і заходніх дзяржаў (1914–1991 гг.): зб. дак і матэрыялаў : 4 т. / склад. А. Ф. Вялікі [і інш.] : рэдкал.: С. М. Мартынаў [і інш.]. – Мінск : Юніпак, 2012. – Т. 2 : 19 сакавіка 1921 г. – 31 жніўня 1939 г. – 479 с.

3. Документы и материалы по истории советско-польских отношений : в 14 т. / Ин-т славяноведения и балканистики АН СССР, Ин-т истории польско-советских отношений Польской АН; Отв. ред. И. А. Хренов, Т. Цесляк. – М. : Наука, 1969. – Т. 6 : 1933–1938 гг. – 434 с.

4. Знешняя палітыка Беларусі : зборнік дакументаў і матэрыялаў : у 10 т. / склад. У. М. Міхнюк, У. К. Ракашэвіч, Я. С. Фалей, А.В. Шапа. – Мінск : БелНДІДАС, 1999. – Т. 3 : 1928–1941 гг. – 321 с.

5. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь. – Ф. 242п. – Воп. 1. – Спр. 241. – Арк. 114.

6. Мезга, Н. Н. Западная Беларусь в советско-польских отношениях: от Рижского договора до воссоединения с БССР / Н. Н. Мезга // Журнал Белорусского государственного университета. История. – 2019. – № 4. – С. 20–27.

7. История внешней политики СССР. 1917–1975 : в 2 т. – М. : Наука, 1976. – Т. 1 : 1917–1945. – 543 с.

8. СССР в борьбе за мир накануне второй мировой войны (сент. 1938 – август 1939 гг.): док. и материалы / М-во иностранных дел СССР. – М. : Политиздат, 1971. – 671 с.

9. Лазько, Р. Р. Перад патопам (Еўрапейская палітыка Польшчы. 1932–1939 гг.) / Р. Р. Лазько. – Мінск : БДУ, 2000. – 354 с.

УДК 94(438+430)"1938/39"

Л. В. Гавриловец

Мозырский государственный педагогический университет имени И. П. Шамякина, г. Мозырь

ПОЛЬСКО-ГЕРМАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ НАКАНУНЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Статья посвящена исследованию польско-германских отношений накануне Второй мировой войны. Неудачная попытка Германии превратить Польшу в своего «союзника» в будущем конфликте с европейскими странами в конечном итоге привела к германо-польской войне. Для Польши

же принятие пакета германских предложений означало приобретение статуса сателлита Германии, что по мнению польского руководства являлось невозможным. Действия польского правительства и его позиция на международной арене в значительной степени повлияли на ход, продолжительность и политические итоги Второй мировой войны.

Во время встречи в Мюнхене Гитлер заверил своих европейских партнеров, что это его последняя территориальная претензия, но тем не менее предпринял новые действия. 24 октября 1938 г. рейхсминистр иностранных дел Иоахим фон Риббентроп пригласил посла Польши в Германии Юзефа Липского и представил ему предложение о глобальном урегулировании германо-польских отношений, которые до этого момента, по мнению польской стороны, казалось, были в порядке. 26 января 1934 г. был подписан германо-польский договор о ненападении сроком на 10 лет [1, s. 276]. Польско-германские отношения вступили в новую, спокойную фазу по сравнению с напряженным периодом 1919–1933 гг. Однако большая часть нерешенных проблем, осложнявших польско-германские отношения, осталась – это вопрос с Данцигом, «польский коридор», положение польского и немецкого национального меньшинств. Дальнейшее развитие германо-польских отношений во многом зависело от внешнеполитических планов А. Гитлера и от готовности польского руководства содействовать или противодействовать их реализации.

Германское руководство предложило Польше выразить свое согласие на повторное присоединение вольного города Данцига (Гданьск) к Рейху и проход через польскую Померанию, называемую немцами «польским коридором», экстерриториальной железнодорожной линии, соединяющей Восточную Пруссию с Рейхом [2, s. 435]. Немцам данная дорога необходима была, чтобы не платить Польше за прусский транзит в валюте, которой не хватало в имперском банке, поэтому у Германии постоянно был долг по транзиту [3, с. 158]. Взамен на это немцы взяли на себя обязательство уважать границы Польши и обеспечивать ее доступ в порт Гданьск, консультироваться друг с другом на международной арене. Германия также предложила Польше присоединиться к Антикоминтерновскому пакту.

Германские требования, предъявленные Польше, некоторое время не были известны на международной арене. Англия и Франция считали Польшу союзницей Рейха, что последней было продемонстрировано во время чехословацкого кризиса. После заявления Германией претензий на отдельные территории Чехословакии Польша отказала в возможности переброски войск и авиации СССР через ее пространство для оказания помощи чехословацкому государству. Более

того, после Мюнхенского соглашения 30 сентября 1938 г. о передаче Судетской области Германии правительство Польши под угрозой применения военной силы поставило перед Чехословакией ультиматум с требованием передать ей Тешинскую Силезию, расположенную в междуречье Вислы и Одры [4, с. 304]. К польскому ультиматуму Чехословакии европейские страны отнеслись очень критично. На международной арене считалось, что Польша стремится развалить чехословацкое государство. В то же время отмечалось, что правительство Польши поддерживало центробежные стремления словаков и украинцев (русинов, как их называли поляки) в Подкарпатской Руси, стремясь получить общую границу с Венгрией и создать так называемый блок «Междуморье» [5, с. 232].

В октябре 1938 г. был произведен захват у Чехословакии Тешинской Силезии, которую тогда населяло 227 400 человек. А до этого, во время неофициальных переговоров посла Польши в Германии Юзефа Липского и Германа Геринга, последним было дано разрешение на захват данной территории Чехословакии. 11 августа 1938 г. Ю. Липский доносил министру иностранных дел Польши Юзефу Беку, что «у него была возможность обменяться мнениями с Герингом, который заявил, что желал бы в конфиденциальном и неофициальном порядке обсудить дальнейшее польско-германское сближение в некоторых вопросах...». Кроме того, польский посол отмечал, что чехи на Парижской конференции стремились к получению общей границы с Советами, непомерно растягивая свою территорию вдоль южной границы Польши, а это в свою очередь лишило польское государство непосредственной границы с Венгрией, что противоречило польско-венгерским интересам. На данное заявление польского посла Геринг ответил, что он понимает необходимость общей польско-венгерской границы [4, с. 305]. Таким образом, германское руководство подключило Польшу к проведению своей античехословацкой политики.

Правительство Польши не было приглашено на Мюнхенскую конференцию, поэтому фактически интересы польской стороны представлял А. Гитлер. Ю. Бек затем выразил А. Гитлеру сердечную благодарность «за лояльную трактовку польских интересов». В дальнейшем Гитлер также проявлял лояльность к полякам, в конечном счете преследуя свои интересы. Он не дал возможности разгореться конфликту вокруг чешского города Одерберга в октябре 1938 г., который пытались занять немецкие войска, когда в то же время на него претендовала Польша. Несмотря на возражения внешнеполитического ведомства Германии Гитлер сообщил И. фон Риббентропу о том, что он собирается передать город Польше и не желает с ними торговаться из-

за каждого города. Германским СМИ было запрещено писать недружественные статьи о Польше, в частности о положении немецкого меньшинства, а также было дано указание приостановить проукраинскую пропаганду инстанциям, занимавшимся проблемами Подкарпатской Руси. Гитлер предложил премьер-министру Венгрии К. Дараньи расширить территорию его страны за счет Чехословакии при условии создания военно-политического блока трех государств: Германии, Польши и Венгрии. Резко негативной политика Германии в отношении Польши стала, когда Ю. Бек осознал, что оставшаяся часть Чехословакии может быть использована для изоляции Польши от стран Дунайского бассейна и Италии, а Подкарпатская Русь может стать базой влияния немцев на польское государство. В этих условиях в октябре 1938 г. Ю. Бек предпринял попытку реализовать план создания общей границы с Венгрией, что вызвало недовольство в Берлине. А. Гитлер запретил венгерскому руководству предпринимать какие-либо действия, связанные с изменением статуса Словакии и пресек попытки Польши захватить чешские территории между Остравицей и Тешинском, где находились важные индустриальные центры Остравская Моравия и Витковице [6, с. 252–253].

Однако получив в экономическом плане богатую Тешинскую Силезию, Польша оказалась внешнеполитически ослабленной, так как ее отношения с западными странами ухудшились. При этом польско-германские отношения никак не изменились, несмотря на всю положительную риторику с германской стороны в адрес Польши. Так, когда встал вопрос о присоединении вольного города Данцига к Германии польское руководство было очень сильно удивлено немецкими требованиями и отклонило их. Тайные переговоры по данному вопросу продолжались до 21 марта 1939 г. Тем временем А. Гитлер, чтобы запугать Польшу, решил окружить ее еще и с юга. 14 марта 1939 г. он убедил словаков отделиться от Чехии и провозгласить свой суверенитет.

Первоначально германское руководство желало установить с Польшей «приемлемые отношения», под которыми подразумевалось согласие польской стороны на включение Данцига в состав Германии, строительство экстерриториальных авто-железнодорожных магистралей через «польский коридор», присоединение Польши к Антикоминтерновскому пакту. Выполнение Польшей этих условий поставило бы под контроль вермахта часть ее территории и выход в Балтийское море, а присоединение к Антикоминтерновскому пакту лишило бы польское руководство возможности проводить политику балансирования между востоком и западом, а также ухудшило бы ее отношения с Францией и Англией.

24 октября 1938 г. спустя несколько часов после высказанных Германией предложений посол Польши Ю. Липский был вызван к И. фон Риббентропу, который не дожидаясь официального ответа Варшавы предложил, что если польская сторона желает присоединения Подкарпатской Руси к Венгрии, то это возможно при условии выполнения всего пакета германских предложений [7, с. 179]. 1 ноября 1938 г. Ю. Липский получил инструкции от своего руководства, но рейхсминистр иностранных дел не спешил принимать польского посла, демонстрируя влияние Германии в Центральной Европе. 19 ноября посол Польши на встрече с рейхсминистром отметил, что статус Данцига является очень важным для экономических интересов страны, поэтому предлагалось подписать двустороннее польско-германское соглашение о контроле над городом, что естественно не устраивало германское руководство.

24 ноября 1938 г. генерал В. Кейтель по распоряжению А. Гитлера сделал дополнение к его директиве от 21 октября, предусматривавшей подготовку к внезапному захвату немецкими войсками вольного города Данцига. Это означало, что Гитлер был недоволен ответом Варшавы и в случае необходимости собирался использовать различные средства убеждения, в том числе военные. В это же время ужесточилась политика Германии в отношении Польши. Во-первых, германское руководство категорически запретило присоединение Подкарпатской Руси к Венгрии, инициированное польской стороной. Во-вторых, Берлин высказал неудовольствие по поводу заключенного советско-польского коммюнике. В-третьих, был снят запрет на освещение в СМИ проблемы немецкого меньшинства, а Ю. Липскому 15 декабря 1938 г. было указано рейхсминистром на невыносимое положение немецкого меньшинства в Тешинской Силезии. Кроме того, И. фон Риббентроп во время очередной встречи с польским послом заявил, что Берлин ожидает от Варшавы проведения той политики, которая основывается на традициях Ю. Пилсудского, т. е. считаться с германскими интересами [6, с. 253].

Несмотря на усилившееся давление со стороны Германии, министр иностранных дел Польши Ю. Бек на протяжении декабря 1938 г. был уверен, что германское руководство не стремится к конфронтации с Варшавой. И в тот период это было правдой, так как германское руководство еще надеялось на то, что польская сторона примет их пакет предложений. 5 января 1939 г. А. Гитлер провел встречу с Ю. Бекком, лейтмотивом которой стало «генеральное урегулирование» германо-польских отношений. Коснувшись вопроса о Данциге, Гитлер предлагал достичь компромисса, который бы строился на

принципе, что в политическом плане город будет немецким, а в экономическом – польским, но в действительности это было невозможно. Ю. Бек считал, что альтернативы для Польши по вопросу Данцига нет, точно так как его не удовлетворило заявление германского руководства об общности интересов двух стран в отношении СССР и возможного военного сотрудничества [8, s. 183].

6 января 1939 г. в беседе с И. фон Риббентропом Ю. Бек отклонил германское предложение о присоединении Польши к Антикоминтерновскому пакту. По мнению министра иностранных дел Польши, подписание подобного соглашения не способствовало бы сохранению мира с СССР. В ходе визита в Германию Бек понял, что для Берлина важна реализация всего пакета предложений. Польское руководство пришло к выводу, что необходимо занимать твердую и последовательную позицию по отношению к германскому пакету предложений, несмотря на то, какова их окончательная цель. Решение Варшавы, принятое в январе 1939 г., имело принципиальное значение для последующего развития германо-польских отношений [9, s. 186].

Не столь определенными были выводы германского руководства, озвученные статс-секретарем МИД Э. фон Вайцеккером накануне прибытия в Берлин Ю. Бека. Э. фон Вайцеккер заявил, что необходимо выждать, пока «Бек не станет податливее». Выжидание не было пассивным, так как И. фон Риббентроп принял приглашение Варшавы в течение зимы 1939 г. посетить Польшу. Это свидетельствовало о том, что Берлин не оставлял надежду достичь соглашения с Варшавой. В связи с этим жесткие меры давления на Польшу, связанные с вопросом нацификации Данцига, были отложены до ответного визита Риббентропа в Варшаву. Тем не менее германское руководство оказывало косвенное давление на Польшу, используя в своей игре советский фактор. Визит И. фон Риббентропа в Польшу был приурочен к 5-й годовщине подписания германо-польского договора 1934 г., но не принес каких-то существенных результатов. Рейхсминистр заявил, что между государствами нет таких проблем, которые они не могли бы уладить, но Ю. Бек предупредил, что не стоит внушать Гитлеру положительный исход по вопросу германских предложений. Ю. Бек считал, что необходимо придерживаться твердой позиции и не идти на уступки [10, s. 187].

Несмотря на неудачный визит в Польшу И. фон Риббентропа, германское руководство все-таки предоставляло Варшаве «время на раздумье». 30 января 1939 г. Гитлер, выступая в рейхстаге, отметил, что на развитие событий в Европе в 1938 г. стабилизирующее влияние

оказывали именно германо-польские отношения. На протяжении февраля-марта 1939 г. в Германии продолжали действовать строгие ограничения на публикацию негативных материалов о состоянии польско-германских отношений. Интересен тот факт, что именно в Германии был издан сборник речей, заявлений и интервью министра иностранных дел Польши Ю. Бека, в предисловии к которому польский дипломат характеризовался как один из первых государственных деятелей не только в Польше, но и в мире, который постиг необходимость соглашения с Рейхом [6, с. 257]. Таким образом, существовала определенная неясность в политике Берлина в отношении Польши, который всячески пытался найти выход, чтобы превратить ее в своего сателлита.

Дипломатические контакты двух стран были уже менее интенсивными и складывалось впечатление, что проблемы, стоявшие перед Германией и Польшей, утратили свою актуальность, но на самом деле это было не так. На мировой арене германское руководство приняло силовые операции (оккупация Чехии, включение Мемеля в состав Германии, провозглашение формально независимой Словакии) с целью не оставить для польского руководства иного выбора, как принять пакет германских предложений. Однако необходимо отметить, что в марте 1939 г. Данциг не являлся объектом германской агрессии, так как Берлин не собирался пока идти на резкое обострение взаимоотношений с Варшавой.

В сложившихся условиях дипломатическое давление Германии на Польшу вступило в заключительную стадию. 21 марта 1939 г. во время встречи Риббентропа с Липским в адрес Польши посыпались упреки, связанные с антигерманскими демонстрациями студентов в крупных польских городах, появлением негативных публикаций в польских СМИ по вопросу двусторонних отношений и безрезультативной деятельности смешанной германо-польской комиссии по вопросу национальных меньшинств. Риббентроп также предложил Липскому немедленно отправиться в Варшаву и пригласить для переговоров Бека, который проявит огромное желание заключить соглашение с Германией [11, с. 188].

23–24 марта 1939 г. во внешнеполитическом ведомстве Польши состоялись встречи и совещания, на которых обсуждалась сложившаяся ситуация в польско-германских отношениях. Вывод был только один – Берлину нельзя уступать. Необходимо отметить, что по некоторым вопросам польское руководство готово было пойти на уступки. Так, облегчить транзит через «польский коридор», установить двусторонние гарантии Данцигу, но категорически отказывалось построить

экстерриториальные магистрали на территории Польши, изменить статус Данцига, а вопрос о присоединении к Антикоминтерновскому пакту и вовсе не рассматривался.

25 марта 1939 г. генерал-полковнику В. фон Браухичу было приказано «разработать польский вопрос», т. е. рассмотреть вариант возможного наступления на Польшу. Тем временем в Польше началась частичная мобилизация резервистов и усиление ими частей, что дислоцировались в «польском коридоре». Это заставило германское руководство склониться к силовому варианту решения «польской проблемы». 1 апреля 1939 г. генералу В. Кейтелю было отдано распоряжение подготовить план нападения на Польшу. 5 апреля посольству Германии в Варшаве было предписано больше не обсуждать пакет германских предложений, как и польские контрпредложения. Кроме того, послу Г. фон Мольтке было приказано немедленно отправиться в отпуск в Германию, что свидетельствовало о замораживании двусторонних отношений.

В сложившейся ситуации 6 апреля 1939 г. был подписан англо-польский договор о взаимных гарантиях. Британское правительство пыталось предупредить Гитлера, что его дальнейший произвол Англия больше не потерпит. Заявление британского руководства придало Польше уверенность в том, что ей будет оказана помощь и укрепило мнение польского правительства в его неизбежном противостоянии с Германией [12, s. 292].

Польские власти стали ждать реакции со стороны Гитлера. Он не заставил долго ждать и 27 апреля 1939 г. заявил, что англо-польский договор о взаимных гарантиях является реализацией английского плана окружения Германии и противоречит ранее заключенным договорам: с Англией в 1935 г. и о ненападении с Польшей в 1934 г. Правительство Германии направило соответствующие ноты Англии и Польше, а Гитлер произнес в парламенте длинную речь, которая оправдывала дальнейшие его шаги [13, s. 284]. Он желал разобраться с Польшей, которая ему не подчинилась и преградила дорогу в районы СССР, выбранные для колонизации.

5 мая 1939 г. Ю. Бек в Сейме произнес речь, суть которой сводилась к тому, что поляки не желали «мира» любой ценой и уже обозначена черта, за которой нет места для компромисса с германским руководством. Речь Бека была воспринята в Берлине с неудовольствием, о чем свидетельствовала начавшаяся в Германии антипольская кампания. В германской прессе министр иностранных дел Польши подвергся резкой критике и нападкам.

Последние недели перед нападением на Польшу Берлин провоцировал пограничные и таможенные инциденты, разжигал международные конфликты с участием представителей немецкого меньшинства в Польше с целью осветить эти события в прессе как бросающие тень на польское государство [14, s. 438]. Так, в августе 1939 г. Варшава организовала мероприятия оборонительного характера на польско-германской границе, которые в германских СМИ охарактеризовали как приготовления к войне. Руководство Польши возлагало надежды на помощь западных стран. 25 августа 1939 г. был заключен англо-польский военный союз, которому не придавалось сколько-нибудь важного значения особенно со стороны Англии, потому что она не собиралась оказывать помощь Польше [15, p. 176], [16, s. 420]. Необходимо отметить, что США и Франция получили конфиденциальную информацию о секретном протоколе к пакту Молотова-Риббентропа, но польское правительство не было проинформировано об этом [5, s. 233].

В ночь на 31 августа 1939 г. Германия предъявила ультиматум, потребовав от поляков передать Данциг и согласиться на строительство немецкой автомобильной и железной дороги через Польшу. Таким образом, несмотря на англо-польское соглашение о взаимопомощи германское руководство не внесло никаких принципиально новых изменений в ранее принятые решения относительно Польши, но якобы под влиянием данного события перенесло сроки нападения на польское государство с 26 августа на 1 сентября 1939 г., а заключение пакта с СССР, по мнению фюрера, означало достижение поставленной им ранее задачи по изоляции Польши. Германское руководство признало тот факт, что на Польшу не стоит надеяться в ходе планируемой войны против западных стран, и она также не будет являться гарантом германского тыла в противостоянии с СССР.

Источники и литература

1. Deklaracja między Polską a Niemcami o niestosowaniu przemocy, podpisana w Berlinie dnia 26 stycznia 1934 r. // Dziennik Ustaw. – 1934. – Nr. 16. – Poz. 124. – S. 276–277.

2. Vorschlag für eine Regelung des Danzig-Korridor Problems sowie der Deutsch-Polnischen Minderheitenfrage // Dokumente zur Vorgeschichte des Krieges. Weißbuch Nr. 2. – 1935. – S. 433–436.

3. Усовский, А. Проданная Польша. Истоки сентябрьской катастрофы / А. Усовский. – Минск : Современная школа, 2010. – 320 с.

4. Гречена, Е. Польша. Полная история / Е. Гречена. – М. : Изд-во АСТ, 2020. – 352 с.

5. Czubiński, A. *Studia ostatnie* / A. Czubiński. – Poznań : Wydawnictwo Poznańskie, 2009. – 458 s.

6. Случ, С. З. Политика Германии и СССР в отношении Польши (октябрь 1938 – август 1939) / С. З. Случ // Вестник МГИМО-Университета. Специальный выпуск. – 2009. – С. 251–270.

7. Unterredung des Reichsministers des Auswärtigen mit dem Polnischen Botschafter, Berchtesgaden, 24. Oktober 1938 // Dokumente zur Vorgeschichte des Krieges. Weißbuch Nr. 2. – 1995. – S. 178–179.

8. Unterredung des Führers mit dem Polnischen Außenminister Beck im Beisein des Reichsministers des Auswärtigen, des Deutschen Botschafters in Warschau und des Polnischen Botschafters in Berlin Berchtesgaden, 5. Januar 1939 // Dokumente zur Vorgeschichte des Krieges. Weißbuch Nr. 2. – 1995. – S. 183–185.

9. Unterredung des Reichsministers des Auswärtigen mit dem Polnischen Außenminister Beck, München, 6. Januar 1939 // Dokumente zur Vorgeschichte des Krieges. Weißbuch Nr. 2. – 1995. – S. 185–186.

10. Unterredung des Reichsministers des Auswärtigen mit dem Polnischen Außenminister Beck, Warschau, 26. Januar 1939 // Dokumente zur Vorgeschichte des Krieges. Weißbuch Nr. 2. – 1995. – S. 186–187.

11. Unterredung des Reichsministers des Auswärtigen mit dem Polnischen Botschafter, 21. März 1939 // Dokumente zur Vorgeschichte des Krieges. Weißbuch Nr. 2. – 1995. – S. 187–189.

12. Rede des Britischen Premierministers Chamberlain im Unterhaus, 19. Mai, 1939 // Dokumente zur Vorgeschichte des Krieges. Weißbuch Nr. 2. – 1995. – S. 291–293.

13. Rede des Führers vor dem Deutschen Reichstag, 28. April 1939 // Dokumente zur Vorgeschichte des Krieges. Weißbuch Nr. 2. – 1995. – S. 284–286.

14. Von einem Beamten der Politischen Abteilung des Auswärtigen Amtes gefertigte Zusammenstellung der dem Auswärtigen Amt vorliegenden amtlichen Meldungen über schwere Grenzzwischenfälle an der deutsch-polnischen Grenze zwischen dem 25. und dem 31. August 1939 // Dokumente zur Vorgeschichte des Krieges. Weißbuch Nr. 2. – 1995. – S. 438–444.

15. Prazmowska, A. *Britain, Poland and the Eastern Front* / A. Prazmowska. – Cambridge : University Press, 1987. – 231 p.

16. Britk-Polnischer Vertrag über gegenseitigen Beistand, 25. August 1939 // Dokumente zur Vorgeschichte des Krieges. Weißbuch Nr. 2. – 1995. – S. 420–421.

А. М. Кротов

Гомельский государственный
университет имени Ф. Скорины, г. Гомель

БЕЛОРУСЫ И ПОЛЯКИ В ВОСПРИЯТИИ ДРУГ ДРУГА В СЕНТЯБРЕ 1939 – ИЮНЕ 1941 ГОДА

В статье рассматриваются особенности восприятия белорусами и поляками друг друга в сентябре 1939 – июне 1941 г. и доказывается, что оно имело крайне негативный характер, свидетельствующий о том, что белорусско-польские межнациональные отношения находились в состоянии конфликта. Он был обусловлен воссоединением Западной Беларуси с БССР и мероприятиями, проводимыми советской властью на освобождённых территориях. Делается вывод, что такое восприятие не могло способствовать решению задач, связанных с организацией борьбы населения Западной Беларуси с общим врагом – немецко-фашистскими захватчиками – после нападения Германии на СССР.

17 сентября 1939 г. по радио прозвучала речь Председателя СНК СССР В. М. Молотова, в которой говорилось о том, что события, вызванные польско-германской войной, показали внутреннюю несостоятельность и явную недееспособность польского государства, о банкротстве правящих кругов Польши: «Население Польши брошено его незадачливыми руководителями на произвол судьбы. Польское государство и его правительство фактически перестали существовать» [1]. Заявлялось о прекращении действия договоров, заключённых между Советским Союзом и Польшей: «Польша стала удобным полем для всяких случайностей и неожиданностей, могущих создать угрозу для СССР. В силу этого Советское правительство, остававшееся ранее нейтральным, не может далее сохранять свой нейтралитет, ибо создавшаяся ситуация вынуждает предпринимать меры, касающиеся безопасности СССР» [1].

Заявляя о начале освободительного похода Красной Армии, Молотов назвал его причины, цель и задачи: «От Советского правительства нельзя также требовать безразличного отношения к судьбе единокровных украинцев и белорусов, проживающих в Польше и раньше находившихся на положении бесправных наций, а теперь и вовсе брошенных на волю случая. Советское правительство считает своей священной обязан-

ностью подать руку помощи своим братьям-украинцам и братьям-белорусам, населяющим Польшу. Ввиду всего этого правительство СССР вручило сегодня утром ноту польскому послу в Москве, в которой заявило, что Советское правительство отдало распоряжение Главному командованию Красной Армии дать приказ войскам перейти границу и взять под свою защиту жизнь и имущество населения Западной Украины и Западной Белоруссии. Советское правительство заявило также в этой ноте, что одновременно оно намерено принять все меры к тому, чтобы выволить польский народ из злополучной войны, куда он был ввергнут его неразумными руководителями и дать ему возможность зажить мирной жизнью» [1].

В советской, а также современных белорусской и российской историографии, оценка этих событий в корне отличалась и отличается от того, как они трактуются и оцениваются польскими историками.

Представляется очевидным, что белорусских историков менее всего должно интересовать мнение их польских коллег по поводу освободительного похода Красной Армии и воссоединения Беларуси и белорусского народа. Главной причиной этого является тот бесспорный факт, что в польские политические стратегии в межвоенный период не входила поддержка деятельности белорусов по созданию ими собственного независимого государства. Польские власти никогда не рассматривали вопрос о предоставлении Западной Беларуси, доставшейся Польше по результатам Рижского мира, независимости или хотя бы политической автономии. Белорусское государство возникло и развивалось вопреки интересам Польши и её правящих кругов. Притом на территориях, которые поляки традиционно считали и продолжают считать «своими». Сложно предположить, что польские историки вдруг прозреют и попытаются руководствоваться в своих интерпретациях фактов истории и исторического процесса в целом не национальными стереотипами и сложившимися в польской историографии традициями, а логикой, научной объективностью и просто здравым смыслом.

Раздел Беларуси в 1921 г., который прошёл без участия самих белорусов, полное игнорирование интересов белорусского народа, подавление польскими властями всякого стремления белорусов, ставших гражданами Польши, сохранить своё национальное лицо, а также политика, направленная на их полонизацию, обеспечили негативное отношение белорусов к Польше и полякам и в Западной Беларуси, и в БССР.

Жёсткое подавление белорусского национального движения польскими властями в Западной Беларуси привело к тому, что именно БССР стала единственно существующей, успешно реализующей себя

формой государственного строительства белорусов, обеспечивающей им широкие возможности самореализации в общественной жизни, науке и образовании, культуре. Советская идеология и пропаганда многое сделали для того, чтобы создать и укоренить в сознании масс образ враждебного белорусам польского государства, слепо служившего интересам мирового империализма, и польского народа, отравленного ядом шовинизма и ксенофобии.

Что же касается оценки действий СССР в сентябре 1939 г. белорусской стороной – ни в советское, ни в постсоветское время никто не сомневался, что освободительный поход Красной Армии имел судьбоносное значение для белорусского народа, позволив воссоединить его в границах своих национальных территорий и расширить тем самым его возможности в деле дальнейшего строительства своего национального и государственного будущего.

Гибель Польской республики в сентябре 1939 г., воспринятая поляками как национальная трагедия, вызвала у белорусов совсем иные чувства. За межвоенный период для своих граждан-белорусов она не стала государством, которое те считали бы своим. Как не стали своими польские осадники, появившиеся на западных землях Беларуси после её раздела. Одной из задач, которые последние должны были выполнять, была консолидация этнических поляков – потомков мигрантов прежних волн колонизации белорусских земель, к тому времени уже в значительной степени подвергнувшихся ассимилирующему воздействию белорусской среды, и содействие их полному возвращению в «лоно польскости». Тем самым в Западной Беларуси должен был сформироваться контингент этнических поляков, численно достаточный для их господства на данной территории и полной её интеграции в состав Польши.

Ещё 18 октября 1920 г. Ю. Пилсудский объявил о планах колонизации: «Я уже предложил правительству, чтобы часть приобретённой земли стала собственностью тех, кто её сделал польской, обновив её польской кровью и тяжким трудом. Эта земля, засеянная кровавым семенем войны, ждёт мирного посева, ждёт тех, кто заменит меч на плуг и хотел бы в этой будущей работе одержать столько же мирных побед, сколько у нас было на поле битвы» [2, с. 17].

Польское государство всячески стимулировало процесс колонизации белорусских земель. В итоге в 1921–1939 гг. из Польши в Западную Беларусь переселились около 300 тысяч осадников, а также разных категорий чиновников и рабочих [3, с. 22]. По данным польского историка Михала Броновицкого переселенцев было как минимум 320 тысяч человек [4].

Сразу же после аннексии в Западной Беларуси начала проводиться политика сплошной полонизации. Несмотря на то, что в Версальском (статья 93 Приложения) [5, с. 45–46], Рижском (статья 7) [6] договорах и в конституции Польской республики (статьи 109–110) [7] за белорусами в составе Польши признавалось право на самостоятельное политическое, культурное и экономическое развитие, уже в марте 1923 г. из 400 существовавших на аннексированных территориях в 1921 г. белорусских школ остались только 37. В 1938–1939 учебном году там насчитывалось 5 общеобразовательных польско-белорусских школ, 44 школы с белорусским языком, как одним из предметов, и 1 гимназия. Та же участь постигла белорусские учреждения культуры и общественные организации [3, с. 22–23].

Ни о какой общественно-политической деятельности белорусов, если она не соответствовала интересам Польского государства, не могло быть и речи. Апогеем репрессивной деятельности польских властей стало создание в 1934 г. в небольшом городке Береза-Картузская одного из самых жутких концлагерей за всю историю XX в., где всё служило, как пишет О. Лицкевич, одной цели: «В кратчайшие сроки сломить человека физически и психологически, раздавить его индивидуальность, превратить в бессловесное быдло, даже не помышляющее о политической борьбе» [8, с. 78].

Польские историки признают, что западные белорусы позитивно отнеслись к ликвидации польского государства и воссоединению Беларуси. Даже большинство ведущих деятелей белорусского «незалежницького» движения, центром сосредоточения которых был Вильно, после занятия города Красной Армией высказались за сотрудничество с советской властью. В немалой степени их вдохновляли успехи белорусского национального культурного строительства в БССР. После того, как непосильный груз польского гнёта и национальных ограничений был сброшен, они рассчитывали включиться в работу по восстановлению того, что пришло в упадок за годы пребывания Западной Беларуси в составе Польши или было сознательно уничтожено польскими властями. Им казалось, что именно они возьмутся за возрождение загнанной поляками в подполье белорусской культуры, искусства, языка [9, с. 8]. Однако, как показало дальнейшее развитие событий, надежды эти оказались тщетными. Партийное руководство и советская власть делали ставку на собственные кадры, в лояльности которых не было сомнений.

Что же касается настроений белорусского обывателя, освобождение Западной Беларуси от власти Польши воспринималось им

весьма позитивно. Газета «Правда» писала: «Жители оказывают всяческие услуги частям Красной Армии <...> Можно привести десятки случаев, когда население спешно исправляло мосты и дороги, чтобы дать возможность нашим частям продвигаться вперёд» [10].

Организовывалась рабочая гвардия. В частности, в Столбцах она взяла под охрану общественные здания, электростанцию, мосты [11]. В те же дни в Вильно, например, местные крестьяне сообщили командиру подразделения Красной Армии, что в селении Новые Виленки скрывается польский эскадрон: «Тотчас же туда были отправлены 30 бойцов в сопровождении крестьян и танки. В густом лиственном лесу было взято в плен 92 польских кавалериста, среди которых было 7 офицеров» [12].

Зачастую ещё до прихода подразделений Красной Армии местные жители на практике начинали осуществлять социальную справедливость так, как она ими понималась. В Западной Беларуси началась борьба с польским элементом. Местные белорусы сводили с ним счёты. В первую очередь это касалось польских землевладельцев, государственных служащих, полицейских и военных.

В то же время население Советской Беларуси находилось как бы в стороне, в роли наблюдателей военной акции, направленной на объединение белорусских земель под эгидой БССР и на наказание поляков. В том, что они давно заслужили это наказание, почти никто не сомневался – усилия большевистской пропаганды по созданию образа врага – «наймита мирового империализма», смыслом существования которого было уничтожение советской власти и СССР, достигли своей цели.

Необходимо отметить, что поляки действительно не были лояльным к советской системе элементом. В частности, даже бывший польский разведчик, майор Влодзимеж Домбровский, признавал, что в 1925–1929 гг. по приказу шефа отдела разведки (2-й отдел Генерального штаба Войска Польского), во многих городах Беларуси создавались диверсионные ячейки, и опирались они в своей деятельности исключительно на польский элемент. Домбровский также свидетельствовал, что большинство командиров таких ячеек прошло в Польше диверсионную подготовку [13].

Выражение поляками в БССР (как и в СССР в целом) национальной солидарности и патриотизма должно было восприниматься и воспринималось советским человеком как националистический, фашистский манифест, как проявление национальной вражды и антисоветизма. А на врага надо было смотреть через «прорезь прицела» [14, с. 136]. Потому неудивительно, что после польско-советской

войны многие из белорусских поляков стремились скрыть свою национальность. Сделать это было несложно, т. к. поляки в Беларуси были серьёзно затронуты процессом ассимиляции и во многих случаях по внешним признакам уже никак не отличались от белорусов, в окружении которых жили [14, с. 138].

Что касается поляков Западной Беларуси, столкновение с новой реальностью стало для них шоком. Сказывались на этом разница в образе жизни в довоенной Польше и в БССР, национальные стереотипы поляков, основанные на национальных и политико-идеологических предрассудках, их национальный характер. Кроме того, они находились под эмоциональным воздействием тех антипольских акций, которые происходили в сентябре 1939 г. во время вступления в Западную Беларусь подразделений Красной Армии. Чаще всего они осуществлялись руками местных белорусов, которые стихийно объединялись в партизанские отряды. Их исполнителей советская власть не только не сдерживала, но и неоднократно поощряла тем, что привлекала на службу в создаваемые местные органы власти или в милицию. Это возбуждало у поляков чувство обиды и желание отомстить [9, с. 7].

То, что поляки воспринимали как национальную катастрофу, белорусы считали восстановлением исторической справедливости. На этой почве имели место эксцессы. Как эксцесс поляками воспринималось всякое поведение белорусов, выходящее за рамки установленных для них правил. Но в изменившейся политической реальности эти рамки исчезли, и накопившаяся у белорусов за годы польского господства неприязнь к полякам стала выплёскиваться наружу.

Советские военные власти пытались сдерживать погромные настроения в среде местного населения, но это не всегда получалось. Нередкими были случаи, когда дела доходили до суда и даже выносились суровые приговоры. Тем не менее, несмотря на стремление новой власти руководствоваться законом и желание казаться справедливой в глазах населения Западной Беларуси (в том числе и поляков), само её появление здесь большинством поляков воспринималось как вызов. Ещё больше проблем возникло в процессе перестройки жизни в Западной Беларуси на советский лад. Поляки чрезвычайно болезненно воспринимали всякое посягательство на свою собственность. Особенно учитывая тот факт, что именно желанием её получить они руководствовались, переселяясь в Западную Беларусь. К тому же на первых порах в реализации установок советской власти, направленных на борьбу с частнособственническим элементом, в деревнях нередко имели место перегибы. Зачастую они были мотивированы неприязнью, которую испытывали крестьяне-белорусы к местным полякам, особенно к осадникам.

В частности, начальник Слонимского УО НКВД лейтенант госбезопасности Толмачёв докладывал секретарю обкома КП(б)Б по Барановичской области Туру о грубых нарушениях и искажении политики партии и правительства по работе в деревне, прежде всего – искажении директивы о национализации земли и имущества помещиков: «Результатом этого в ряде волостей Слонимского уезда, как-то: Костровичской, Девятковской, Деречинской, Чимерской, Жировичской и Куриловичской волостей местные временные волостные сельские комитеты допустили своими действиями раскулачивание середняков, а именно: Мижевичская волость, деревня Клепачи. <...> В результате было раскулачено 6 человек середняков. У них были изъяты земля, скот и всё имущество, включая всё до домашней птицы. При этом изъятые поросята, овцы и куры были немедленно розданы населению и на другой день были порезаны и приготовлены в пищу» [15, с. 167].

Далее сообщалось, что в Костровичской волости также были случаи раскулачивания середняков. Особо был упомянут один из них, произошедший в д. Елка: «Жена военного осадника (фамилия её не установлена) заявила: «У нас всё забирают: коров, коней, зеркала, часы, подушки, перины, одежду, ну словом, всё, что попадётся на глаза. Вот я теперь ничего не имею и просила, чтобы мне выдали что-нибудь. Но мне ничего не дали, потому что я полька. <...> Красные части так не делали, а наши местные власти берут всё, что попадает на глаза. <...> Это для армии не нужно, и всё это делают местные власти, и если будет смена власти, то каждая женщина нож вобьёт в сердце, и я сделаю это. Если ко мне придут, чтобы ещё что-нибудь взять, то я топором убью» [15, с. 167].

Нарушения законности имели место также в Девятковской волости. В частности, в местечке Девятковщина в процессе изъятия имущества, в том числе и середняков, были случаи кражи карманных часов, женского белья и так далее. В Деречинской волости изымалось личное имущество середняков, вещи домашнего обихода и скот, которые раздавались населению без всякого учёта. В Чимерской волости со стороны сельских комитетов были случаи изъятия скота и имущества у середняков на личной почве, что было сделано в четырёх хозяйствах. Руководивший изъятием председатель деревенского комитета взял в своё личное пользование 2 овцы и 2 овцы передал своему секретарю» [15, с. 167–168].

Польский историк Марек Вербицкий считает, что в результате подобного рода экспроприаций среди польской общественности Западной Беларуси росли настроения неприязненности и даже враждебности в отношении белорусов, в той или иной степени воспользовавшихся конфискованным у поляков имуществом [9, с. 6].

Обобщая свой анализ состояния польско-белорусских отношений, он называет следующие причины, негативно повлиявшие на восприятие поляками белорусов:

1) с приходом советской власти поляки утратили доминирующие позиции среди национальных групп, населяющих северо-восточные земли предвоенной Польши;

2) поляки стали ущемляемым меньшинством;

3) белорусы же получили – хоть часто и номинально – статус «хозяев», то есть. национальности, доминирующей на территории Западной Беларуси, и, во мнении польского её населения, также ряд привилегий от советской власти [9, с. 6].

Об отношении поляков к белорусам говорит показательный, как считает М. Вержбицкий, факт, имевший место в деревне Ракитно (близ Бяла-Подляски). Несколько недель деревня находилась под контролем подразделений Красной Армии. Советские военные власти наводили «революционные порядки» при участии гражданской милиции, составленной из местных белорусов. Однако после разграничений пограничных территории между СССР и Германией подразделения Красной Армии уступили место германским частям. Оставшиеся здесь для подпольной работы агенты докладывали командованию пограничного отряда НКВД, что вместе с немцами в Ракитно вернулись представители старой польской администрации, а также полицейские. Один из полицейских (поляк) выдал немцам всех тех, кто во время пребывания в деревне красноармейцев находился в рядах милиции [9, с. 8].

После освобождения Западной Беларуси и включения её в состав БССР ликвидировались все польские административные структуры, все институты польского государства. Польский язык утратил свой прежний статус. Какие настроения охватывали поляков, которые теснейшим образом отождествляли себя с польским государством, можно догадаться без труда. Их озлобление усиливалось подчёркнуто покровительственным отношением к белорусам на нижних уровнях советской администрации.

Процент белорусов, а также евреев и русских на административных должностях увеличивался. Поляков же вытесняли из государственных учреждений. Однако это не означало, что их вообще не брали на работу в органы советской власти. Осенью 1940 г. ЦК КП(Б)Б постановил притормозить наплыв кадров из Восточной Беларуси и других территорий СССР и делать упор на местные кадры [16]. В результате в Белостокском округе было принято на должности руководителей нижнего звена 18060 человек (в том числе поляков – 10245, белорусов – 4451, евреев – 2833, русских – 392, представителей

других национальностей – 145 человек) [17, с. 177]. Показательный факт, но всё же являвшийся исключением. В сельской местности положение поляков было значительно сложнее. Советские власти широко замещали там поляков, работавших на административных должностях до 17 сентября 1939 г., новыми кадрами из числа белорусов.

В письме ЦК КП(б)Б от 21 октября 1940 г. «О недостатках в работе партийных и советских органов в западных областях Белоруссии» констатировалось: «Наряду с большой работой, которую провели партийные организации по очищению аппарата и которую ещё следует продолжать, имеют место многочисленные случаи совершенно неосновательного отстранения трудящихся поляков от работы и общественной деятельности, которую они несли в низовых советских органах, на предприятиях, в учреждениях. Например, в ряде случаев хорошо работавших и любящих своё дело агрономов-поляков в Граевском, Ломжинском, Крынковском, Заблудовском, Гродненском, Брянском и других районах Белостокской области заменили присланными из восточных областей. Из 70 местных агрономов в Белостокской области на работе оставлены всего лишь 19 человек» [18, с. 163]. Обращалось внимание на тот факт, что «в Молодечненском и в ряде других районов Вилейской области некоторых председателей сельсоветов, выдвинутых на месте, вполне доказавших свою преданность и работоспособность, сместили и заменили приехавшими комсомольцами под предлогом, что эти комсомольцы лучше знают советские порядки» [18, с. 164]. Говорилось о действиях некоторых советских и партийных руководителей, сводящихся к ограничению прав польского населения на пользование родным языком, и о нежелании этих руководителей изучать польский язык: «В некоторых случаях от докладчиков, собирающихся сделать доклад на польском языке, требуют, чтобы они делали доклад на русском языке, так как в противном случае, дескать, нельзя обеспечить контроль. Многие партийные и советские руководители, работающие в районах с преобладающим польским населением, не изучают польский язык, не разговаривают с населением на их родном языке» [18, с. 162–163].

В письме также констатировалось, что некоторые из руководителей склонны выражать огульное недоверие ко всем полякам и готовы всех зачислить в разряд врагов советской власти и делался следующий вывод: «Совершенно очевидно, что подобное отношение к польскому населению неправильно, вредно и должно быть строго осуждено. Такое отношение, помимо всего, облегчает контрреволюционным, националистическим, клерикальным элементам вести их подрывную работу против советской власти, создаёт благоприятные

условия для поддержания всякого рода националистических настроений, облегчает им возможность завлекать в свои сети некоторую часть польского населения, которая при правильном проведении политической линии никогда бы не пошла к ним» [18, с. 163].

Аналогичная ситуация сложилась и в системе просвещения. С целью корректировки кадровой политики в октябре 1940 г. ЦК КП(б)Б принял постановление «Об упорядочении дела подбора и посылки работников в западные области БССР». В постановлении подчеркивалось, что Наркомпрос направил учителей в западные области без учёта действительной потребности и национального состава школ. Практика общего недоверия к местным специалистам была признана вредной [16].

В письме ЦК КП(б)Б «О недостатках в работе партийных и государственных органов в западных областях БССР» обращалось внимание на самую актуальную и для населения, и для властей тему народного просвещения. В частности, говорилось: «В некоторых районах Белостокской области (Сопотчинский, Моньковский, Августовский районы) имели место факты принудительной реорганизации школ с польской детворой в русские и белорусские школы. Во многих польских школах учителей-поляков заменили русскими и белорусскими преподавателями, в результате учащиеся и преподаватели не понимают друг друга. Перестраивая школу, партийные организации много сделали для того, чтобы очистить учительский состав школ, в частности польских, от националистических, контрреволюционных элементов. Однако при этом в некоторых районах стали проявлять огульное недоверие и увольнять большинство поляков-учителей из школ, хотя к этому не было оснований. Очищая школы от враждебных элементов, партийные организации обязаны были отличить врагов от честных и преданных людей и не допускать огульного подхода и необоснованного увольнения с преподавательской работы людей, ничем себя не скомпрометировавших и искренне стремящихся работать на благо родины» [18, с. 162–163].

Однако высшее партийное руководство, как показала практика, исходя из марксистско-ленинского понимания логики решения подобного рода проблем, недооценивало силу польского этноцентризма и польского упорства. Отношение поляков Западной Беларуси к переходу на белорусский язык обучения весьма показательно показывает реляция польской учительницы из Ошмянского района: «Ко мне, как и к другим коллегам, пришла делегация с заявлением о своей позиции: “Знаем, что пани или пан не научит наших детей ничему плохому, не

будет учить на белорусском и не снимет крест со стены”. Это было очень убедительно, и я начала работать по-новому, в старом духе и старой верой, на польском языке, по старым учебникам» [9, s. 26].

Особенно сильный отпор белорусизации и русификации школьного обучения продемонстрировали ученики польских гимназий, составившие наиболее непримиримый к советской власти, националистически настроенный элемент. В Несвижской гимназии, например, в декабре 1939 г. училось 700 учеников, из которых 70 % составляли поляки. Из 27 учителей поляками являлись 24. Дирекция и учителя делали всё для того, чтобы сохранить польский характер гимназии. Ученики-поляки бойкотировали учеников-белорусов и евреев [9, s. 26–27].

Весьма болезненно польское население Западной Беларуси воспринимало ограничение советской властью до минимума выпуска польскоязычных периодических изданий, особенно в Белостокской области [9, s. 20]. Хотя ситуацию совсем уж плачевной назвать было трудно: в 1939–1941 гг. там выходило 6 польскоязычных изданий (1 областная газета «Свободный труд» (из общего её тиража в 25 000 экз. 5000 экз. печаталось на польском языке под названием «Wołna Prasa») [19] и 5 наименований районных изданий), из них 1 газета издавалась исключительно на польском языке. С октября 1940 г. по 21 июня 1941 г. в Минске на республиканском уровне издавалась на польском языке газета «Sztandar Wolności» (объём на 4 полосы, разовый тираж – 60 тыс. экземпляров, периодичность газеты – 312 номеров в год, с выходом 6 раз в неделю) [20]. Тем не менее, в четырёх областях (Вилейской, Барановичской, Брестской и Пинской) местной прессы на польском языке не было вообще. Нехватку таких изданий польское население рассматривало как дискриминацию [9, s. 20].

Отразились на состоянии белорусско-польских отношений и депортации польского населения из Западной Беларуси. 11 октября 1939 г. Л. Берией был подписан Приказ НКВД № 001223 («О введении единой системы оперативного учёта антисоветских элементов, выявляемых агентурной разработкой») [21] и инструкция о режиме депортации антисоветского элемента. Выселению подлежали 12 категорий граждан польской национальности, являвшихся, по определению советской власти, антисоветским, контрреволюционным элементом [22, s. 71].

Первая депортация состоялась 8–10 февраля 1940 г. Она охватила главным образом т. наз. «врагов народа» – лиц, причисленных к классу эксплуататоров. Ей подлежали осадники, военные, крестьяне-кулаки, прибывшие в Западную Беларусь из Польши, лесники, аграрные чиновники. Депортировались целые семьи вместе с детьми [23; 24]. Польский

историк Ч. Партач пишет: «По многочисленным сообщениям депортированных поляков, ссылать помогали представители сельсоветов. Информацию о поляках собирали местные белорусы. <...> Они также составляли специальные списки, доставляемые затем советским властям. В составлении этих списков помогала главным образом сельская беднота, подвергшаяся воздействию коммунистической пропаганды» [22, s. 74].

Вторая депортация была проведена 13–15 апреля 1940 г. Она охватила «врагов системы, семьи арестованных поляков, семьи личностей, находившихся за границей СССР, а также интеллигенцию, хозяйственников и общественных деятелей» [22, s. 75].

Третья депортация проводилась 20–30 июня 1940 г. На этот раз выселению подлежали беженцы из центральной и западной Польши (главным образом евреи, бежавшие с территорий, оказавшихся под германской оккупацией). Среди депортируемых были также кулаки, всякого рода «спекулянты» (лавочники и ремесленники), а также семьи государственных служащих [22, s. 75].

Четвёртая депортация проводилась с начала июня 1941 г. вплоть до начала войны. Организованный 22 июня вывоз поляков (главным образом из Виленщины) носил черты принудительной эвакуации. Эта депортация стала наиболее драматичной, особенно в её последние дни. Транспорты с депортируемыми приняли на себя удары немецкой авиации [22, s. 76]. По подсчётам Ч. Партача, в общей сложности было депортировано 1,2 млн. поляков [22, s. 76]. Были среди депортируемых представители других национальных групп, в том числе и белорусы. Однако подавляющее большинство принудительно переселяемых в окрестности Архангельска, в Коми АССР, Сибирь, Казахстан составляли поляки.

Депортация их из Западной Беларуси не вызвала какого-либо общественного резонанса в среде белорусов, не стала для них предметом болезненных переживаний. Белорусское население воссоединённых с БССР территорий само переживало болезненный период адаптации к новым условиям жизни, вживания в новую идеологическую, социально-политическую, экономическую и культурную реальность. Ему в лучшем случае не было дела до тех, кто ещё недавно являл собой в Западной Беларуси господствующий социальный слой. У поляков же к этому сформировалось собственное отношение. Теперь уже не только Советскую Россию и русских большевиков, но и белорусов они считали виновниками произошедшей с ними трагедии.

М. Вержбицкий приводит примеры типичной для поляков Западной Беларуси рефлексии: «Машинист О. И. Павлович, поляк. Будучи антисоветски настроенным, сказал, что он с нетерпением ждёт

прихода польских властей, вырезает из газет портреты местных работников железной дороги и собирает их до прихода поляков. Утверждает, что выдаст всех тех, кто хорошо работал на советскую власть. Дочь Ядвига (17 лет) говорила, что будет сама выдавать в руки поляков всех тех, кто стоит на стороне советской власти. <...> Таким псам, как стахановцы, которые хорошо работают на советскую власть, буду сама надевать на шею верёвку и вешать» [9, s. 33].

В одном из докладов разведки из района местечка Острино (Щучинский район) сообщалось: «По информации местного населения в связи с перемещением подразделений Красной Армии польские контрреволюционные элементы распространяют слухи об отходе Красной Армии из Западной Беларуси и угрожают белорусскому и еврейскому населению расправой» [9, s. 34].

Таким образом, к началу Великой Отечественной войны белорусско-польские отношения в Западной Беларуси носили конфликтный характер. Польский национальный элемент стал объектом репрессивной политики советского государства со всеми вытекающими из этого общественно-политическими, экономическими, идеолого-пропагандистскими и другими следствиями.

Белорусское население воссоединённых с БССР территорий, позитивно воспринявшее освободительный поход Красной Армии и безучастно отнёсшееся к произошедшей с Польшей и польским народом трагедии, стало восприниматься местными поляками крайне негативно. В их глазах именно белорусы стали основными выгодоприобретателями в результате экспроприации советской властью собственности у поляков. Они же активно содействовали в проведении на местном уровне мероприятий по депортации поляков из Западной Беларуси. Всё это вызывало у последних соответствующую эмоционально-психологическую реакцию, ставшую базой для формирования образа врага.

Что же касается восприятия белорусами поляков, негативный их образ, сформировавшийся ещё в дореволюционный период, был осовременен событиями советско-польской войны и опытом пребывания Западной Беларуси в составе Польской республики. Не смогла «восставшая из пепла» Польша стать для белорусов, волею обстоятельств, оказавшихся её гражданами, своим государством. Она к этому и не стремилась. Не стали своими и поляки, ринувшиеся осваивать белорусские земли, доставшиеся им по «праву победителя», превратившие белорусов в дискриминируемое меньшинство, подлежащее полонизации.

Негативное восприятие белорусами и поляками друг друга, комплексы обид, недоверие, характеризовавшие белорусско-польские отношения в канун Великой Отечественной войны, не способствовали

решению задач, связанных с организацией борьбы населения Западной Беларуси с общим врагом – немецко-фашистскими захватчиками – после её начала.

Источники и литература

1. Речь по радио Председателя Совета Народных Комиссаров СССР тов. В. М. Молотова 17 сентября 1939 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://history.wikireading.ru/146632>. – Дата доступа: 20.09.2023.

2. Stobniak-Smogorzewska, J. Kresowe osadnictwo wojskowe, 1920–1945 / J. Stobniak-Smogorzewska. – Warszawa : RYTM, 2003. – 418 s.

3. Яковлева, Е. Польша против СССР 1939–1950 гг. / Е. Яковлева. – М. : Вече, 2007. – 416 с.

4. Bronowicki, M. Deportacja osadników wojskowych w głąb ZSRR [Elektronowy dokument] / M. Bronowicki // Kresowe Stanice. – 2009. – №1 (44). – S. 7–20. – Tryb dostępu : <http://www.osadnicy.org/bronowicki.pdf>. – Data dostępu: 23.09.2023.

5. Версальский мирный договор / полный перевод с фр. подлинника под ред. Ю. В. Ключникова, А. Сабанина ; вступ. ст. Ю. В. Ключникова. – М. : Изд. Литиздата НКВД, 1925. – 198 с.

6. Мирный договор между Россией и Украиной с одной стороны и Польшей с другой, подписанный в Риге 18 марта 1921 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://pswar.rusarchives.ru/mirnyy-dogovor-mezhdu-rossiey-i-ukrainoy-s-odnoy-storony-i-polshey-s-drugoy-podpisanuyu-v-g-rige>. – Дата доступа: 25.09.2023.

7. Конституция Польской республики (17 марта 1921 года с изменениями по закону 2 августа 1926 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://worldconstitutions.ru/?p=742>. – Дата доступа: 24.09.2023.

8. Лицкевич, О. Концлагерь по-польски Береза-Картузская в воспоминаниях и документах / О. Лицкевич // Беларуская думка. – 2010. – № 3. – С. 78–85.

9. Wierzbicki, M. Stosunki polsko-białoruskie w okresie okupacji sowieckiej ziem północno-wschodnich II Rzeczypospolitej (1939–1941) / M. Wierzbicki // Studia z dziejów okupacji sowieckiej (1939–1941) : Obywatele polscy na kresach północno-wschodnich II Rzeczypospolitej pod okupacją sowiecką w latach 1939–1941. – Warszawa : Instytut studiów politycznych PAN, 1997. – S. 5–48.

10. Боевой дух советских войск // Правда. – 1939. – 22 сентября (№ 263). – С. 1.

11. В Столбцах // Правда. – 1939. – 23 сентября (№264). – С. 1.
12. Ярошук, Н. Первые дни в Вильно / Н. Ярошук // Правда. – 1939. – 23 сентября (№264). – С. 1.
13. Kwiecień, M. Działalność prometejska i dywersja na Wschodzie (Relacja mjr. Włodzimierza Dąbrowskiego) / M. Kwiecień, G. Mazur // Zeszyty Historyczne, 2002. – Zeszyt 140. – S. 102–116.
14. Кротов, А. М. Образ поляка в делах Гомельского ГПУ – УГБ НКВД БССР 1920–1930-х годов / А. М. Кротов // Известия Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины. – 2010. – № 6. – С. 136–144.
15. Секретарю обкома КП(б)Б по Барановичской области тов. Туру // Беларуская нацыя : уз’яднанне. Верасень 1939 – чэрвень 1941 г. : зб. дакументаў і матэрыялаў / Аўт.-уклад. У. Ф. Ладысеў. – Мінск : БДУ, 2004. – С. 166–168.
16. Жарина, Л. В. Белорусизация в западных областях БССР в 1939–1941 гг. [Электронный ресурс] / Л. В. Жарина. – Режим доступа : https://vk.com/@belarus_history-belorusizaciya-v-zapadnyh-oblastyah-bssr-v-1939-1941-gg. – Дата доступа: 20.09.2023.
17. Справка о выдвижении и воспитании кадров местного населения по Белостокской области // Беларуская нацыя : уз’яднанне. Верасень 1939 – чэрвень 1941 г. : зб. дакументаў і матэрыялаў / Аўт.-уклад. У. Ф. Ладысеў. – Мінск : БДУ, 2004. – С. 177–182.
18. Протокол заседания Бюро ЦК КП(б)Б №33, п. 4 от 21.10.1940 г. // Беларуская нацыя : уз’яднанне. Верасень 1939 – чэрвень 1941 г. : зб. дакументаў і матэрыялаў / Аўт.-уклад. У. Ф. Ладысеў. – Мінск : БДУ, 2004. – С. 160–166.
19. Выписка из протокола №147 заседания Бюро ЦК КП(б)Б от 27.04.1940 г. // Беларуская нацыя : уз’яднанне. Верасень 1939 – чэрвень 1941 г. : зб. дакументаў і матэрыялаў / Аўт.-уклад. У. Ф. Ладысеў. – Мінск : БДУ, 2004. – С. 170.
20. Протокол заседания Бюро ЦК КП(б)Б №22, п. 2 от 7.09.1940 г. // Беларуская нацыя : уз’яднанне. Верасень 1939 – чэрвень 1941 г. : зб. дакументаў і матэрыялаў / Аўт.-уклад. У. Ф. Ладысеў. – Мінск : БДУ, 2004. – С. 170.
21. Приказ НКВД №001223 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://ru.wikipedia.org/wiki/Приказ_НКВД_СССР_№_001223. – Дата доступа: 25.09.2023.
22. Partacz, Cz. Losy Ludności rodzimej na kresach Wschodnich w czasie pierwszej okupacji sowieckiej 1939–1941 / Cz. Partacz // Zbradnie NKWD na obszarze województw wshodnich Rzeczypospolitej Polskiej :

materiały I Międzynarodowej Konferencji Naukowej, Koszalin, 14 grudnia 1995. – Koszalin, 1995. – S. 70–77.

23. Інфармацыя о правядзенні аперацыі па выселенню сямей асаднікоў і лесной стражы па Ошмянскаму раёну // Беларуская нацыя : уз’яднанне. Верасень 1939 – чэрвень 1941 г. : зб. дакументаў і матэрыялаў / Аўт.-уклад. У. Ф. Ладысеў. – Мінск : БДУ, 2004. – С. 189–191.

24. Постановление Бюро Белостокского обкома КП(б)Б «Мероприятия по выселению осадников и лесной сторожевой охраны» // Беларуская нацыя : уз’яднанне. Верасень 1939 – чэрвень 1941 г. : зб. дакументаў і матэрыялаў / Аўт.-уклад. У. Ф. Ладысеў. – Мінск : БДУ, 2004. – С. 192–193

УДК 271.22(476.25)«19»

І. А. Грышчанка, С. А. Юрыс

Гомельскі дзяржаўны
тэхнічны ўніверсітэт імя П. В. Сухога, г. Гомель

АДНАЎЛЕННЕ ДЗЕЙНАСЦІ МІКАЛАЕЎСКАЙ ЦАРКВЫ Ў ГОРАДЗЕ ГОМЕЛІ Ў ГАДЫ ВЯЛІКАЙ АЙЧЫННАЙ ВАЙНЫ І АФАРМЛЕННЕ ПРЫХОДУ

У прадстаўленым артыкуле разглядаецца палітыка акупацыйных улад у адносінах да Рускай Праваслаўнай Царквы ў гады Вялікай Айчыннай вайны. На аснове існуючых архіўных дадзеных апісваецца працэс аднаўлення дзейнасці Мікалаеўскай царквы ў Гомелі, аднаўленне тут прыходу. Прасочаны лёс Мікалаеўскай царквы ў першыя пасляваенныя гады, паказаны ўзаемаадносіны мясцовага духавенства і вернікаў з органамі дзяржаўнай улады.

Гомель быў захоплены нямецка-фашыстскімі войскамі 19 жніўня 1941 г. Акупацыйныя ўлады ў прапагандысцкіх мэтах дазволілі адкрываць царквы, іх лаяльнасць да Праваслаўнай царквы была прадыктавана тактычнымі меркаваннямі: схіліць мясцовае насельніцтва на свой бок і выкарыстаць патэнцыял Царквы ў прапагандзе супраць савецкай улады. У той жа час кіраўніцтва III рэйха падкрэслівала чужароднасць хрысціянскага вучэння нацысцкай ідэалогіі, якая мела ў сваёй аснове неапаганскія карані.

Акупіраваныя заходнія тэрыторыі СССР былі падзелены на рэйхскамісарыяты «Остланд» і «Украіна». Гомель быў уключаны ў зону вайсковага тылу групы армій «Цэнтр». Каб спыніць любую кансалідацыю насельніцтва на акупіраваных тэрыторыях, быў праведзены новы адміністрацыйны падзел, які не супадаў не толькі з межамі савецкіх рэспублік, але і са зноў утворанымі царкоўнымі акругамі. Так, напрыклад, Гродзенская і Беластоцкая епархіі ўвайшлі ў склад Усходняй Прусіі і павінны былі падпарадкоўвацца архіепіскапу Серафіму (Лядзе), які прадстаўляў Замежную рускую царкву. Пінская епархія першапачаткова ўвайшла ў склад аўтакефальнай Украінскай царквы, а Брэсцкая – аўтаномнай Украінскай Царквы. На сакавіцкім Саборы епіскапаў у 1942 г. архіепіскап Гродзенскі і Вілейскі Панцеляймон (Ражноўскі) быў абраны мітрапалітам усяе Беларусі і былі вызначаны шэсць епархій Беларускай мітраполіі: Мінская (на чале мітр. Панцеляймон (Ражноўскі)), Беластоцка-Гродзенская (архіеп. Венядзікт (Бабкоўскі)), Магілёўская (архіеп. Філафей (Нарко)), Віцебская (еп. Апанас (Мартас)), Смаленска-Бранская (еп. Стэфан (Сеўба)), Навагрудска-Баранавіцкая (еп. Веніямін (Навіцкі)). У 1943 г. была ўтворана Гомельская епархія, чаму актыўна садзейнічаў місіянер архімандрыт Серафім (Шахмуць). Гомельскую епархію ўзначаліў епіскап Рыгор (Барышкевіч), які не змог прыехаць у Гомель, паколькі ў 1943 г. да горада наблізілася лінія фронту, а 26 лістапада 1943 г. горад быў вызвалены. Пазней, у маі 1944 г. да Беларускай мітраполіі далучыліся дзве новыя епархіі: Пінская і Брэсцкая.

Руская Праваслаўная Царква на акупаваных тэрыторыях скарысталася прадстаўленай ёй магчымасцю аднавіць сваю дзейнасць у справе служэння Богу і аказання духоўнай падтрымкі народу ва ўмовах вайны. На тэрыторыі БССР кіраўніцтва БПЦ актыўна ўзялося аднаўляць царкоўнае жыццё, выкарыстоўваючы існуючую сітуацыю. Працэс аднаўлення царкоўна-прыходскага жыцця абапіраўся як на царкоўную іерархію, так і на ініцыятыву насельніцтва.

Для аднаўлення царкоўна-прыходскага жыцця ва ўсходніх рэгіёнах Беларусі архіепіскап Панцеляймон (Ражноўскі) накіраваў насельнікаў Жыровіцкага Успенскага манастыра архімандрыта Серафіма (Шахмуця) і святара Рыгора Кударэнку. У студзені 1942 г. яны выехалі з Мінска ў Віцебск і, выканаўшы там сваю місію, 4 ліпеня 1942 г. прыбылі ў Гомель. Да гэтага часу гарадскія цэрквы ўжо былі адкрыты. Так, жыхары Залінейнага раёна звярнуліся ў Гомельскую гарадскую ўправу (структура адміністрацыйнага апарата акупацыйных улад) з просьбай аб аднаўленні дзейнасці былой Палескай царквы, у будынку якой да вайны быў уладкованы кінаклуб. Пасля атрымання

дазволу і правядзення рамонту Палеская царква 17 снежня 1941 г. была асвечана добрушскім ігуменам Інакенціем (Мельнічэнкам) і протаіерэем Мікалаем Гейхрохам. Напачатку пастаянных богаслужэнняў у ёй не праводзілася за адсутнасці прыходскага святара і толькі 20 красавіка 1942 г. такім быў прызначаны святар Канстанцін Караскевіч з сяла Баршчоўка [1, с. 21].

Канстанцін Лаўрэнцьевіч Караскевіч (1879–1967) ураджэнец с. Пустынка Сенненскага павета. У 1905 г. пасля святарскага пасвячэння ён быў прызначаны да Прылескай царквы Чавускага павета, а 1 верасня 1907 г. перамешчаны да Святлянскай царквы Літоўскай епархіі. У гады Першай сусветнай вайны святар Канстанцін Караскевіч перамясціўся ў Гомель і часова, будучы па-за штатам, служыў у Мікалаеўскай царкве да 1922 г. Далей ён быў вызначаны настояцелем да Баршчэўскай Мікалаеўскай царквы цяперашняга Рэчыцкага раёна. У 1931 г. Канстанцін Караскевіч быў арыштаваны «за антысавецкую агітацыю» асуджаны калегіяй АДПУ да пяці гадоў зняволення ў ВПЛ. Пасля вызвалення ён жыў у Гомелі, а восенню 1941 г. прыняў удзел у адкрыцці Баршчэўскай царквы, у якой служыў да пераезду ў Гомель. Настояцелем гомельскай Мікалаеўскай царквы святар быў да 1943 г. і з набліжэннем савецкіх войскаў пераехаў у Заходнюю Беларусь. Вядома, што Канстанцін Караскевіч памёр у 1967 г. у г. Ашмяны Гродзенскай вобласці [2, с. 315].

Пасля вызвалення Гомеля ад нямецка-фашысцкіх захопнікаў (26 лістапада 1943 г.) дзейнасць Палескай царквы не спынілася. З 1 мая 1944 г. яе настояцелем стаў Міхаіл Пракопавіч Кротт, які прыехаў у Гомель з Сібіры [3, л. 5, 5ад.]. Ён нарадзіўся ў сялянскай сям’і ў 1885 г. у с. Замосце Рэчыцкага павета Мінскай губерні (цяпер Рэчыцкі раён Гомельскай вобласці). У 1905 г. Міхаіл скончыў настаўніцкую семінарыю і працаваў настаўнікам у царкоўна-прыходскіх школах Пінскага павета. У 1913 г. ён быў прызначаны псаломшчыкам да Ліпаўскай царквы Рэчыцкага павета. Здаўшы іспыты за курс духоўнай семінарыі, у 1918 г. Міхаіл Кротт быў пасвечаны ў сан святара, пачаўшы сваё служэнне ў Ракшынскай і Касарыцкай цэрквах Бабруйскага павета. У пачатку 1930-х гадоў у саны протаіерэя ён быў перамешчаны ў Хойнікі. Ёсць інфармацыя пра яго арышт у маі 1933 г. і ўтрыманне ў Мазырскай турме. Тады яго прыгаварылі да пяці гадоў. Аднак у анкетах протаіерэя Міхаіл гэты факт не пацвярждаў, указваючы, што без перапынку знаходзіўся ў Хойніках да 1940 г., калі народны суд прыгаварыў яго да трох гадоў за нявыплату падатку. Пакаранне святар адбываў у Барнавуле, у Беларусь ён вярнуўся ў пачатку 1944 г.

Факт знаходжання М. П. Кротта ў Хойніках пасля 1933 г. выклікае сумненне, таму што па кліравых ведамасцях тут служыў іншы святар, а ў 1936 г. царква была зачынена. У некаторых матэрыялах арыштаваных, якія ўтрымоўваліся ў Мазырскай турме, ёсць прамыя ўказанні на тое, што протаіерэй Міхаіл Кротт супрацоўнічаў са следчымі органамі і выконваў ролю «падсаднага агента», таму надалей яму даводзілася хаваць факт свайго арышту ў 1933 г. Тым не менш, яго сапраўды прыгаварылі да трох гадоў у 1940 г., да гэтага часу ён у Хойніках, верагодна, нелегальна выконваў трэбы [2, с. 330].

Мікалаеўская царква панесла значныя страты падчас вайны. Абставіны разбурэння царкоўнага будынка да цяперашняга часу ўстанавіць не ўдалося. Згодна з актамі Надзвычайнай дзяржаўнай камісіі сума панесеных страт склала 414 тыс. 736 руб. Такім чынам, акрамя выканання святарскіх абавязкаў, протаіерэю Міхаілу Кротту неабходна было арганізаваць рамонт будынка царквы і набыць царкоўныя рэчы [4, л. 182].

У 1945 г. Мікалаеўская царква прайшла рэгістрацыю ў Савеце па справах РПЦ пры Савеце Міністраў СССР па Гомельскай вобласці [3, л. 1], [5, л. 90]. Адроджаныя ў гады акупацыі царкоўныя абшчыны пасля вызвалення савецкай тэрыторыі павінны былі заключаць дагаворы з выканаўчымі органамі ўлады аб перадачы ў карыстанне прыходу царкоўнага будынка і культавай маёмасці. Абшчына вернікаў Мікалаеўскай царквы заключыла такую дамову з выканкамам Чыгуначнага Савета дэпутатаў працоўных Гомеля. 26 чэрвеня 1946 г. абшчына прыняла ў бестэрміновае і бясплатнае карыстанне царкву, вартоўню і прадметы культу. Абшчына абавязалася ўтрымоўваць царкву, вартоўню, зямельны участак, маёмасць у належным стане і аплачваць усе выдаткі: рамонт, ацяпленне, асвятленне, падаткі, страхаванне, ахову і інш. У дагаворы падкрэслівалася, што прадстаўляць памяшканне царквы і прадметы культу абшчына магла выключна для задавальнення рэлігійных запатрабаванняў. У інвентарны вопіс павінны былі ўносіцца ўсе новыя набыткі. Прадстаўнікі раённага Савета дэпутатаў працоўных, а таксама ўпаўнаважаны па справах РПЦ бесперашкодна дапускаліся да перыядычных праверак культавай маёмасці. У выпадку парушэння ўмоў дагавора парушальнікі неслі судовую адказнасць [3, л. 1, 1ад.].

Дзяржаўна-царкоўныя адносіны ў гады вайны крыху палепшыліся, дзякуючы патрыятычнай пазіцыі, якую заняла РПЦ. Сведчаннем істотных змен стала сустрэча старшыні СНК СССР, сакратара ЦК УКП(б) І. В. Сталіна і Патрыяршага месцаахоўніка мітрапаліта Сергія (Страгародскага), якая адбылася 4 верасня 1943 г. у Крамлі.

У ходзе перагавораў быў дадзены дазвол на правядзенне Архіерэйскага Сабора для выбарання Патрыярха, якім 8 верасня 1943 г. стаў месцаахоўнік патрыяршага прастола мітрапаліт Сергій. Улады запэўнілі членаў Свяшчэннага Сінода РПЦ, што не будуць перашкаджаць адкрыццю новых храмаў. Усё гэта дазволіла захаваць за вернікамі адчыненыя ў гады акупацыі храмы.

Дасягнутыя падчас сустрэчы дамоўленасці былі канкрэтызаваны ў шэрагу пастановаў урада СССР. 14 верасня 1943 г. прынята пастанова СНК СССР аб утварэнні Савета па справах Рускай праваслаўнай царквы пры СНК СССР. У лістападзе 1943 г. выйшла пастанова аб парадку адкрыцця цэркваў. У маі 1944 г. быў утвораны Савет па справах рэлігійных культаў пры СНК СССР [6, с. 222, 230].

22 жніўня 1945 г. пастановай СНК СССР Патрыярхіі, епархіяльным упраўленням, прыходскім абшчынам было дадзена абмежаванае права юрыдычнай асобы, што давала магчымасць адкрываць фінансавыя рахункі, заключаць здзелкі, купляць будынкі, ствараць прадпрыемствы, наймаць работнікаў.

Аднак некаторыя паслабленні, дадзеныя РПЦ, не азначалі, што савецкая дзяржава лаяльна стала ставіца да рэлігіі. Сведчаннем гэтага з'яўляецца пастанова ЦК УКП(б) «Аб арганізацыі навукова-асветніцкай прапаганды» ад 27 верасня 1944 г. Адпаведную пастанову 17 кастрычніка гэтага года прыняў і ЦК КП(б)Б. Яна абавязвала партыйныя, камсамольскія, прафсаюзныя арганізацыі, органы народнай адукацыі і культурна-асветніцкія ўстановы «шырока паставіць» антырэлігійную прапаганду, падкрэсліўшы, што яна «набывае ў цяперашніх умовах асабліва важнае значэнне ў справе далейшага ўздыму культурнага ўзроўня шырокіх пластоў працоўных і пераадолення перажыткаў бескультур'я, забабонаў» [7, с. 471–472].

У канцы чэрвеня 1946 г. на месца святара Мікалаеўскай царквы быў прызначаны протаіерэй Ян Канстанцінавіч Громаў з Бабруйска. На момант прызначэння ён быў удаўцом і пражываў па адрасе Палеская, 53 [4, л. 183]. Пры яго настаіцельстве ў 1947 г. будынак Мікалаеўскай царквы быў капітальна адрамантаваны, дах адноўлены і пакрыты новым жалезам. Храм умяшчаў 900 чалавек, меў тры малыя званы. Побач з царквой быў пабудаваны новы прычтавы дом [8].

Па дадзеных дакументаў у канцы 1940-х гадоў наведвальнасць Мікалаеўскай царквы была даволі высокай – за абедняй у храме збіралася да 100 чалавек. Абшчына праводзіла значную работу сярод вернікаў і магла платна ўтрымліваць рэгента і хор. У царкоўны савет і рэвізійную камісію ў 1948 г. уваходзілі: настаіцель храма Громаў Ян

Канстанцінавіч, 1894 г. н., які з'яўляўся старшынёй царкоўнага савета; Куган Аляксандр Ігнатавіч, 1886 г. н., царкоўны стараста; Шырын Аляксандр Іванавіч, 1876 г. н., памочнік старасты, інжынер; Страдомская Ганна Паўлоўна, 1890 г. н., прасфорня, хатняя гаспадыня. Рэвізійная камісія ўключала трох чалавек: старшыня камісіі Касцюк Стэфан Іванавіч, 1876 г. н., пенсіянер; Румысаў Ціхан Прохаравіч, 1878 г. н., пенсіянер; Шымановіч Іван Іванавіч, 1888 г. н., пенсіянер [9, л. 17].

Такім чынам, можна адзначыць, што для перыяду Вялікай Айчыннай вайны і першага пасляваеннага дзесяцігоддзя характэрна няроўнасць у дзяржаўна-царкоўных адносінах. У выніку патрыятычнай дзейнасці духавенства і вернікаў у гады Вялікай Айчыннай вайны і іх унёску ў павышэнне абароназдольнасці краіны адбыліся змены поглядаў часткі кіраўнікоў краіны на ролю царквы ў савецкай дзяржаве. Кіраўніцтва дапускала выкарыстанне духоўнага патэнцыялу царквы для вырашэння надзённых задач. Аднак ляльнае стаўленне дзяржаўных органаў да царквы працягвалася нядоўга. Ужо з 1948 г. адзначаюцца выпадкі абмежаванняў у дзейнасці духавенства і стварэння перашкод пры рэгістрацыі новых абшчын і адкрыцці новых цэркваў.

Усе гэтыя павароты дзяржаўнай палітыкі ў адносінах да РПЦ адбіліся і на становішчы Мікалаеўскай царквы. У Мікалаеўскай царкве аднавілася богаслужэнне. У першыя пасляваенныя гады будынак храма ўдалося адрамантаваць, распісаць, устанавіць іканастас, набыць царкоўныя рэчы. Росту наведвальнасці храма садзейнічалі не толькі нягоды ваеннага ліхалецця, але і дзейнасць яе кліру, які змог наладзіць прыходскае жыццё.

Крыніцы і літаратура

1. Кривонос, Ф. П. Незабвенный пастырь преподобномученик Серафим Жировицкий / протоиерей Феодор Кривонос. – Мн : ВРАТА, 2016. – 52 с.

2. Гомель церковный, XVI–XX вв. : исторические очерки / авт. текста, сост.: С. В. Цыкунов, И. В. Ольшанов. – Гомель : Редакция газеты «Гомельская праўда», 2022. – 402 с.

3. Государственный архив Гомельской области (ГАГО). – Ф. 1354. – Оп. 5. – Д. 5. Документы о регистрации религиозного общества русской православной церкви в г. Гомеле Гомельской области БССР. 1945–1991 гг.

4. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 951. – Оп. 1. – Д. 7. Уполномоченному по делам РПЦ при министерстве БССР протоиерея Михаила Кротта, г. Гомель, ул., Воровского 66. Заявление. 1946 г.

5. НАРБ. – Ф. 951. – Оп. 1. – Д. 5. Справка о церкви благочинного Гомельского округа Пиневича на 15 марта 1946 г.

6. Канфесіі на Беларусі (к. XVIII–XX ст.) / В. В. Грыгор’ева [і інш.]; навук.рэд. У. І. Навіцкі. – Мінск : ВП «Экаперспектыва», 1998. – 340 с.

7. Коммунистическая партия Белоруссии в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК : в 6 т. / Ин-т истории партии при ЦК КПБ. – Минск : Беларусь, 1983–1987. – Т. 3 : 1933–1945. – 1985. – 550 с.

8. Алейникова, М. ...И в кружку денежки бросали. – [Электронный ресурс]. Режим доступа : <https://gp.by/novosti/obshchestvo/news/24043.html> – Дата доступа: 19.09.2019.

9. ГАГО. – Ф. 3441. – Оп. 1. – Д. 1. Отчеты и доклады о работе уполномоченного Совета по делам РПЦ по Гомельской области за 1947 г.

УДК 94(476)«1930-е»:352.075.1

С. А. Елизаров

Гомельский государственный технический университет имени П. О. Сухого, г. Гомель

ФОРМИРОВАНИЕ ОРГАНОВ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ И УПРАВЛЕНИЯ ГОМЕЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ (1939–1941 ГОДЫ)

В статье рассмотрены вопросы образования Гомельской области и формирования местных органов государственной власти и управления. Между республиканским центром и районами воссоздавалось промежуточное звено в виде областных органов, наделенных управленческо-контролирующими функциями. В экономической сфере они главным образом занимались перераспределением государственных доходов между нижестоящими Советами. Выборы в областной Совет 1939–1940 гг. завершали процесс легитимизации советской системы органов власти и управления на Гомельщине соответственно Конституции БССР 1937 г. и новым нормам избирательного права.

Переход на рубеже 1920-х – 1930-х гг. к форсированному строительству социализма в СССР predetermined смену приоритетов в государственном строительстве – переход от политики реального расширения функций местных органов власти и управления, насыщения их соответствующими материальными и финансовыми ресурсами, к построению централизованной системы с жесткой вертикальной соподчиненностью управленческих звеньев.

В таких условиях и в БССР, используя опыт частичного восстановления округов в 1935 г., началась подготовка к созданию областного деления. План областного деления был подготовлен созданной постановлением Президиума ЦИК БССР от 6 декабря 1937 г. Административно-территориальной комиссией под руководством члена Президиума Е. К. Марусевича. В январе 1938 г. I сессия Верховного Совета СССР I-го созыва постановила утвердить образование в составе БССР 5 областей, в том числе и Гомельской [1, с. 85–86].

Для осуществления всего комплекса организационной работы в каждой области решением ЦИК БССР от 31 марта 1938 г. создавались Организационные комитеты ЦИК БССР, в январе 1939 г. переименованные в Оргкомитеты Президиума Верховного Совета БССР. Оргкомитет ЦИК БССР по Гомельской области (уже фактически функционировавший с начала марта 1938 г.) возглавил С. И. Мальцев, которого в декабре 1939 г. сменил С. П. Матусевич (председатель Гомельского горсовета) [2, с. 16, 64].

Конституцией БССР 1937 г. (в редакции 1938 г.) органом государственной власти для области определялся областной Совет, исполнительным и распорядительным органом – областной исполнительный комитет, состоявший из 17 структурных подразделений (в том числе – 11 отделов). На областные органы власти и управления возлагались руководство хозяйственным и социально-культурным развитием подведомственных территорий, деятельностью подчиненных им государственных органов, установление бюджета области [3, с. 24–27].

Именно организация областных органов управления стала первоочередной задачей в работе гомельского Оргкомитета. Его решением от 1 апреля 1938 г. создавались первые структурные подразделения будущего облисполкома: плановая комиссия (председатель – Касьянов С. Г.), общий отдел (заведующий – Жук А. М.), отделы торговый (Салов И. М.), местной промышленности (Шайкевич М. А.), коммунального хозяйства (Дворкин Л. М.), социального обеспечения (Альтшулер Г. В.), комитет по делам физкультуры (Лельчук И. Б.), спецчасть (Чачин Н. Ф.), канцелярия (Юдицкий А. Г.). Организацию аппарата руководства сельским хозяйством осуществлял консультант оргкомитета по сельскому хозяйству Рудницкий Б. Г. [4, л. 10].

И сразу же возникла проблема с кадрами. Направленные для организационной работы в Гомельской области работники не знали местные кадры, как следствие – на руководящие должности разного уровня (в том числе и областного) нередко назначались люди случайные, по словам С. И. Мальцева – «не вполне проверенные кадры», которых через короткое время пришлось сменить («рекорд» поставил

облкоммунхоз – здесь первоначальный состав обновился на 90 %). Особенно сложно было подобрать специалистов: к началу 1939 г. для работы в областных управленческих структурах не хватало около 30 человек, в первую очередь инженеров, врачей, агрономов. Главными причинами «кадрового голода» гомельское руководство считало низкую заработную плату в сравнении с работниками промышленных предприятий и хозяйственных организаций, а также отсутствие свободного квартирного фонда для приглашения необходимых специалистов из-за пределов области [5, л. 2–3, 298].

Временные органы государственной власти и управления действовали до выборов в местные Советы, которые состоялись 24 декабря 1939 г. Директивой ЦК ВКП(б) от 7 сентября 1939 г. все кандидаты в местные Советы должны были предварительно утверждаться парторганами – обкомами, райкомами и горкомами КП(б)Б. Парторганизации обязывались «добиться регистрации» таких кандидатов и «обеспечить поддержку» этих кандидатур общими собраниями рабочих и служащих по всем заводам и учреждениям, общими собраниями крестьян по колхозам [6, л. 4–6].

В голосовании приняли участие 98,9 % избирателей. Все предложенные кандидатуры были избраны за исключением 2 случаев. В результате в Гомельской области были сформированы составы областного, 15 районных, 6 городских (Гомельский, Речицкий, Жлобинский, Рогачевский, Добрушский, Ветковский), 245 сельских и поселковых Советов депутатов трудящихся.

Основой советской кадровой политики с 1920-х гг. являлась номенклатурная система, позволявшая партийным органам держать под своим контролем все более или менее важные руководящие должности в советском, хозяйственном, кооперативном аппаратах. С созданием областного аппарата партийно-советской власти возникла потребность в выделении соответствующей областной номенклатуры, которая стала включать два списка: номенклатура ЦК (список должностей, утверждаемый ЦК КП(б)Б) и номенклатура обкома КП(б)Б (список должностей, утверждаемых обкомами партии). В утвержденную в мае 1939 г. номенклатуру ЦК КП(б)Б по советской административной работе из руководящих работников области входили председатели облисполкомов и их заместители, руководители основных областных отделов (плановая комиссия, социального обеспечения, финансов, торговли, здравоохранения, народного образования, местной промышленности, дорожного, коммунального хозяйства) и управлений (связи, земельного, юстиции, народнохозяйственного учета), председатели райисполкомов, заведующие основными районными и

городскими структурами (плановыми комиссиями, отделами здравоохранения, народного образования, дорожными и земельными отделами). Обком партии стал заниматься назначением и смещением секретарей облисполкомов, райисполкомов и горсоветов, заведующих областными отделами кадров, общими и спецотделами, заместителей зав. областными земельным и финансовым отделами, председателя и начальников секторов областной плановой комиссии, инструкторов облисполкома, председателей и секретарей горсоветов, заместителей председателей райисполкомов и горсоветов, заведующих городскими и районными отделами торговли, финансов и ряда других должностей [7, л. 1–20].

Первую сессию Гомельского областного Совета депутатов трудящихся открыл старейший его депутат академик Шкателов В. В. (заведующий лабораторией лесохимии Института химии АН БССР). По уже сложившейся традиции был избран почетный президиум сессии в составе партийно-советского руководства СССР во главе с И. В. Сталиным. Председателем областного исполкома избрали Сергея Петровича Матусевича. Состав облисполкома (14 человек) должен был засвидетельствовать единение власти и народа, для чего к 12 представителям власти (председатель облисполкома, три его заместителя, первый секретарь обкома КП(б)Б, начальник областного управления НКВД два зав. областными отделами, по одному председателю горсовета, райисполкома, колхоза и сельсовета) добавили двух представителей народа (кузнеца Гомельского паровозоремонтного завода Панченко С. Л. и учительницу школы им. К. Либкнехта Кацнельсон Е. М.).

На основании ст. 6 Конституции БССР утвердили образование при областном исполкоме областной плановой комиссии (председатель – Карасик М. Я.), отделов: общего (заведующий – Шлемин А. Ф.), земельного (Островский Я. Н.), финансового (Левин С. Я.), здравоохранения (Мовшович А. М.), народного образования (Прудникова М. М.), торговли (Миронов Л. М.), местной промышленности (Карантер М. Д.), пищевой промышленности (Берсок И. А.), топливной промышленности (Гук Н. К.), дорожного (Токарев Т. Т.), социального обеспечения (Рожков Г. И.), коммунального хозяйства (Гапонович Н. С.), искусств (Шидловский В. И.). Также были сформированы пять постоянно действующих комиссий областного Совета: бюджетная, школьная, коммунального хозяйства, дорожная и здравоохранения [8, л. 6, 23, 42, 70].

Появление областей потребовало перераспределения и материально-финансовой базы между местными Советами. В 1930-х гг. проходил интенсивный процесс ослабления материальной базы административно-территориальных единиц за счет концентрации основных

производственных объектов в союзном или республиканском подчинении. Собственная материальная база областных структур власти и управления также была очень слабой. При образовании Гомельской области под руководство областного отдела местной промышленности были переданы только пять небольших предприятий районного подчинения. Общий объем производства руководимой облисполкомом промышленности в первом полугодии 1939 г. составил 5,2 миллионов рублей (облместпром – 2 миллиона рублей, облпищепром – 3,2 миллиона рублей.) при общем объеме промышленного производства области почти в 165 млн. руб. [9, л. 150].

К концу 1930-х годов основные статьи собственных доходов административно-территориальных единиц составляли, во-первых, доходы от предприятий, организаций и имуществ, подведомственных местным Советам, во-вторых, местные налоги и сборы. Поступления от наиболее прибыльных государственных налогов и сборов (налог с оборота, подоходный налог с колхозов, сельскохозяйственный налог и так далее), как сложилось еще с 1920-х годов, зачислялись в союзный бюджет. Часть этих средств шла на объекты союзного значения, часть в виде отчислений возвращалась в местные бюджеты. Правительство СССР при ежегодном утверждении единого государственного бюджета СССР определяло суммы, подлежащие передаче в госбюджеты союзных республик на усиление местных бюджетов (по каждой республике в целом). Эти суммы по тому же принципу распределялись республиканским руководством между областями, области в свою очередь – между районами и городами областного подчинения и так далее. В 1940 г. отчисления от государственных налогов и доходов в бюджете Гомельской области составили 63 % его доходной части, в то время как доходы от местного хозяйства в бюджет области – только 9 %, местные налоги и сборы – еще 0,4 %. Остальные суммы составляли средства областного фонда регулирования местных бюджетов, который формировался за счет отчислений из районных и городских бюджетов, а затем распределялся облисполкомом между этими же бюджетами [10, л. 2–4].

Основные суммы расходов местных бюджетов традиционно направлялись на развитие социально-культурной сферы: просвещение (46 % расходов бюджета области), здравоохранение (25 %), народное хозяйство (12 %).

К 1940 г. сложилась соответствующая новой структуре административно-территориального деления система дифференциации местных бюджетов. Бюджет области состоял из областного бюджета (распоряжался облисполкомом), районных бюджетов (райисполкомы), бюджетов городов (областного центра, городов, подчиненных и не подчиненных райисполкомам), городских поселков и сельсоветов.

Из областных бюджетов (14 % бюджета области) средства прежде всего направлялись на финансирование театров, выставок, музеев, музыкальных коллективов, капитального строительства школ и объектов жилищно-коммунального хозяйства, системы подготовки кадров средней квалификации. Основная часть местных расходов осуществлялась районными органами власти (45 % бюджета области). На средства из районных бюджетов содержались районный государственный аппарат, детские сады и площадки, учреждения по подготовке кадров массовых профессий, большинство школ, объектов культуры, больниц и стационаров. Преимущественно из районного бюджета финансировались мероприятия по сельскому хозяйству (содержание станций по борьбе с болезнями животных, ветеринарные участки и лаборатории, мясомолочные станции). Значительную статью расходов составляли затраты по жилищно-коммунальному хозяйству городов, подчиненных райисполкомам.

Процессы, связанные с образованием Гомельской области и формированием системы органов местной власти и управления, были типичными для всей восточной БССР. Формирование областного звена административно-территориального деления республики было обусловлено эмпирическими поисками варианта более действенного контроля за ситуацией на местах, который в условиях быстрого роста социально-экономического потенциала БССР непосредственно из Минска объективно был затруднен. Ничего другого, как вернуться к простому и уже испытанному ранее средству – созданию промежуточного управленческо-контролирующего звена – в логике централизованной системы появиться не могло. С появлением областей советская система местной власти и управления в БССР приобрела свой законченный вид.

Вновь созданные областные органы власти и управления Гомельской области оказались не в состоянии только за счет местных доходов выполнять свои задачи, превратившись главным образом в структуру, через которую республиканский бюджет перераспределял между нижестоящими Советами полученную из союзного бюджета часть государственных доходов.

Кадровый состав органов власти и управления области формировался на основе номенклатурного принципа, предопределявшего решениями партийных органов состав не только назначаемых, но и выборных должностей в местном государственном аппарате. Выборы окончательно превратились в праздничное мероприятие, результаты которого были уже заранее предопределены. Выборы 1939 г. в местные Советы завершали процесс легитимизации в Гомельской области советской системы органов власти и управления соответственно новой Конституции БССР и новым нормам избирательного права.

Источники и литература

1. Административно-территориальное устройство БССР: справ : в 2 т. / Гл. арх. упр. при Совете Министров БССР, Ин-т философии и права АН БССР; редкол.: В. А. Круталевич [и др.]. – Минск : Беларусь, 1985–1987. – Т. 1 : (1917–1941 гг.) / сост.: Т. А. Воробьева [и др.]. – 1985. – 390 с.
2. Гомельская область. 1938–1941 гг. : док. и материалы / сост.: М. А. Алейникова [и др.]; редкол.: В. И. Адамушко [и др.]. – Минск : НАРБ, 2013. – 216 с.
3. Конституция (Основной Закон) Белорусской Советской Социалистической Республики (с изменениями и дополнениями, принятыми Первой сессией Верховного Совета БССР 26 июля 1938 г.). – Минск : Госиздат Белоруссии, отд. полит. лит., 1938. – 43 с.
4. Государственный архив Гомельской области (далее – ГАГО). – Ф. 1230. – Оп. 1. – Д. 3.
5. ГАГО. – Ф. 1230. – Оп. 1. – Д. 8.
6. ГАГО. – Ф. 1230. – Оп. 1. – Д. 21.
7. Национальный архив Республики Беларусь (далее – НАРБ). – Ф. 4п. – Оп. 1. – Д. 13768.
8. ГАГО. – Ф. 1174. – Оп. 1. – Д. 19.
9. НАРБ. – Ф. 6. – Оп. 3. – Д. 37.
10. ГАГО. – Ф. 1040. – Оп. 1. – Д. 250.

УДК 947,6«1941/1945»

В. П. Гарматный

Институт истории НАН Беларуси, г. Минск

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ИСТРЕБИТЕЛЬНОГО БАТАЛЬОНА ЦЕНТРАЛЬНОГО РАЙОНА ГОРОДА ГОМЕЛЯ ЛЕТОМ 1941 ГОДА

В статье на основе в первую очередь архивных документов рассматривается создание и деятельность истребительного батальона Центрального района Гомеля летом 1941 г., в первую очередь его участие по поддержанию правопорядка в прифронтовом городе и в борьбе с наступающими гитлеровскими частями. Показаны процесс формирования и структура батальона, распорядок дня бойцов и основные направления боевой деятельности, прежде всего патрулирование городских улиц в ночное время и борьба с диверсантами.

Летом 1941 г. в условиях быстрого продвижения гитлеровских войск на Восток, над Гомелем нависла смертельная опасность захвата. В этих условиях партийному и городскому руководству приходилось принимать экстренные меры по организации вооруженного сопротивления врагу. Например, согласно постановлениям СНК СССР от 24 июня 1941 г. «О мероприятиях по борьбе с парашютными десантами в прифронтовой полосе» и «Об охране предприятий и учреждений и создании истребительных батальонов» такие формирования стали создаваться и в Гомеле. Истребительные батальоны создавались в основном из представителей партийного, советского и комсомольского активов, а также добровольцев [1, с. 281].

Батальоны соответствовали административному делению города, в итоге уже 29 июня был создан истребительный батальон Центрального района, командиром которого назначили заместителя начальника уголовного розыска Гомельского областного управления милиции младшего лейтенанта Михаила Михайловича Соловьева (1898 года рождения, проживал по улице Пролетарская, 2, во дворе) [2, л. 7].

Согласно рапорту комбата Центрального района г. Гомеля от 1 июля в его распоряжении насчитывалось 169 человек, из них среднего состава 13 и младшего 18. Среди бойцов отряда в рядах ВКП(б) состояло 40 человек, кандидатов в члены партии 16, комсомольцев 82 и беспартийных 31. Среди 135 рядовых – членов партии 29, кандидатов 15, комсомольцев 72, беспартийных 19. Батальон насчитывал 2 роты, в состав которых входило 5 взводов, в свою очередь состоящих из 3 отделений, а также отделение снайперов [3, л. 89].

Командиры рот ежедневно представляли строевые записки о наличии людей – утром в 10 часов и вечером в 22. Так как большинство бойцов первоначально составляли гражданские, то им было весьма сложно сразу втянуться в условия военного времени, в частности, многие из них часто отлучались домой, чтобы там нормально перекусить. Например, в своем приказе № 1 по батальону от 3 июля командир Соловьев отмечал, что «дисциплина в подразделениях стоит не на должной высоте и не соответствует требованиям военного времени и обстановке. Сбор команд по специальным заданиям проводится медленно. Расчет отделений не сплочен как боевые единицы для выполнения боевых задач. Наличие текучести людского состава.

Оружие и патроны в подразделениях не приведены в порядок, винтовки ставятся в пирамиду грязными, есть случай появления ржавчины на оружии. Старшины рот точного учета оружия и патронов не имеют.

При наличии руж. ремней во 2-ой роте еще не ко всем винтовкам подвязаны ремни.

Суточный наряд свои обязанности знает плохо» [4, л. 1-2об.].

Бойцы истребительных батальонов переводились на казарменное положение. В батальоне был установлен следующий распорядок дня:

6.00-6.10 Подъем

6.10-6.30 Физзарядка

6.30-7.00 Утренний туалет

7.00-7.20 Утренний осмотр

7.20-8.00 Политинформация

8.00-9.00 Завтрак

9.00-9.15 Инструктаж наряда

9.15-10.00 Подготовка к занятиям

10.00-16.00 Занятия

16.00-17.00 Обед

17.00-18.00 Отдых

18.00-18.30 Чистка оружия

18.30-20.30 Самоподготовка

20.30-20.45 Инструктаж наряда

20.45-21.45 Личное время (чтение газет)

21.45-23.00 Вечерняя поверка

23.00 Отбой [5, л. 93].

В первую очередь бойцы под руководством военных инструкторов изучали боевое оружие, участвовали в учебных стрельбах на оценку, а отдельные группы готовились стать снайперами. В расписании занятий прежде всего предусматривалась огневая подготовка (для пулеметчиков изучение материальной части, изучение работы расчета при пулемете и исправление задержек при стрельбе), изучение устава караульной службы (действий часового на посту и смены часовых), тактическая инженерная подготовка (действия бойца в наступлении, рытье окопов с колена стоя), для снайперов – снайперская подготовка, установка данных и внесение поправок в прицеливание [3, л. 84].

Согласно программе обучения бойцов батальона, на июль 1941 г. предусматривалось 42 учебных часа в неделю. В итоге было сделано следующее распределение подготовки:

1. Матчасть винтовки – 2 часа;
2. Ручная граната РГД-33 – 4 часа;
3. Станковый пулемет – 6 часов;
4. Штыковой бой – 4 часа;
5. Гарнизонный устав – 4 часа;
6. Политподготовка – 4 часа;
7. Ручной пулемет – 6 часов;

8. Огневая подготовка (стрельба) – 6 часов;

9. Тактическая подготовка – 6 часов.

Ежедневно также предусматривалась политинформация [6, л. 27].

Прежде всего батальон взял под охрану важнейшие объекты города (электростанция, обком партии, телеграф, телефонная станция, банк и сберкасса, радиостанция), а главной задачей стала борьба с вражескими шпионами и диверсантами, которых они задерживали или ликвидировали десятками. Уже 4 июля пост истребительного батальона, находящегося на охране телеграфа, заметил световые сигналы, подаваемые из Пионерского парка. Совместно с патрулем военного коменданта пост задержал двух человек, одетых в военную форму, которые при задержании оказали вооруженное сопротивление. Вслед за ними в парке были задержаны еще два человека [7, с. 81].

5 июля во время дежурства на Пролетарском лугу между 1.00 и 2.00 ночи появился вражеский самолет, который все время кружился над островом. В это же время в направлении железнодорожного моста у Кленок и аэродрома «Улуковье» было выпущено с промежутками три ракеты. В 3 часа ночи на реке задержан подозрительный мужчина, который плыл в лодке в направлении от выпущенных ракет. Подозрительный мужчина был сдан в речную милицию со всем имуществом. В 6 часов утра вражеские самолеты начали бомбардировку Кленковского моста и аэродрома.

В ночь на 9 июля пост № 1 сообщил, что в районе Старопрудковской улицы пущена сигнальная ракета и вслед за этим подобное произошло на 2-ой и 3-ей Революционных улицах.

В 1 час 15 минут пост № 3 в районе железнодорожного моста и электростанции известил, что из одного дома светит огонь, о чем было срочно сообщено посту на электростанции, но оттуда впоследствии поступил ответ, что это был отблеск Луны в окнах домов.

В 11.30 пост № 1 передал, что на комбинате «Спартак» в механическом цеху был взрыв и несколько человек ранено. Как выяснилось впоследствии, взрыв произошел по причине неосторожного обращения при зарядании бутылок жидкостью.

11 июля на базе истребительных батальонов Гомеля был создан полк народного ополчения как резерв 21-ой армии. В течение июля–августа 1941 г. бойцы полка отправлялись за город на рытье противотанкового рва и на строительство других оборонительных сооружений. На середину августа, когда враг уже вплотную подошел к Гомелю, было вырыто 400 км противотанковых рвов, около 600 км траншей и 28-километровый ров, опоясывающий весь город.

Людей в батальоне первоначально категорически не хватало, например, комбат Соловьев в рапорте сообщал, что в ночь с 13 на 14 июля из 82 бойцов батальона 81 принимал участие в ежедневных нарядах, возможности иметь смену для круглосуточного наряда как такового нету, в связи с этим было подано прошение увеличить численность батальона еще на 52 человека [2, л. 83].

На батальон было возложено выполнение большого количества задач, что приводило к непосильным нагрузкам и в итоге к конфликтам. Например, помощник командира взвода М. Ветошкин в рапорте отмечал, что «наряд был послан в ночь 14 на 15 число, количество бойцов 12 человек. Расставили по постам по 2 человека. Ночь прошла можно сказать спокойно, только изредка со стороны города раздавались оружейные выстрелы. Утром все изменилось, некоторым бойцам нужно было идти домой: один кричит, что он не кушал, другой говорит 5 ночей не спал. Общим (голосованием) решили позвонить в штаб. Я послал бойца, боец пришел и говорит, штаб ответил, что если бойцы хотят, пускай идут пешком, а если не хотят, то пускай ждут машину. Бойцы решили идти пешком, и мы направились. Проходя мимо конторы, с которой звонили в штаб, позвонил еще раз сам, штаб отвечает кто разрешил вам уходить с поста, я приказал всем вернуться на пост, но меня никто не послушал, кроме 3 человек. Все ушли, нас осталось 4 человека... Мы звонили еще раз, нам ответили, что пришлют машину. Через некоторое время приехала машина и мы приехали в штаб» [2, л. 61].

В связи с этим создание истребительного батальона проходило далеко не так гладко, как хотелось бы. Как отмечал 15 июля в докладной записке командир батальона, «на первых порах в батальоне получились трудности, выразившиеся в том, что отдельные бойцы по причине приближающегося фронта показали себя малодушными, маловеерами и трусами и начали под всякими предлогами освобождаться из батальона – болезнь, занятость работой, обремененность семьей, эвакуация предприятия и отъезд с ним и десятки других причин» [2, л. 8].

Вместе с тем в батальоне наблюдались и неоднократные случаи нарушения дисциплины, в первую очередь бывшими гражданскими лицами, например, уже в ночь на 1 июля на посту был обнаружен спящим боец, у которого изъяли винтовку. Свой сон провинившийся объяснял язвой желудка [3, л. 102].

5 июля 19-летний боец, студент, член ВЛКСМ, без каких бы то либо оснований так и не вступил на вверенный ему пост, в связи с чем был отдан суду военного трибунала [3, л. 104]. 27 июля в 1 час ночи боец 1-ой роты 3-го взвода за самовольный уход с поста на полчаса раньше положенного, несмотря на неоднократные предупреждения и

инструктаж, был подвергнут аресту на 3 суток с содержанием в административной камере при Управлении милиции [5, л. 132].

В напряженной обстановке прифронтового положения различным силовым структурам не всегда удавалось достичь полного взаимодействия и взаимопонимания. Наиболее вопиющий случай произошел 16 июля, когда одного из командиров рот вызвали на сборный пункт на стадионе Динамо и включили в состав РККА с предписанием убыть вскоре в часть. Возвращаясь в батальон, он где-то достал водку, появился в пьяном состоянии, устроил на глазах у подчиненных дебош, нецензурно выражался в адрес политрука и придирался к буфетчице. В связи с этим был составлен рапорт, рассмотрение которого затянулось [2, л. 41].

Особое внимание уделялось борьбе с вражескими диверсантами, которые пуском ракет из ракетниц указывали вражеской авиации стратегически важные цели. Например, 15 июля в 23.30 часовой у ворот автотехникума сообщал, что в районе Пионерского сада была пущена белая ракета, а недалеко от белых казарм пущена желтая ракета, которая упала на крышу санстанции. Об этом было сообщено в облуправление НКВД и милиции по телефону 1-60 [2, л. 44].

В обстановке всеобщей подозрительности и шпиономании бойцам батальона приходилось разбираться со множеством неоднозначных ситуаций. Например, 17 июля в 0.30 минут из Лесотехнического института сообщили, что во дворе дома на стыке улиц Жарковской и Советской коммуны в отдельной квартире наблюдается мигание электрического света. При проверке было установлено, что у местной жительницы дома горела лампочка синего цвета, которая из-за плохой маскировки создала эффект мигания, в связи с чем было вынесено строгое предупреждение [2, л. 39об.].

27 июля в 22 часа со стороны аэродрома по секретам батальона, находящимся в районе деревни Волотовы, был произведен винтовочный выстрел. Кроме этого, с того же места того же числа в 20 часов было произведено два выстрела. 28 июля в 2 часа ночи был произведен еще один выстрел из винтовки, а еще через полчаса – второй, причем в обоих случаях пули падали возле находившихся там бойцов. Со слов бойца т. Величко стреляли якобы красноармейцы, находящиеся возле аэродрома и на аэродроме, которые были издали видны. Скорее всего они не разобрались в сложившейся обстановке и приняли бойцов истребительного батальона за врагов. Об этом случае было доложено коменданту города [5, л. 59].

В состав батальона приказом от 27 июля было постепенно включено 103 сотрудника НКВД (затем еще 8), в первую очередь из числа отступивших из уже оккупированных западных областей БССР и

Минска. В итоге теперь абсолютное большинство бойцов батальона составляли сотрудники милиции и активисты.

В соответствии с докладной запиской командира батальона Соловьева в связи с прибывшим пополнением на 28 июля в батальоне имелось 4 старших командира, 11 среднего начсостава и 20 младшего, рядовых 170, всего 205 бойцов. На вооружении батальона имелось 36 винтовок калибра 7,62, 15 снайперских винтовок с оптическим прицелом, 2 станковых пулемета, пистолетов и наганов – 40, 50 гранат РГД-33 [5, л. 95]. Политико-моральное состояние личного состава удовлетворительное, за исключением отдельных случаев нарушения дисциплины и проявления неуважения окружающих товарищей. На такие проявления немедленно реагировал командир и они сразу же пресекались.

Согласно отчету командира батальона 27–29 июля в город были высланы 2 группы патрулей. Первая группа патрулей в составе командира 1-ой роты Каган и 2 рядовых прошли с 0.00 до 2.20 по маршруту улицы Кирова до Ленина, Советская, Артема, Парижская коммуна, овраг Дедно до улицы Госпитальная. За время обхода патрулей ничего не обнаружено, за исключением проникновения света от плохой маскировки в одном доме на улице Госпитальной. После предупреждения патруля нарушение было устранено.

Вторая группа во главе с комроты старшим лейтенантом Буручко проверила маршрут по улицам Комсомольская, Ветряная, Техническая, Пролетарская и Комиссаровской. В ходе обхода было обнаружено, что в помещении бывшей 7-ой школы им. Калинина по Комсомольской улице размещается караульная рота Гомельского горвоенкомата, а на 2-ом и 3-ем этаже размещается средний и высший комсостав частей фронта, которые уже вышли из боя по разным причинам. В итоге здесь очень грубо нарушается дисциплина светомаскировки, так как часто зажигается электроосвещение, о чем патруль их и предупредил.

По Пролетарской улице в доме № 51 проверен двор и огород, подозрительного обнаружено ничего не было. Со слов тов. Михайлова по Комиссаровской улице в доме № 35–37 и прилегающем к этим домам саду по улице Интернациональной №7 в момент налета авиации противника подаются ракеты до 15 штук в направлении мостов и электростанций, поэтому было запланировано в ближайший день внезапной проверкой проверить это место. Также наблюдались случаи нарушения светомаскировки [5, л. 34–35].

В районе завода имени М. Ломоносова бойцы истребительного батальона Центрального района остановили легковую машину с четырьмя «командирами» Красной Армии, которые в итоге оказались немецкими шпионами с задачей направлять подразделения советских войск по ложным маршрутам [8, с. 69].

Поддерживая через группы содействия тесную связь с местным населением, командование батальона своевременно узнавало о появлении диверсантов и принимало меры по их ликвидации. Так, жительница деревни Волотова Анна Мельникова сообщила командованию батальона, что 12 июля в 5 часов утра у колодца колхозных строений мужчина в военной форме спрашивал у нее, где находится железная дорога и стоят танки, но она ответила, что не знает. Мужчина после этого спешно ушел из деревни по направлению к железной дороге Мельникова же поручила своей знакомой проследить за ним, а сама явилась в штаб и рассказала о данном случае [2, л. 126].

Заметив вражеский самолет, который ночью кружил над деревней Волотова, жители сообщили об этом в штаб батальона Центрального района. Сразу же в указанный квадрат для прочесывания местности направили роту бойцов во главе с И. В. Архиповым, которые, благодаря хорошему знанию местности и умению ориентироваться ночью, задержали затем 8 парашютистов, сознавшихся на допросе в получении задания указывать фашистским самолетам цели для бомбометания и сеять панику среди населения [9, с. 292].

В ночь на 29 июля в доме по улице Ленина батальонным патрулем было обнаружено проникновение света. Проверкой установлено, что в этой квартире проживала гражданка, муж которой уже был ранее задержан сотрудниками НКВД. На данную гражданку патрульные составили протокол, который направили в областное управление милиции для дальнейшего привлечения к ответственности [5, л. 60].

29 июля 1941 г. в задачу истребительного батальона была вменена обязанность охраны следующих объектов:

1. Район Волотова – 3 поста, куда в ночное время высылаются 10 человек, в дневное – 7;
2. Район Мельников луг – 4 поста, в ночное время – 12 человек, из них 1 командир взвода, в дневное время – 7;
3. Караул в здании обкома КПБ(б) 2 человека ежедневно и круглосуточно;
4. Внутренний наряд 3 поста из 9 человек;
5. Наряд на кухню 4 человека;
6. Высылка патрулей 2 группы ежедневно по 4 человека во главе с командиром взвода или роты с 0.00 часов до 3.00 по необходимым маршрутам и по указанию Управления НКВД.
7. В штабе батальона ежедневно 1 командир, дежурный по батальону и дежурный по штабу из рядового состава 1 человек.
8. Наблюдательные вышки ежедневно и круглосуточно по 2 человека на хлебозаводе и в 1-ой Советской больнице [5, л. 55].

На 1 августа в батальоне насчитывалось уже 252 человека. В ночь с 13 на 14 августа 1941 г. с появлением немецко-фашистских захватчиков в окрестностях Гомеля бойцы истребительного батальона Центрального района в составе полка народного ополчения ушли на боевые позиции в районе деревень Мильча и Севрюки, где вступили в первый бой с гитлеровцами, а затем после падения города были эвакуированы далее на восток, где и продолжили сражаться [9, с. 293]

Таким образом, бойцы истребительного батальона Центрального района Гомеля на протяжении лета 1941 г. принимали активное участие в поддержании правопорядка в прифронтовом городе и подготовке его к отражению атак наступающих гитлеровских войск (прежде всего в возведении оборонительных сооружений), доблестно защитили важные стратегические объекты, не допустив туда диверсантов, в целом с успехом выполнили поставленные перед ними командованием задачи и в итоге внесли свой весомый вклад в приближение Победы над врагом.

Источники и литература

1. Томашев, М. И. Гомельщина в начальный период войны (июнь-август 1941 г.) / М. И. Томашев // <https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/158255/1/280-283.pdf> С. 280-283. Дата доступа: 31.05.2023.
2. Национальный архив Республики Беларусь (далее – НАРБ). – Ф. 1404. – Оп. 1. – Д. 197.
3. НАРБ. – Ф. 1404. – Оп. 1. – Д. 196.
4. НАРБ. – Ф. 1404. – Оп. 1. – Д. 194.
5. НАРБ. – Ф. 1404. – Оп. 1. – Д. 198.
6. НАРБ. – Ф. 1404. – Оп. 1. – Д. 195.
7. Салодкая, В. М. Истребительные батальоны в Беларуси в Великой Отечественной войне (1941–1944 гг.) / В. М. Салодкая // Працы гістарычнага факультэта БДУ. – Мінск, 2015. – Выпуск 10. – С. 81–83.
8. Салодкая, В. М. Преграждаць путь дыверсантам / В. М. Салодкая // Беларуская Думка. – 2017. – № 12. – С. 66–71.
9. Вербицкий, П. С. Мобилизационные мероприятия руководства Гомельской области по организации обороны летом 1941 года / П. С. Вербицкий // 80 лет с начала Великой Отечественной войны: историческая правда, уроки, взгляды современников: материалы Международной научно-исторической конференции (Гомель, 27–28 октября 2021 г.) – Гомель : БелГут, 2022. – С. 290–294.

РАСИЗМ И АНТИСЕМИТИЗМ КАК ОСНОВЫ ИДЕОЛОГИИ НАЦИОНАЛ-СОЦИАЛИЗМА

Философский, идеологический, социально-политический, психологический и ментальный фундамент национал-социализма составляли расизм (учение о неравенстве человеческих рас) и антисемитизм (ненависть к евреям). В гитлеровском рейхе расизм и антисемитизм стали основой государства, целью которого было построение социализма для «высшей» арийской (нордической) расы за счет порабощения и уничтожения «низших» рас и народов. В германском национал-социализме (нацизме) расизм и антисемитизм стали сущностной характеристикой, идеологической основой и движущей силой, национальной идеей, которая овладела массами и привела сначала к временным успехам, а затем к полному краху нацистского режима и национальной катастрофе Германии.

Нацизм провозглашал немецкую нацию образцовой, а немецкого мещанина – «сверхчеловеком». Нацизм боролся как против коммунизма («еврейского большевизма»), так и против господства мировой плутократии («заговора еврейских промышленников и банкиров»), заменяя классовую борьбу расовой.

Национал-социализм существовал сразу в трех ипостасях: 1) как политическая теория господства «высшей арийской расы», 2) как национально-государственная идеология, 3) как общественно-государственное устройство, политическая практика построения социального государства для «высшей расы» и завоевания для нее жизненного пространства. Проще говоря, нацизм – вытекающая из политической теории господства «высшей расы» идеология и соответствующий ей политический режим.

Антисемитизм выступал и как внутренний фактор, и как (по определению польского поэта Юлиана Тувима) «международный язык фашистов» [1]. Фашизм – это всегда антисемитизм. Антисемитизм был свойственен всем фашистским идеологиям, движениям, партиям, режимам. Но именно при нацизме антисемитизм достиг своей высшей формы. В борьбе против так называемого «мирового еврейства» нацисты видели свою – как ни странно это звучит применительно к крайним националистам – интернациональную миссию.

Немецкий писатель-антифашист Томас Манн писал, что антисемитизм нацистов был направлен не просто против евреев, но и против христианско-античных основ европейской цивилизации [2, с. 36]. Эти слова – не метафора, а диагноз. Нацизм был попыткой создания альтернативной цивилизации, основанной на национально-расовой нетерпимости. «Арийская теория», лежавшая в основе национального мифа, освободила немцев от «химеры совести».

Раскрывая психологическую природу национальной нетерпимости, философ Франкфуртской школы Теодор Адорно утверждал, что этноцентризм связан с противопоставлением своих и чужих. Чужие – это объекты негативных оценок и враждебных предубеждений; свои являются предметом позитивных установок. Чужие находятся социально ниже своих. «Противопоставление своей и чужой групп становится принципом, по которому они (антисемитские фашистские политики. – Б. Х.) абстрактно делят весь мир» [3, с. 292].

Согласно нацистской расовой доктрине, каждый настоящий немец имел врожденное предрасположение к господству над «низшими» типами людей, в жилах которых течет «худшая» кровь. Таким образом, расистские концепции становились аргументами в пользу господства немцев над миром. Любые ведущие к этой цели средства полностью оправдывались.

Современный немецкий культуролог Герман Глазер утверждал, что понять причины возникновения, развития и успеха германского национал-социализма можно лишь на основе изучения истории менталитета и психоистории [4, s. 574]. Менталитет нацистов формировался на основе «арийского мифа» и антисемитских предрассудков.

На расовой основе шла консолидация «арийского народного сообщества». Нацистская идеология, подчеркивая различия вне нации, смягчала классовые и социальные противоречия внутри нее. Национальный социализм обеспечивал немцам социальную стабильность и рост уровня жизни. По этой причине нацистский режим поддерживали до 95 % немцев. Между «национально-социальным» государством Гитлера и чудовищными преступлениями нацизма была прямая связь: это были две стороны одной медали. Расовая теория и практика национального социализма служила идейной подготовкой к «расовой» войне и обоснованием ненависти к «врагам высшей расы»; ограбление и массовое убийство «расовых врагов» поддерживало на плаву социальное государство Гитлера. Об этом, в частности, пишет немецкий историк Али Гёц в книге «Народное государство Гитлера» [5, s. 445]. Для национальной консолидации по «чистоте крови» нацистам нужен был «вечный враг», в борьбе против которого проходило бы сплочение нации. Эта роль со средних веков традиционно отводилась евреям.

Уместно напомнить определение, данное отцу реформации Мартину Лютеру современным философом Даниэлем Грубером. Грубер назвал Лютера «теологом Холокоста» [6]. Это определение основано на текстах Лютера: «Что же нам, христианам, делать с этим отверженным и проклятым народом, евреями? Прежде всего, их синагоги или школы следует сжечь, а то, что не стгорит, нужно закопать и покрыть грязью... Во-вторых, я советую сровнять с землей и разрушить их дома. Ибо в них они преследуют те же цели, что и в синагогах... В-третьих, я советую отбирать у них все молитвенники и Талмуды... В-четвертых, я советую отныне запретить их раввинам учить под страхом смерти. В-пятых, я советую, чтобы евреи были лишены права на охранное свидетельство при передвижении. В-шестых, я советую запретить им ростовщичество, и забрать у них все наличные деньги, а также серебро и золото... В-седьмых, ... следует выместить этих ленивых негодяев под зад» [7].

Религиозный антисемитизм подпитывался бытовым. Евреи с первых веков новой эры времен жили еврейских кварталах (гетто) в древнеримских колониях Кёльне, Трире, Шпейере, Майнце, Аахене, Франкфурте, других немецких городах, осуществляли торговлю и финансовые операции между Северной и Южной Германией, а также между германскими землями и соседними странами. Это вызывало зависть и ненависть соседей-конкурентов, а значит и бытовой антисемитизм.

Существовал и псевдонаучный антисемитизм, носителями которого были немецкие университетские профессора. Лидером этого течения был Генрих фон Трейчке (1834–1896) – немецкий историк, автор «Истории Германии в XIX веке», а также прусско-германский политик, проделавший эволюцию от либерализма до национал-государственности и антисемитизма. В статье «О нашем еврействе» (1879 г.) он утверждал: «Евреи – это наше несчастье... Единственный выход для наших сограждан-евреев – это беспрекословное решение стать немцами, как давно сделали многие из них – на наше и свое счастье. Это не может осуществиться в полной мере: евреи всегда останутся людьми восточного склада, лишь разговаривающими по-немецки» [8, s. 478–481].

В ту пору, когда Трейчке произнес свои ставшие афоризмом слова «Евреи – это наше несчастье», его современник великий философ Фридрих Ницше в работе «Антихрист. Проклятие христианству» (1895 г.) писал: «Евреи – это самый замечательный народ мировой истории, потому что они, поставленные перед вопросом: быть или не быть, со внушающей ужас сознательностью предпочли быть какою бы то ни было ценою: и этою ценою было радикальное извращение всей природы, всякой естественности, всякой реальности, всего внутреннего мира, равно как и внешнего. ... Евреи вместе с тем самый роковой народ всемирной истории: своими дальнейшими влияниями они

настолько извратили человечество, что еще теперь христианин может себя чувствовать антииудеем, не понимая того, что он есть последний логический вывод иудаизма» [9, с. 649–650].

Антисемитизм свойственен философии Артура Шопенгауэра, который считал, что основу еврейства составляет не религия, а «бездомность», порождающая еврейский космополитизм. Характеризуя еврейскую идентичность как «самый славный патриотизм», Шопенгауэр подчеркивал, что это – «патриотизм без родины (*patriotism sine patria*). Die Heimat der Juden — alle Juden». – (Отечество еврея – это остальные евреи) [10, с. 203–205].

Несмотря на то, что еще в XIX в. «расовая теория» была доказательно опровергнута немецкими учеными Рудольфом Вирховым, Рудольфом Мартином и Оскаром Хертвигом, в XX в. национал-социалисты взяли на вооружение концепцию «расовой борьбы». Это своего рода вариант социал-дарвинизма: проекция теории эволюции Дарвина на понимание истории как борьбу «арийцев» против евреев, в которой «выживает сильнейший» [11, р. 351]. Племянник Дарвина Фрэнсис Гэлтон полагал, что расовый отбор следует сделать частью социальной политики. Свое учение о селекции применительно к людям он назвал «евгеникой». Последователь Гэлтона немецкий социолог и историк Людвиг Гумплович считал «расовую борьбу» (в отличие от его современника и соотечественника Карла Маркса с его учением о классовой борьбе), «настоящей движущей силой истории» [12, s. 218].

Расовый антисемитизм возник в XIX в. в среде немецких и австрийских пангерманистов. С расовым антисемитизмом связано возникновение понятия «антисемитизм» как проявления крайней биосоциальной юдофобии. Расовый антисемитизм не только не признавал за ассимилированными евреями права на существование, но и считал их наиболее «опасными», так как они якобы вносят «порчу» в здоровое тело «арийской» нации, разлагают ее изнутри и пытаются тайно захватить власть над ней. (Отсюда – идея «еврейского заговора»).

Антисемитское движение сформировалось в 1870-е – 1880-е годы. Его сторонники происходили преимущественно из среды городских и сельских мелких собственников, рабочих, чиновников, студентов. Уже одна из первых политических организаций движения – «Лига антисемитов» имела тайное членство и была построена на жестких принципах слепого повиновения вождям. Лига и связанные с ней группировки собирали подписи под петицией за ограничение гражданских прав евреев, устраивали еврейские погромы. В Германии действовали также «Христианско-социальная рабочая партия», «Социальная имперская партия», «Немецкий народный союз», «Немецкая

партия реформ», «Немецкий союз антисемитов», объединение антисемитских студенческих союзов. В 1888 г. было создано объединенное общенациональное «Немецкое антисемитское объединение». С 1890 г. движение антисемитов было представлено в германском рейхстаге [13, с. 32–33].

В начале XX в. на идейную и общественную арену Германии вышло националистическое движение «народников» — «Фёлькише» (от нем. «das Volk» — народ). «Фёлькише» трактовали народ как культурно-биологическую и мистическую общность «крови и почвы» и пропагандировали превосходство «германского духа» и немецкой культуры над бездушной либеральной цивилизацией остальной Европы. Они не только воспевали древнегерманское прошлое и Средневековье, но и соединяли идеализацию старины с «расовыми теориями» Хьюстона Стюарта Чемберлена, графа Гобино, другими идеями социал-дарвинизма и господства сильных, а также с мистическими и оккультными учениями (теософией, ариософией). Среди них особое место занимали оккультные ордена — «Германский орден», «Орден рыцарей святого Грааля» и «Общество Туле», избравшее своей эмблемой древний знак солнца — «свастику», который затем заимствовали национал-социалисты [13, с. 33].

В отличие от бытового антисемитизма, средневекового христианского антисемитизма, «антисемитизма немецких профессорских кафедр» XIX в., нацистский антисемитизм был не только религиозным, бытовым, псевдонаучным, но и прежде всего — расовым.

Политической партией, провозглашавшей в своей программе биосоциальную юдофобию и расовый антисемитизм, была Национал-социалистическая германская рабочая партия (НСДАП). Ее программа (25 пунктов НСДАП, 1920 г.) гласила: «Гражданином Германии может быть только тот, кто принадлежит к немецкой нации, в чьих жилах течёт немецкая кровь, независимо от религиозной принадлежности. Таким образом, ни один еврей не может быть отнесён к немецкой нации, а также являться гражданином Германии» [13, с. 35].

«Содержание истории, — писал главный теоретик нацизма Альфред Розенберг, — не составляет больше борьба класса против класса, одной церковной догмы против другой. Ее содержание — борьба одной крови против другой, расы против расы, народа против народа... Историю надо рассматривать с точки зрения расы» [14, s. 1–2].

Как утверждал один из расовых теоретиков нацистской партии Рихард Дарре (первый начальник главного управления СС по вопросам расы и поселений), «расовый вопрос есть ключ к пониманию мировой истории» [15, с. 288]. Советский и российский исследователь

фашизма А. А. Галкин пришел к выводу, что «крайний национализм, переходящий в расизм – своеобразная форма преодоления комплекса неполноценности, свойственного мелкому буржуа и вообще обывателю... расизм – это метод самоутверждения» [15, с. 290].

Нацистская расовая доктрина рассматривала всю историю человечества как борьбу двух рас: арийской и семитской. Антисемитизм нацистов был направлен исключительно против евреев. В отношении арабов, также принадлежащих к семитским народам, в Третьем рейхе использовался термин «нееврейские семиты». Среди арабских шейхов и исламских мулл нацисты искали и находили союзников в борьбе против евреев [16, с. 204].

Одним из центральных источников идей нацизма является книга Гитлера «Майн Кампф». До 1945 г. эта книга, написанная в 1924–1926 годах, была переведена на 14 языков, ее тиражи составили 12,5 млн экземпляров. (В России «Майн Кампф» запрещена. 13 апреля 2010 г. эта книга внесена в Федеральный список экстремистских материалов под номером 604).

«Майн Кампф» развратила поколение немцев 1930-х – 1940-х годов и стала главным идеологическим обоснованием нацизма и развязанной им Второй мировой войны, которая унесла более 55 млн человеческих жизней, из которых 6 млн были евреями, а 14 млн – немцами.

О значении этой книги современный немецкий историк Э. Йеккель писал: «Никогда до Гитлера политик, еще до прихода к власти, так точно ни описывал то, что он будет делать. Если бы не это обстоятельство, ранние заметки, речи и книги Гитлера представляли бы интерес лишь как факты его биографии. Лишь попытка осуществления этих планов подымает их до уровня исторического источника» [17, s. 15].

Книга Гитлера – не только важнейший источник по истории и идеологии национал-социализма, это квинтэссенция нацистского антисемитизма. «Рассуждая о “Майн Кампф”, следует помнить, что с этой книги началась дорога, приведшая в Аушвиц», – подчеркивала профессор политической теории и истории идей университета г. Пассау (ФРГ) Барбара Цейнпфенниг [18, s. 17]. «Майн Кампф» – «это книга интернационального антисемита, и кто взял ее в руки, должен учитывать предпосылки, из которых она исходит», – еще в 1932 г. отмечал один из первых критиков нацизма Конрад Гейден [19, с. 83]. Каковы эти предпосылки? Корни нацизма «уходят глубоко в XIX в., когда “немецкий дух” пережил много перевоплощений, которые в дальнейшем Гитлер использовал в своих целях», создав идеологию маленького человека, обывателя-антисемита, страдающего одновременно комплексом неполноценности и манией величия. Воплощением этой идеологии был сам Гитлер.

Гитлеру был присущ зоологический расизм, основанный на крайнем антисемитизме. Антисемитизм был самой сильной страстью в жизни Гитлера. Ненавистью к евреям были проникнуты все его политические высказывания: от первых речей в мюнхенских пивных («евреи нанесли сражавшейся на фронтах Первой мировой войны Германии удар ножом в спину») до политического завещания, в котором Гитлер призвал по-прежнему оказывать «жестокое сопротивление мировому отравителю всех народов, международному еврейству».

Гитлер был убежден, что евреи якобы поставили себе целью поработить другие народы, прежде всего немецкий, и для этого составили всемирный заговор. «Нутром, если не рассудком, Гитлер верил в реальность еврейского мирового заговора», – пишет Гейден [20, р. 456]. Гитлер принял на вооружение как раз те методы, которые авторы его любимой книги – сочиненных русской царской охранкой и чрезвычайно популярных в 1920-е – 1930-е годы в Германии «Протоколов сионских мудрецов» – приписывали мифическим еврейским заговорщикам.

При деконструкции мифа «Майн Кампф», аналогии между «нацистской библией» и «Протоколами» можно заметить почти на каждой странице. Действительно, если целью Гитлера было мировое господство, то для достижения этой цели он мог «безжалостно» (одно из его любимых словечек) пользоваться методами и уловками, идентичными тем, которые антисемиты приписывали вымышленным сионским мудрецам.

Антисемитизм пронизывает всю книгу Гитлера: в ней нет ни одного раздела, где бы не затрагивался еврейский вопрос. Антисемитизм Гитлера был зоологическим, расовым. Он основывался на биологической ненависти к евреям. «Евреи были и есть те, кто привозит на берега Рейна негра, – все с той же задней мыслью и откровенной целью – наплодить ублюдков и разрушить тем самым ненавидимую им белую расу, свергнуть ее с культурной и политической высоты, а самим возвыситься до ее хозяев» [21, с. 10–11]. Еврей никогда не сможет стать немцем: у него другая кровь. «Национальность и раса заключена в крови, а не в языке. Смещение крови в германском государстве можно остановить, лишь удалив из него все неполноценное» [22, с. 294].

Антисемитизм автора «Майн Кампф» имел также и социальный характер. Евреи, по мнению Гитлера, паразитируют на культуре других народов; они захватывают ведущие позиции в торговле, финансах, средствах массовой информации, науке, образовании, искусстве. Гитлер обвинял евреев в подрыве немецкой экономики и национальных культурных традиций, а значит и основ германской национальной государственности. Гитлер делал вывод: «Любой человек, имеющий еврейскую кровь до третьего поколения, является врагом арийской расы

и подлежит уничтожению или изгнанию из пределов цивилизованного мира» [13, с. 49–51].

Так называемые «расовые признаки», якобы неизменно присущие евреям, стали теоретической основой для уничтожения нацистами европейского еврейства. Следствием и политическим результатом расового и социального антисемитизма стал Холокост.

Источники и литература

1. Тувим, Ю. Мы, польские евреи [Электронный ресурс] / Ю. Тувим // Лехаим. – 2005. – № 9. – Режим доступа : <https://lechaim.ru/ARCHIV/161/tuvim.htm>. – Дата доступа: 07.07.2023.

2. Манн, Т. О немцах и евреях. Статьи, речи, письма, дневники / Т. Манн. Русск. изд. – Израиль : Библиотека-Алия, 1990. – 498 с.

3. Адорно, Т. Исследование авторитарной личности / Т. Адорно. – М. : Серебряные нити, 2001. – 416 с.

4. Glaser, H. Deutsche Kultur 1945–2000 / H. Glaser. – Frankfurt am Main, 1999. – 574 s.

5. Götz, A. Hitlers Volkstaat. Raub, Rassenkrieg und nationaler Sozialismus / A. Götz. – Frankfurt am Main : Fischer-Verlag, 2005. – 445 s.

6. Грубер, Д. Теолог Холокоста [Электронный ресурс] / Д. Грубер // Библиотека журнала «Вехи» – 2000 – Режим доступа : <http://www.vehi.net/asion/martin.html>. – Дата доступа: 07.07.2023.

7. Из книги Мартина Лютера «О евреях и их лжи», 1543 г. [Электронный ресурс] – Режим доступа : <http://vehi.net/asion/martin2.html>. – Дата доступа: 07.07.2023.

8. Treitschke, H. Aufsätze, Reden und Briefe / H. Treitschke : in 5 b. – Meersburg : F. W. Hendel, 1929. – В. 4. – 482 s.

9. Ницше, Ф. Сочинения / Ф. Ницше : в 2-х т. – М. : Мысль, 1990. – Т. 2. – 833 с.

10. Шопенгауэр, А. Собрание сочинений / А. Шопенгауэр : в 6 т. – М. : Изд-во «Республика», 2001. – Т. 5. – 528 с.

11. Totten, S. Dictionary of Genocide / S. Totten, P. R. Bartrop, S. L. Jacobs. – Westport : Greenwood Publishing Group. 2008. – 626 p.

12. Gumplowicz, L. Der Rassenkampf.: Sociologische Untersuchungen / L. Gumplowicz. – Buchhandlung: Wagner'sche Univ., 1883. – 432 s.

13. Хавкин, Б. Л. Расизм и антисемитизм в гитлеровской Германии. Антинацистское Сопротивление немецких евреев / Б. Л. Хавкин. – М. : РГГУ, 2018. – 243 с.

14. Rosenberg, A. Der Mythos des 20. Jahrhunderts. Eine Wertung seelisch-geistigen Gestaltenkämpfe unserer Zeit / A. Rosenberg. – München : Hoheneichen, 1934. – 250 s.

15. Галкин, А. А. Германский фашизм / А. А. Галкин. – М. : Наука, 1989. – 350 с.

16. Хавкин, Б. Л. Фашизм и нацизм как системы ложных единств / Б. Л. Хавкин // Новое прошлое. – The New Past. – 2021. – № 4. – С. 196–212.

17. Jaeckel, E. Hitlers Weltanschauung / E. Jaeckel. – Stuttgart : Deutsche Verlags-Anstalt, 1981. – 175 s.

18. Zehnpfennig, B. Ein Buch mit Geschichte, ein Buch der Geschichte: Hitlers «Mein Kampf» / B. Zehnpfennig // Aus Politik und Zeitgeschichte. – 2015. – № 43–45.

19. Гейден, К. История германского фашизма / К. Гейден. – М.–Л. : Госсоцэкономиздат, 1935. – 434 с.

20. Heiden, K. The Führer / K. Heiden. – New York : Robinson, 1999. – 614 p.

21. Фест, И. Гитлер. Биография / И. Фест : в 2 т. – Пермь : «Алтейа», 1993. – Т. 2. – 480 с.

22. Энциклопедия третьего рейха. – М. : Локид-Миф, 1996. – 592 с.

УДК 94(476)''1941/1945'' : 343.337.5(=161.3):347.942

А. П. Шиляев

А. А. Данченко

И. М. Красуцкий

Гомельский государственный университет
имени Ф. Скорины, г. Гомель

**ГЕНОЦИД БЕЛОРУССКОГО НАРОДА.
СВИДЕТЕЛЬСТВА ОЧЕВИДЦА СОБЫТИЙ
ПАВЛЕНКО АЛЕКСАНДРА ЕМЕЛЬЯНОВИЧА**

Данная статья посвящена одному из многих трагических эпизодов геноцида белорусского народа. Основной материал для данной статьи был получен в результате опроса жителя деревни Контакузовка, Гомельского района, Павленко Александра Емельяновича, 1936 г.р., который является живым свидетелем преступлений гитлеровских оккупантов. В своем рассказе А. Е. Павленко обозначил два эпизода, свидетелем которых он стал

лично. Это массовое убийство жителей д. Контакузовка в 1941 г. и принудительное выселение их же в 1943 г. Также описывается процесс увековечивания памяти жертв этих преступлений.

На рассвете 22 июня 1941 г. германские войска вероломно пересекли границу СССР, началась Великая Отечественная война. В первые дни, несмотря на ожесточенное и героическое сопротивление, войска Красной Армии терпели серьезные поражения, обстановка была крайне сложной.

25 июня к северо-востоку от Слонима немецкие части завершили окружение советских войск, которые отходили от Белостока. 26 июня немцы захватили Барановичи, а 27 – большинство частей Западного фронта попали в новое окружение в районе Новогрудка. 11 дивизий 3-й и 10-й армий РККА были уничтожены. 26 июня 1941 года немецкие механизированные части подошли к Минску. Войска 13 армии удерживали рубежи до 28 июня.

В начале июля 1941 года советское командование предприняло попытку создать линии обороны вдоль Западной Двины и Днепра. Боевые действия начались непосредственно на Гомельщине. 13 июля войска 21-ой армии Западного фронта нанесли контрудар по правофланговым соединениям группы армий «Центр», при этом освободив города Жлобин и Рогачев и продвинувшись на 25–30 км на бобруйском направлении. Для этого периода войны это был беспрецедентный пример контрнаступления Красной армии, что привело к изменению ситуации на южном участке фронта направления главного удара немецкой армии [1, с. 60].

В результате 2-й танковой группе вермахта было предписано развернуться с московского направления и нанести удар в строго юго-западном направлении, на Гомель. Для решения этой задачи была создана «Армейская группа Гудериана», в состав которой вошли механизированные и пехотные соединения. Основные силы группы армий «Центр» – 12 пехотных и 6 подвижной дивизии были включены в южную фланговую ударную группировку [1, с. 62].

Такую силу войска 21-ой армии РККА, измотанные в боях, сдержать уже не могли. 19 августа, после ожесточенных боев, противник занял Гомель, взять Новобелицу немецким войскам с ходу не удалось, мосты были взорваны и потребовалось время, чтобы наладить переправу. Бойцы различных частей 21-ой армии объединились в сводный полк 219-й моторизованной дивизии. В него вошли и гомельские ополченцы. В течение 3-х суток артиллерийская батарея А. Свердлова и сводный полк удерживали оборону. Лишь 23 августа в результате

осуществление переправы через реку Сож южнее Новобелицы и захода танковых частей немцев с востока завершилась оборона Гомеля. К 30 августа была оккупирована вся территория области [2, с. 511].

Советские войска отступали, часто разрозненно, небольшими группами. Так один отступающий отряд попал в деревню Контакузовка.

Немецкие части с первых дней оккупации развернули широкую политику геноцида белорусского населения, которая открыто декларировалась в официальных приказах немецких командующих. Так, к примеру, в приказе начальника верховного командования вермахта В. Кейтеля говорилось: «... Для того, чтобы в зародыше задушить недовольство, необходимо при первых же случаях незамедлительно принимать самые решительные меры для того, чтобы укрепить авторитет оккупационных властей. При этом следует иметь в виду, что человеческая жизнь в соответствующих странах в большинстве случаев не имеет никакой цены и что устрашающего действия можно добиться лишь с помощью исключительно жестоких мер... Подлинным средством устрашения при этом может служить лишь смертная казнь» [3, с. 27].

На оккупированных территориях гитлеровцы устроили настоящий террор. В Гомельской области были сформированы лагеря для военнопленных, гражданского населения и детей, образовано около 20 гетто, проведено 17 крупных карательных операций. Только по приблизительным подсчетам на территории современной Гомельской области погибло более 300 тыс. человек [4, с. 5–8].

Со слов Павленко Александра Емельяновича, жителя деревни Контакузовка, 30 августа 1941 года к ним пришел отряд отступающих частей красной армии. Александр Емельянович не видел этого, так как в это время он был дома. По словам жителей, отряд был небольшой. Солдаты остановились на перекрестке, убедившись, что в деревне немцев нет, они пошли по домам. Командир отряда спрашивал у людей, нет ли у них карты местности. Карты ни у кого не оказалось, а его отправили к местному учителю географии – Лазбекину Макару Васильевичу. Как потом окажется, он был инвалидом по зрению. Макар Васильевич проживал во втором доме от перекрестка по нечетной стороне улицы. У учителя карты тоже не оказалось, но учитель хорошо знал район и рассказал солдату, где что располагается.

В это время по дороге со стороны деревни Кореневка подъехала телега с тремя немцами. Советские солдаты в это время находились на перекрестке и не увидели телегу, а вот немцы, когда подъехали к деревне поняли, что здесь советские солдаты. Они открыли огонь, в ходе перестрелки было убито два немца, а третий сбежал в лес. Солдаты забрали телегу с лошадьми и ушли в лес. В лесу они лошадей распрягли, а телегу бросили.

31 августа 1941 года в деревню был направлен карательный отряд немецких войск. Первым местом куда они отправились был дом учителя географии М. В. Лазбекина В это время всех людей выводят из домов и собирают на улице. Дойдя до дома учителя, командир карательного отряда вывел М. В. Лазбекина на улицу и расстрелял его за содействие Красной армии. На звук выстрела из дома выбежала его мать – А. Ф. Лазбекина. Она в шоке, от горя, упала на грудь мертвого сына. Каратели, не церемонясь убили и её на груди сына. Всё это происходило на глазах всей деревни.

Когда вся деревня была на улице, людей стали делить. По левую сторону улицы собрали женщин и детей, а по правую – мужчин. Женщин и детей переводят на соседнюю улицу (современную улицу Победы), а среди мужчин выбирают трёх самых крепких и уводят за первый дом. Раздаются звуки выстрелов. Так люди простояли на улице до вечера. Людям запрещалось куда-либо ходить, даже по санитарным нуждам. При уходе, немцы запретили хоронить тела убитых.

В этот страшный день для деревни Контакузовка было убито 5 человек: А. Ф. Лазбекина, М. В. Лазбекин, Ф. П. Калюка, И. С. Ковалевич и Е. П. Павленко – отец Павленко Александра Емельяновича. Мало было этого горя, так и тела нельзя было трогать. Вся деревня думала, как похоронить убитых. Тут, Павленко Михаил Иванович – житель деревни, предложил ночью захоронить всех на местном кладбище в братской могиле. Найдя телегу, всех убитых погрузили в неё и развезли по домам. Там с ними провели все обрядности, согласно вероисповеданию и отвезли ночью на кладбище. Пока жители шли на кладбище, они заметили и две немецкие могилы возле него. Хоронили жертв геноцида в гробах в общую могилу.

Оказалось, что Ф. П. Калюка был родом из деревни Прибыток, но влюбился в девушку из деревни Контакузовка, женился на ней и поселился здесь. Жители Прибытка хотели забрать тело Калюки, но Михаил Иванович сказал: «Раз он убит в Контакузовке, значит и хоронить его здесь». Таким образом, в деревне Контакузовка было захоронено 5 жертв геноцида.

Схожие данные мы встречаем и в рассказе Евгения Лапицкого, родственника убитого М. В. Лазбекина: «В августе 1941 года части Красной армии с тяжелейшими боями выходили из окружения через Контакузовку. Зашли в дом к моему двоюродному прадеду Макару Васильевичу Лазбекину. Он работал учителем географии и передал им карты местности, что помогло солдатам выйти из котла вокруг Гомеля. Через несколько часов приехали каратели, согноли всю деревню в ангар и начали готовить к расстрелу. Там была и моя бабушка Мария

Никифоровна с двумя маленькими братьями и своей мамой. Предатель из местных рассказал про карту, за что немцы расстреляли двоюродного прадеда вместе с матерью и еще тремя местными жителями. И объявили, что впредь за связь с партизанами или солдатами за одного убитого немца будут расстреливать по сто местных жителей» [5].

Другой сюжет, про который рассказал Александр Емельянович касается насильного угона жителей деревни Контакузовка. Угон мирного населения производился с целью привлечения их в качестве рабочей силы на благо фашистского хозяйства, что являлось частой практикой оккупантов. По статистике за всё время оккупации БССР в Германию были угнаны около 400 тысяч человек, многие из которых, к сожалению, уже не вернулись домой. Чаще всего угон населения производился с целью его последующего содержания и уничтожения в концлагерях. Один из сюжетов о угоне населения поведал нам его живой свидетель.

На протяжении зимы 1941–1942 годов немцев в деревне не было вообще. Однако 27 сентября 1943 года полицаи стали выгонять людей из домов и согнали всех в лесу на окраине деревни. Полицаями становились преимущественно местные, некоторые из них уже в мирное время получили серьёзные тюремные сроки, а некоторые даже высшую меру наказания. Переночевав в лесу, на следующий день, рано утром их погнали в сторону Новобелицы, через р. Сож по мосту, а затем по автодороге Гомель – Жлобин. Такая акция скорее всего была вызвана страхом фашистов перед приближающимися советскими войсками, которые уже начали освобождать Гомельский район. По словам пенсионера, их использовали в качестве «живого щита» от налётов советской авиации, которая очень часто пролетала особенно в районе р. Сож. Гнали их не один день, с перерывами до деревни Ивольск в Буда-Кошелёвском районе. К тому времени большинство немцев, конвоировавших их уже разбежалось. В Ивольске многие местные жители крайне насторожено и с опаской отнеслись к пригнанным жителям Контакузовки. Многие не хотели пускать к себе в дом чужих людей. Как говорит Александр Емельянович, старшая сестра рассказывала, что «принимали нас за полицаев». После долгих попыток посреди ночи остановиться на ночлег, одна из женщин все же приютила 7-летнего Александра Ивановича, его мать и двух сестёр. Кормила и поила на протяжении 2-х месяцев, пока в деревне не появились советские солдаты, и один из них сообщил жителям Контакузовки что их деревня сожжена, осталось целыми лишь 4 дома. Был конец ноября – начало декабря 1943 года, тогда, когда был освобождён город Гомель.

Семья решила возвращаться домой в Контакузовку, хотя женщина, которая их приютила предлагала им оставаться у неё до весны.

За день пешком они дошли до Новобелицы где нашли сестру матери и переночевали у неё. Путь был непростой, женщинам и детям было тяжело столько идти, они плакали. Когда они переходили Сож по понтонному мосту, Александр Иванович вспоминает, что очень боялся воды, особенно когда по мосту шла тяжелая техника и танки, вызывая большое волнение, так что понтоны погружались полностью под воду.

Когда семья А. И. Павленко вернулась в деревню, от их дома остались лишь остовы кирпичных печей. Немцы делали это с целью лишить наступающую Красную армию материальных и продовольственных ресурсов. Всё что не могли или не успевали вывозить подлежало уничтожению. Кирпичный погреб, в котором перед уходом они спрятали ценности и продукты, также был разграблен. По словам Александра Ивановича, разграбили их погреб с пожитками скорее всего местные жители, которые постепенно возвращались в деревню кто как мог. Мародёрство тогда было очень распространено, голод и нищета давали о себе знать. Первое время они жили у одной старушки, которая приютила у себя тогда 9 семей. Также в деревне было оборудовано много землянок для жилья солдатами местной воинской части.

После войны, живой свидетель геноцида, Павленко Александр Емельянович, проявлял активную позицию в вопросе увековечивании памяти жертв нацистских преступлений. В первые годы после войны сельсовет не обращал особого внимание на братскую могилу, жертв расстрела 31 августа в деревне Контакузовка. Ходили слухи, что тут захоронены уклонисты от службы или дезертиры. Также в информации о могиле допускались неточности: где-то писали, что в ней захоронено 6 человек, где-то, что 5 мужчин. Павленко Александр Емельянович обращался в райисполком. Он просил, чтоб на могилу поставили табличку с именами захороненных. В итоге, после многочисленных обращений, на братскую могилу был поставлен памятник с именами захороненных, а само захоронение на сегодняшний день имеет официальный статус (№ 6097) и находится под защитой Республики Беларусь. Слухи о дезертирстве и уклоне от службы тоже были развеяны. На время убийства, жители деревни не попадали под призыв либо по возрасту, либо, по состоянию здоровья.

Уже в наше время 87-летний Александр Емельянович активно ратует за то, чтобы память о погибших земляках и подлинная история его деревни во времена Великой Отечественной войны была сохранена. Память о геноциде белорусского народа должна быть прочно вписана в страницы истории Беларуси.

Источники и литература

1. Гомельское направление летом 1941 года (по данным немецких источников) / П. Л. Жданович // Гісторыя Гомельшчыны ў кантэксце падзей Вялікай Айчыннай вайны 1941–1945 гадоў : (да 75-годдзя Вялікай Перамогі) : зборнік навуковых артыкулаў / Установа адукацыі «Гомельскі дзяржаўны ўніверсітэт ім. Францыска Скарыны». – Гомель : ГДУ, 2020. – С. 57–64.

2. Память: гісторыка-дакументальная хроніка Гомеля : у 2 кн. – Мінск : БЕЛТА, 1998. – Кн. 1. – 608 с.

3. Преступления немецко-фашистских оккупантов в Белоруссии. 1941–1944 / Ин-т истории АН БССР, Центр. гос. арх. Окт. революции и социалист. стр-ва БССР; Сост. З. И. Белуга и др. – Минск : Госиздат БССР, 1963. – 436 с.

4. Без срока давности. Беларусь : Преступления нацистов и их пособников против мирного населения оккупированной территории БССР в годы Великой Отечественной войны. Гомельская область. Сборник архивных документов и материалов / сост. : А. Р. Дюков, В. Д. Селеменев (рук.) [и др.] ; редкол. А. К. Демянюк [и др.]. – Минск : НАРБ ; М. : Фонд «Историческая память», 2021. – 576 с.

5. Гомельчанин Евгений Лапицкий собрал архив, посвященный подвигам предков в годы Великой Отечественной [Электронный ресурс] / Правда Гомель. Новостной портал – Режим доступа: <https://gp.by/novosti/obshchestvo/news260648.html>. – Дата доступа: 10.10.2023.

УДК 94:323.28(430:(47+57))«19411945»

М. С. Любицкий, Н. Н. Мезга
Гомельский государственный
университет имени Ф. Скорины, г. Гомель

МАССОВЫЕ УНИЧТОЖЕНИЯ НАЦИСТАМИ МИРНОГО НАСЕЛЕНИЯ НА ТЕРРИТОРИИ СССР ПО МАТЕРИАЛАМ НЮРНБЕРГСКОГО ПРОЦЕССА

В статье охарактеризованы материалы, представленные обвинением на Нюрнбергском процессе, доказывающие массовое уничтожение нацистами мирного населения на оккупированной территории СССР.

Установлено, что согласно представленным Трибуналу документам, нацисты осуществляли уничтожение мирного населения путем проведения массовых расстрелов советских граждан, осуществляли политику геноцида по отношению к еврейскому народу, использовали концентрационные лагеря как важнейший инструмент уничтожения людей.

8 августа 1945 г., через три месяца после Победы над нацистской Германией, правительства СССР, США, Великобритании и Франции заключили соглашение об организации суда над главными военными преступниками. Это решение вызвало одобрительный отклик во всем мире: надо было дать суровый урок авторам и исполнителям людоедских планов мирового господства, массового террора и убийств, зловещих идей расового превосходства, геноцида, чудовищных разрушений, ограбления огромных территорий. В дальнейшем к соглашению официально присоединились еще 19 государств, и Трибунал стал с полным правом называться Судом народов [1, с. 5–6]. В данной статье предпринята попытка установить на каких по содержанию документах на Нюрнбергском процессе делала акцент советская сторона, стремясь доказать преступный характер деятельности нацистов на оккупированной территории СССР.

Материалы Нюрнбергского процесса свидетельствуют, что гитлеровское правительство заранее планировало военные преступления на территории СССР. В рамках этой подготовки проводилась соответствующая обработка солдат. Издавались инструкции и распоряжения для организации административной власти на оккупированных территориях, нацеленной на осуществление репрессий против мирного населения [2, с. 259–261]. В рамках подготовки солдат к осуществлению преступлений против мирного населения в их сознание активно внедрялась идеология национал-социализма, в частности, расовая теория. В качестве доказательства данного обвинения служит документ СССР-32, в котором содержатся показания обвиняемого Рецлава Рейнгарда. Согласно им, во время обучения для его и других солдат батальона провели лекции, которые прямо утверждали, что народы Советского Союза являются неполноценными и должны быть в подавляющем большинстве уничтожены [3, с. 210]. Немецко-фашистское командование не только допускало, но и прямо предписывало убийство женщин и детей. В качестве доказательства Трибуналу был представлен трофейный документ телеграмма имперского фюрера СС и полиции Гимлера, в котором он настаивает на том, чтобы немецкие солдаты действовали более жестоко и радикально в отношении мирного населения Советского Союза и приказывает ежедневно докладывать о числе расстрелянных [4].

Обработанные соответствующим образом и имеющие приказы своего командования, немецкие солдаты становились исполнителями преступлений против мирного населения на оккупированной территории СССР. Представители обвинения от Советского Союза представили Трибуналу значительное число документов, которые подтверждали факты массовых расстрелов нацистами мирного населения в оккупированных советских городах. В частности, помощник Главного обвинителя от СССР Л. Н. Смирнов в качестве доказательства предоставил Трибуналу акты Чрезвычайной Государственной Комиссии по городу Киеву. В актах говорится о том, что гитлеровцы в Бабьем Яру во время «массовой акции» расстреляли 100 тысяч человек. Помимо этого в самом Киеве за несколько дней после взятия немецкими солдатами города, нацисты убили 52 тысячи мужчин и женщин, стариков и детей. Также в своем выступлении помощник Главного обвинителя от СССР упомянул город Ростов. За десять дней оккупации немецкими солдатами в городе были убиты сотни жителей. После освобождения города у дома управления железной дороги было найдено 48 расстрелянных человек, на тротуаре центральной улицы Ростова было найдено 60 расстрелянных человек, а на Армянском кладбище было убито 200 человек [2, с. 220–221].

В рамках нацистской идеологии расового превосходства немецко-фашистские захватчики проводили политику геноцида по отношению к еврейскому населению на оккупированных территориях Советского Союза. Как показано в материалах Нюрнбергского процесса, эта политика начала осуществляться с момента наступления вермахта в июне 1941 г. Уничтожением еврейского населения занимались специально созданные немцами эйнзацгруппы, которые находились в подчинении войск СС [3, с. 232]. Они планомерно и целенаправленно уничтожали евреев на всей оккупированной территории СССР. На Нюрнбергском процессе суду был предоставлен документ Р-102 «Отчет № 6 о деятельности эйнзацгрупп полиции безопасности и СД в СССР за период с 1 по 31 октября 1941 г.». В документе описано, где, сколько было убито евреев, проживающих на оккупированной территории СССР. В частности, на территории БССР: в Гродно было убито 165 человек, в Круглом – 28 человек, в Могилеве – 678 человек, в Борисове – 439 человек, в Бобруйске – 380 человек, в Татарске – 3 человека, в Задрубзе – 272 человека, в Марьиной-Горке – 996 человек, в Шклове – 627 и в Витебске примерно 3 тысячи человек. На территории Украинской ССР: в Житомире расстреляли 3145 человек, в Херсоне – 410 человек, в районах восточнее Днепра был убит 4891 человек [5].

Для оправдания массового уничтожения мирного населения на оккупированных территориях немецко-фашистские захватчики использовали борьбу с партизанским движением. Как показано в документах, обнародованных в Нюрнберге, в ходе карательных экспедиций против партизан главной жертвой нацистов становилось мирное население [2, с. 234]. Директива верховного командования германскими вооруженными силами от 16 декабря 1942 г. № 1А/1388/42, представленная Нюрнбергскому Трибуналу, как раз свидетельствует, что борьбу с партизанами оккупанты использовали для безжалостного уничтожения мирного населения. Она приказывает применять любые средства, в том числе против женщин и детей, в борьбе против «банд». Также она освобождает немецких солдат от ответственности за свое поведение в бою против партизан и их сообщников. Это позволяло гитлеровцам свободно совершать уничтожение мирного населения без каких-либо последствий для себя [6].

Нацисты применяли насилие и убивали людей по подозрению в сотрудничестве с партизанами, как показывают документы Нюрнбергского Трибунала, по нескольким причинам. Во-первых, они считали, что мирное население является поддерживающей силой партизан и помогает им в их деятельности. Во-вторых, нацисты считали, что мирное население на оккупированных территориях является неприятелем и должно быть уничтожено. В-третьих, нацисты проводили уничтожение мирного населения как форму мести за действия партизан и сопротивление на оккупированных территориях [7].

Под видом борьбы с партизанами гитлеровские преступники безжалостно уничтожали мирное население советских деревень. На рассмотрение Трибунала был представлен документ, в котором показана деятельность танковых сил и полиции против мирных жителей деревни Борисовка, которых нацисты считали поддерживающими партизан. В результате было расстреляно 169 человек, включая женщин и детей [8]. Германское командование создало специальные отряды для сожжения советских населенных пунктов и массового истребления гражданского населения под предлогом борьбы с партизанами. Так, например, в деревне Большекрепинской Ростовской области немцами были пущены по улицам специальные огнеметные машины, которые сожгли дома. При этом автоматчики без предупреждения расстреливали жителей, а некоторых из них связывали, обливали бензином и бросали в горящие дома [2, с. 167].

Как было доказано на Нюрнбергском процессе, для борьбы с партизанским и подпольным движением нацисты широко применяли убийства заложников. Сразу после оккупации немецко-фашистскими

захватчиками Киева в городе организовалось подпольное движение. Подпольщики проводили акции по освобождению заключенных из нацистских концлагерей, саботировали железнодорожные и автомобильные маршруты, а также собирали разведывательную информацию для советской армии. За борьбу подпольщиков против оккупации нацисты в качестве устрашения убивали мирных жителей Киева. Доказательством того служит документ за номером С-50, который представляет собой фото с изображением объявления коменданта города Киева от 2 ноября 1941 года. В объявлении говорится о том, что в Киеве было расстреляно 300 местных жителей в качестве наказания за акт саботажа [9].

Трибуналу советской стороной был предоставлен документ СССР-172. Данный документ содержит биографические сведения об обвиняемого Ле-Курте. На оккупированной территории он расстреливал партизан и мирных граждан за сотрудничество с партизанами. В ноябре 1942 года он в составе 374-й стрелковой Любанской дивизии расстрелял 92 человека, а в апреле – 55 человек. Также он принимал участие в карательной экспедиции, в которой нацисты сожгли 30 домов и убили 70 человек [10].

Ле-Курт отнюдь не был исключением. На Нюрнбергском процессе был предоставлен документ СССР-87. В нем содержится информация о переводчике Смоленской областной немецкой комендатуры военном служащем нацистской Германии Кирмфельде. Являясь переводчиком, Кирмфельд избивал и издевался над мирными жителями города Смоленска, а также принял участие в карательной операции в январе – феврале 1943 года в районе Невель – Усвяты. Он участвовал в поджоге 9 деревень и расстреле мирных граждан этих деревень. Также в документе СССР-87 содержатся показания Модиша – лекарственного помощника в 551-м германском военном лазарете. Лично Модиш в августе 1943 года принял участие в карательной операции близ города Осиповичи и расстреле 60 человек в сарае [10].

Репрессивные меры против мирного населения в «наказание» за поддержку партизан носили вначале периодический характер. Но после того сопротивления, которое было оказано организованными партизанскими отрядами по всей оккупированной Германией территории СССР в начале 1943 года, репрессивные меры постепенно все более и более усиливались, и стали, согласно представленным в Нюрнберге материалам, регулярными [2, с. 267].

На Нюрнбергском Трибунале было доказано, что Третий Рейх создал систему концентрационных лагерей, в которых совершались в огромных масштабах преступления против человечности и военные

преступления. Концентрационные лагеря были конечным звеном в цепи террора и репрессий, которые осуществлялись СС и гестапо. Жертвы арестовывались и направлялись в концентрационные лагеря без суда, нередко без предъявления обвинения, как правило без указания срока, на который они лишались свободы. Основываясь на представленных Нюрнбергскому Трибуналу материалах, можно сделать вывод, что концентрационные лагеря являлись одним из основополагающих институтов нацистского режима, основным орудием уничтожения евреев и любого человека, проявившего оппозицию и инакомыслие по отношению к нацистам [3, с. 254].

Строительство концентрационных лагерей на оккупированной территории СССР началось сразу после начала войны в 1941 году. Концентрационные лагеря были созданы для того, чтобы уничтожить всех, кто не соответствовал нацистской идеологии, в том числе евреев, цыган, коммунистов и других политических противников. Как было доказано в ходе работы Нюрнбергского Трибунала, лагеря были местом трудового рабства, а также местом массовых убийств с помощью газовых камер и расстрелов. Обычно концентрационные лагеря германского нацизма принято делить на две группы: на «рабочие» концентрационные лагеря и «лагеря уничтожения». Но уничтожение мирного населения в колоссальных размерах происходило во всех концентрационных лагерях [2, с. 272].

Обнародованные в Нюрнберге документы свидетельствуют, что нацисты пытались тщательно скрыть следы совершенных преступлений в концентрационных лагерях. Для этого они использовали различные методы: уничтожали документы, связанные с убийствами и трудовым рабством, уничтожали тела убитых. Нацисты применяли крематории и мощные печи, чтобы сжигать тела жертв. Они также использовали костровые ямы, чтобы избавиться от тел [3, с. 262].

Нацисты использовали болезни как один из методов уничтожения мирного населения в концентрационных лагерях. Они создавали условия, которые способствовали распространению инфекций и болезней среди заключенных. К таковым относились: недостаточное питание, плохая гигиена, переполненность лагерей. Нацисты также проводили медицинские эксперименты на заключенных, включая эксперименты с инфекционными болезнями, чтобы изучить их эффект на организм человека. Эти эксперименты часто были жестокими и приводили к смерти многих заключенных. Кроме того, нацисты использовали болезни как способ отбора заключенных для уничтожения в газовых камерах. Заключенные, которые были слишком слабы или больны, считались ненужными для работы и уничтожались [2, с. 278].

В качестве доказательства суду был предоставлен документ СССР-4 «Сообщение Чрезвычайной Государственной Комиссии об истреблении гитлеровцами советских людей путем заражения их сыпным тифом». Документ содержит примеры того, в каких ужасных условиях находились заключенные в концентрационном лагере, обнаруженном Красной Армией в марте 1944 года в районе местечка Озаричи Полесской области Белорусской ССР. Лагерь не имел никаких построек, и заключенные размещались прямо на земле, без возможности разводить костры или собирать хворост для подстилки. Многие из заключенных были больны сыпным тифом, который был специально распространён в лагере немцами. В лагере находилось свыше 33 тысяч детей, женщин и стариков. Многие заключенные потеряли способность двигаться и без памяти лежали в грязи. За малейшую попытку нарушения режима гитлеровцы расстреливали мирных граждан. На момент освобождения этого лагеря было обнаружено 15 960 детей до тринадцатилетнего возраста, 13 072 нетрудоспособных женщин и 4448 стариков [2, с. 270].

О злодеяниях, совершенных немецко-фашистскими захватчиками в отношении граждан Советского Союза, Чрезвычайной Государственной Комиссией было составлено 54 784 акта. Эти акты являются бесспорными доказательствами нацистских преступлений. На судебном процессе советское обвинение представило Трибуналу лишь незначительную часть актов Комиссии. В распоряжении советского обвинения имелись фотодокументы, рисующие зверства и разрушения, совершенные немецкими захватчиками на оккупированной территории СССР. Часть этих снимков была представлена Трибуналу. При представлении доказательств военных преступлений, советским обвинением были использованы и некоторые немецкие документы, фотоснимки, захваченные у немцев, а также показания свидетелей [3, с. 279–281].

Таким образом, для изобличения нацистских преступников на Нюрнбергском процессе советской стороной в наибольших масштабах были представлены документы, свидетельствующие о массовом уничтожении мирного населения. С помощью представленных Трибуналу материалов советская сторона доказала, что уничтожение мирного населения происходило путем массовых расстрелов, в рамках политики геноцида по отношению к еврейскому народу, в ходе карательных операций против партизан, в концентрационных лагерях. Значительная часть представленных документов касалась и территории Беларуси.

Источники и литература

1. Лебедева, Н. С. Подготовка Нюрнбергского процесса / Н. С. Лебедева. – М. : Наука, 1975. – 238 с.

2. Представление доказательств помощником Главного обвинителя от СССР Л. Н. Смирновым по разделу обвинения «Преступления против мирного населения» // Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками. Сборник материалов : в 7 т. / Под общ. ред. Р. А. Руденко. – М. : Госюриздат, 1958. – Т. 3. – С. 200–317.

3. Вступительная речь Главного обвинителя от СССР Р. А. Руденко // Нюрнбергский процесс. Сборник материалов : в 2 т. / Под ред. К. П. Горшенина (гл. ред.) [и др.]. – М. : Госюриздат, 1952. – Т. 1. – С. 244–281.

4. Из отчета начальника оперативной группы «А» бригаденфюрера СС Шталенера от 15 октября 1941 г., адресованного рейхсфюреру СС Гиммлеру // Нюрнбергский процесс. Сборник материалов : в 2 т. / Под ред. К. П. Горшенина (гл. ред.) [и др.]. – М. : Госюриздат, 1951. – Т. 2. – С. 15.

5. Из отчета № 6 о деятельности эйнзатцгрупп полиции безопасности и СД в СССР за период с 1 по 31 октября 1941 г. // Нюрнбергский процесс: Сб. материалов : в 8 т. / отв. ред., автор предисл. А. М. Рекунков. – М. : Юридическая литература, 1990. – Т. 5. – С. 298.

6. Из совершенно секретной директивы верховного командования германскими вооруженными силами от 16 декабря 1942 г. № 1А/1388/42 «О борьбе с бандами» // Нюрнбергский процесс. Сборник материалов : в 2 т. / Под ред. К. П. Горшенина (гл. ред.) [и др.]. – М. : Госюриздат, 1952. – Т. 1. – С. 366.

7. Из записи на совещании, созванном Гитлером 16 июля 1941 г. // Нюрнбергский процесс. Сборник материалов : в 2 т. / Под ред. К. П. Горшенина (гл. ред.) [и др.]. – М. : Госюриздат, 1951. – Т. 1. – С. 432.

8. Итоговый отчет об усмирительной экспедиции 15-го немецкого полицейского полка в деревне Борисовке с 22 сентября по 26 сентября 1942 г. // Нюрнбергский процесс. Сборник материалов : в 2 т. / Под ред. К. П. Горшенина (гл. ред.) [и др.]. – М. : Госюриздат, 1952. – Т. 1. – С. 322.

9. Объявление коменданта г. Киева от 2 ноября 1941 г. // Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками. Сборник материалов : в 7 т. / Под общ. ред. Р. А. Руденко. – М. : Госюриздат, 1958. – Т. 3. – С. 241.

10. Из показаний подсудимого обер-ефрейтора гитлеровской армии Ле-Курта на судебном заседании военного трибунала н-ской стрелкой дивизии от 29 октября 1944 г. // Нюрнбергский процесс. Сборник материалов : в 2 т. / Под ред. К. П. Горшенина (гл. ред.) [и др.]. – М. : Госюриздат, 1951. – Т. 1. – С. 512–513.

УДК 94(476.2)“1941/1944”

Л. С. Скрыбина, Е. А. Веко
Белорусский государственный
университет транспорта, г. Гомель

КАРАТЕЛЬНЫЕ ДЕЙСТВИЯ НАЦИСТОВ В ОККУПИРОВАННЫХ РАЙОНАХ ГОМЕЛЬЩИНЫ В ПЕРИОД 1941–1944 ГОДОВ

В статье раскрывается преступная деятельность немецко-фашистских захватчиков по физическому уничтожению мирных граждан. Подчеркивается важность сохранения исторической памяти о злодеяниях нацистских преступников в целях противодействия фашистской идеологии и воспитания подрастающего поколения в духе нетерпимости к её проявлениям.

Великая Отечественная война оставила много мест скорби на белорусской земле, много горя и страданий принесла её жителям. Чтобы не допустить трагедий в настоящем и будущем, мы не должны забывать о тех событиях. Историческая память о беспрецедентных по своей бесчеловечности и жестокости злодеяниях нацистов и их пособников не подлежит забвению, и, тем более, ревизии и переоценке. Она должна стать преградой на пути возрождения нацизма и агрессии.

Задача сохранения исторической памяти о Великой Отечественной войне, о преступлениях нацистов и их пособников против мирного населения Беларуси в годы войны является одной из приоритетных в политике современного белорусского государства.

14 мая 2021 г. был принят Закон «О недопущении реабилитации нацизма». Еще ранее в апреле 2021 г. Генеральная прокуратура Республики Беларусь возбудила уголовное дело по факту геноцида белорусского народа в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период. В основу принятого решения положены сведения о гибели миллионов белорусов и иных лиц вследствие зверств немецких оккупантов и их наёмников. 5 января 2022 г. Президент Республики Беларусь А. Г. Лукашенко подписал Закон «О геноциде белорусского

народа» [1]. Следует подчеркнуть, что закон принят в целях сохранения памяти о миллионах советских граждан, которые стали жертвами в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период. Он направлен на законодательное обеспечение защиты фундаментальных ценностей белорусского народа, установления действенных барьеров на пути попыток фальсификации событий и итогов Второй мировой войны, дачи справедливой оценки злодеяниям нацистских преступников и их пособников, националистических формирований в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период.

К 79-й годовщине освобождения Гомеля от немецко-фашистских захватчиков в центральной библиотеке имени А. И. Герцена прошла презентация сборника документов «Без срока давности. Беларусь: преступления нацистов и их пособников против мирного населения на оккупированной территории БССР в годы Великой Отечественной войны. Гомельская область» [2]. Материалы разделены на две части. Первая в хронологической последовательности рассказывает о преступлениях оккупантов, вторая – о расследовании злодеяний на основании показаний свидетелей. Для объективности составители включили данные и документы двух воевавших сторон – немецкой и советской. В книге имеются четыре приложения: «Список мест принудительного содержания гражданского населения на оккупированной территории Гомельской области», «Список мест массового уничтожения евреев на оккупированной территории Гомельской области», «Список наиболее крупных карательных операций, проведённых в Гомельской области в 1941–1944 гг.» и «Список сельских населённых пунктов Гомельской области, уничтоженных оккупантами полностью или частично».

Многочисленные оригинальные архивные документальные материалы, сконцентрированные в сборнике, а также другие источники дают возможность показать всю настоящую суть установленного «нового порядка» на захваченной территории Гомельщины.

Рамки статьи не позволяют проанализировать общую картину итогов господства оккупантов, поэтому сконцентрируем внимание на подлинных материалах, являющихся документальной основой для разоблачения, проводимого нацистами и их пособниками, геноцида белорусского народа.

Практические инструкции в отношении местного населения стали разрабатываться чиновниками Третьего рейха ещё перед самым вторжением германских войск в СССР. Так, особой жестокостью пропитана «Памятка немецкого солдата», в которой было предписано: «У тебя нет сердца и нервов, на войне они не нужны. Уничтожь в себе жалость и

сострадание, убивай всякого русского, не останавливаясь, если перед тобой старик или женщина, девочка или мальчик убивай...» [3, с. 12].

За три недели до нападения на СССР были сформулированы «12 заповедей немцев на Востоке и их обращение с русскими», где, в частности, предписывалось: «Ввиду того, что вновь присоединённые территории должны быть надолго закреплены за Германией и Европой, многое будет зависеть от того, как вы поставите себя там. Вы должны уяснить себе, что вы на целые столетия являетесь представителями великой Германии и знаменосцами национал-социалистической революции и новой Европы. Поэтому вы должны с сознанием своего достоинства проводить самые жестокие и беспощадные мероприятия, которые потребует от вас государство» [4, с. 74–75]. Фактически, эти и ряд других документов возводили зверства по отношению к местному населению в ранг государственной политики гитлеровской Германии и освобождали германских военнослужащих от ответственности за преступления.

На деле, с первых же дней нацисты стали показывать своё истинное лицо. Очень быстро ощутило на себе всю сущность «нового порядка» еврейское население. Как известно, тотальному уничтожению подвергались евреи и цыгане. В целях «окончательного решения еврейского вопроса» путём полного их уничтожения нацисты и их пособники перешли от политики изоляции евреев в гетто и локальных актов их уничтожения к применению «конвейера смерти» в таких концентрационных лагерях как Освенцим, Майданек, Тростенец и др. Массовые убийства евреев происходили также в местах их непосредственного проживания.

Так, евреи, проживающие в Лельчицком районе, были массово уничтожены в результате карательной акции, проведённой 8-м и 10-м пехотными полками 1-й бригады СС (5–12 сентября 1941 г.). Вот что докладывает гауптштурмфюрер СС Бухман: «При усилении Лельчиц 4.9.41 года было расстреляно 686 евреев 5.9.1941 г. Возвратившись на исходные позиции после очищения территории... 8-й пехотный полк СС сообщает о расстреле одного большевистского еврея... 6.9.1941 г. 10-й пехотный полк СС докладывает итоги акции очищения: расстреляно всего 721 еврей...» [2, с. 18]. Подробная информация о зверской расправе над мирным еврейским населением содержится в докладной записке комиссара Лельчицкого партизанского отряда Я. Ш. Эрлаха «4 сентября, ворвавшись в городской посёлок, фашистские головорезы приступили к своему кроваво чёрному делу. Они согнали во двор НКВД и РДСК 800 евреев (в городском посёлке находились еврейские семьи Туровского района, бежали от преследования фашистов) и

начали дикую расправу. Большими группами они выводили еврейские семьи за городской посёлок и расстреливали. Детей бросали живыми в яму». Какая из указанных цифр 800 или 721 соответствует действительности? Вопрос остается открытым. Кроме того, фашистские изверги отобрали 50 молодых девушек. Погнали их в лес, изнасиловали, а затем отрезали груди и выкололи глаза» [2, с. 26].

Для более полного анализа процитируем выдержку из сообщения № 8 о деятельности и положении айнзацгруппы полиции безопасности и СД Германии на территории СССР о расстреле евреев в Гомельской и Полесской областях. «В Паричах, возле Бобруйска расстреляно 1113 евреев, а в Гомеле в результате проведённой зондеракции против евреев было уничтожено 2365 человек» [2, с. 20]. Надо полагать, что указанная цифра (2365) относится к узникам гетто в Гомеле.

Сразу же после немецкой оккупации осенью 1941 г. в Гомеле было создано 4 еврейских гетто, в которые было помещено 4000 человек [5, с. 540]. Они находились в районе улиц Ново-Любенская, Быховская, в Новобелице и в Монастырьке. Людей держали на морозе под открытым небом, морили голодом, пытавшихся добыть пищу расстреливали. В начале ноября 1941 г. всех узников Монастырька и соседнего лагеря, расположенного в районе Ново-Любенской улицы, расстреляли. Беззащитных женщин, стариков и детей фашисты расстреливали в противотанковом рву около машинотракторной мастерской, в лесу у д. Лещенец и на 9-м км по шоссе Гомель – Чернигов. По рассказу очевидцев, казнь началась в 8 часов утра и закончилась в 4 дня. Всего было убито около 2500 человек [6].

6 ноября 1941 г. было расстреляно около полутора тысяч узников Рогачёвского гетто, куда согнали всё еврейское население Рогачёва, Городца, Поболово и других населённых пунктов. По известным сегодня показаниям бывшего военнослужащего местной комендатуры Б. Эшера «перед расстрелом еврейское население раздевали догола, среди них были мужчины, женщины и дети. Раздетое еврейское население клали в противотанковый ров, матери укладывали около себя детей, когда один слой укладывался, клался второй слой живых людей и так, примерно, пока слой людей достигал 1 м. После этого один эсэсовец расстреливал из автомата прямо в яме, два эсэсовца заряжали автоматы, подавали ему. И так расстрел еврейского населения продолжался целый день, пока все не были расстреляны» [2, с. 279].

А вот отрывок из воспоминаний этой расправы В. Ф. Янчевской: «Полицаи были ещё хуже немцев, рьяно спешили «помочь» своим новым хозяевам – вырывали грудных детей из рук матерей, ударяли головой о мёрзлую землю и бросали в груды мёртвых тел» [7].

Среди расстрелянных, в основном, были женщины с детьми и старики, только по восстановленному неполному архивному списку жертв Рогачёвского гетто 6 ноября 1941 г. погибло более 130 детей в возрасте до трёх лет [7].

Всего на территории Гомельской области было образовано около 20 гетто. Согласно архивным данным в Буда-Кошелёво погибло 98 % еврейского населения, Паричах – 90,4 %, Стрешине – 84 %, Корме – 71 %, Рогачёве – 72 %, Речице – 48 %, Мозыре – 23,7 %, Чечерске – 32,3 % [2, с. 5].

Вместе с тем, на оккупированной территории Гомельщины, кроме уничтожения евреев, цыган, политика геноцида проявлялась в массовых убийствах всех, кто сопротивлялся захватчикам, расстрелах заложников и других карательных акциях. Самыми жестокими преступлениями нацистов против мирного гражданского населения стали акции, когда оккупанты сжигали деревни вместе с их жителями, большую часть из которых в условиях военного времени составляли женщины, старики и дети. Трагическую судьбу Хатыни разделили 628 деревень Беларуси, 186 из которых так и не восстановлены после войны. Одна из самых трагических деревень Гомельщины – д. Ола Светлогорского района, оккупированная немецко-фашистскими захватчиками в конце июля 1941 г. К январю 1944 г. в д. Олу были согнаны и переселены жители деревень Чирковичи, Здудичи, Ракшин, Рудня, Искра, Какаль (Светач), Дедное нынешнего Светлогорского района; Коротковичи, Плесовичи, Сельное, Мормаль нынешнего Жлобинского района.

Утром 14 января 1944 г. немецкий карательный отряд вместе с войсковой частью, которая насчитывала около 1000 солдат, окружил д. Ола. Людей загоняли в дома, которые затем поджигали. Тех, кто пытался убежать, расстреливали из пулемётов, бросали в огонь живыми. Было расстреляно и сожжено 1758 мирных жителей (это цифра в 12 раз превышает количество погибших в Хатыни), из них 100 мужчин, 508 женщин, 950 детей. Особого внимания заслуживает воспоминание бывшего жителя д. Олы Тараса Колеснева о сгоревшей в своём доме Аксины Тимофеевны Курлович. Описание этого страшного эпизода можно найти в книге «Память. Светлогорск. Светлогорский район». «От группы отлучилась женщина в телогрейке и большом клетчатом платке. Автоматчик шел за ней. Я услышал просьбу разрешить сгореть в своём доме. Это была Аксиныя Тимофеевна Курлович, жена бухгалтера колхоза. Под дружный хохот фашистов женщина повернулась и твердым шагом пошла к своей горящей избе. За ней бежал фашист с большим баллоном за спиной и опрыскивал её бензином... Женщина не обращала на него внимания. Офицер достал пистолет. Но

на пороге дома женщина вспыхнула факелом и спряталась за дверью...» [8, с. 261]. Как считает известный белорусский писатель, краевед И. Котляров, эта мужественная женщина заслуживает отдельного памятника не менее, чем Иосиф Каминский в Хатыни.

В рамках возбуждённого Генеральной прокуратурой Республики Беларусь уголовного дела по факту геноцида белорусского народа в годы Великой Отечественной войны прокуратура Гомельской области проводит масштабную работу по установлению, кто из оккупантов отдавал приказ сжигать эту деревню, непосредственно участвовал в уничтожении людей. Есть данные, как заявил прокурор Гомельской области В. Морозов, что палачи д. Олы были преданы суду военного трибунала в Брянске в декабре 1945 г. Среди них генерал-лейтенант Фридрих Густав Бернгард, бывший командующий тыловым округом с 2-й танковой, а затем – 9-й пехотной армии. А также комендант Бобруйского укрепленного района генерал-майор Адольф Гаманн. Оба были приговорены к смертной казни через повешение [9].

Под предлогом борьбы с партизанами в Беларуси в годы германской оккупации было проведено более 140 крупных карательных операций, в результате которых были уничтожены сотни тысяч человек, сожжены, разрушены, сравнены с землёй десятки тысяч деревень, хуторов, сотни тысяч жилых и хозяйственных сооружений. Только на оккупированной территории Гомельщины было проведено 17 наиболее крупных карательных операций [2, с. 319, 320].

Анализ карательной политики оккупантов показывает, что её главной целью было уничтожить партизанское движение, лишить партизан поддержки населения, способности его к сопротивлению. Кроме того, целью карательных акций, как свидетельствуют документы, являлось массовое уничтожение мирного населения, что было предусмотрено нацистскими человеконенавистническими планами.

Первая крупная карательная операция была проведена 19.07. – 31.08.1941 г. против подразделений Красной Армии, попавших в окружение, партизан и местного населения на территории Брестской, Пинской, Полесской и Минской областей. Кодовое название этой операции «Припятские болота». Операция осуществлялась в соответствии с распоряжением рейхсфюрера СС Г. Гимmlера. «Особый приказ» Гимmlера требовал от карателей уничтожить в районе Припятских болот деревни, где будет оказано сопротивление, расстреливать всех заподозренных в поддержке партизан, вывезти женщин и детей, конфисковать животных и продукты. По данным на 13 августа 1941 г. в результате операции уничтожено 13788 человек [10, с. 510].

На первом этапе операции (19 июля по 15 августа 1941 г.) основными силами проводилось очищение западной части Припятского Полесья. Второй этап операции «Припятские болота» проходил с 14.08.1941 г. до 29.08.1941 г., в ходе которого 2-й кавалерийский полк СС начал «очищение» территории восточнее железнодорожной линии Барановичи-Лунинец. Как явствует из отчёта, кавалеристы СС 21 августа захватили Туров, полностью сожгли деревни Дворец, Хочень, Озераны, Сторожевцы, уничтожили 700 человек [11, с. 126].

22–23 августа 1941 г. гитлеровцы сожгли д. Черничи Житковичского района. Расстреляли 20 мужчин, группу евреев утопили в болоте Ковино за деревней, а также в урочище Вирок.

О событиях тех дней в соседней д. Кремно, которая была сожжена в августе 1941 г., свидетельствует Кременский А. А.: «23 августа 1941 г. кавалеристы СС ворвались в д. Кремно. Убивали всех, кто попадался на пути. На моих глазах убили отца...». Его жена, Кременская А. К. жила с родителями в Турове, вспоминает: «Когда в августе 1941 г. начали жечь Туров, мы с родителями ушли в д. Рычов. Там нас настигли каратели. Отца убили на пороге. Мать схватила на руки грудное дитя, а старшая сестра меня на руки (мне было 5,5 лет) и побежала. Раздался выстрел. Пуля пробила сестре грудь и часть осколка прошла по моим ногам. Отца и сестру похоронили. А меня через какое-то время отвезли в больницу в Давид-Городок. Деревню сожгли» [11, с. 126]

Особо сильно нацистский беспредел начал ощущаться с 1942 года после поражения под Москвой. Из описания боевых действий партизан о преступлениях, совершенных немецкими оккупантами во время карательной операции «Бамберг» в Октябрьском районе в марте-апреле 1942 г. следует, что к 05.04.42 г. немцы полностью захватили Октябрьский район. Не обнаружив в этом районе ни одного партизанского отряда (ночью партизаны вышли в тыл противника – Л.С.), немцы зверски начали истреблять мирное население и сжигать населённые пункты. Из опыта изучения источников видно, что особым размахом террор отличался в отношении населённых пунктов, напрямую связанных с партизанами, а также, находящихся относительно неподалёку от партизанских баз или диверсий.

Во время этой карательной операции в Октябрьском районе было истреблено 6500 человек и сожжено 13 деревень, в т. ч. Курин, Подгать, Ковали, Вежин, Гадунь, Рудня, Лаветыки и Смуга [2, с. 244].

Выжившая У. Н. Мельник рассказывает: «...я, Мельник Ульяна, и мой муж, Мельник Ефим Александрович, и с нами трое наших детей пришли в д. Смугу, для того, чтобы избежать от немецких расстрелов. Находясь в д. Смуга, было всё слышно: как немцы зашли в д. Курень

и стали производить расстрелы мужчин, женщин и детей, после жгли людей и также жгли д. Курень... После этого приехали немцы в д. Смугу... Оцепили всю деревню, согнали всех людей... в один конец деревни. Разделили весь народ на три хаты и зажгли, где весь собранный народ сгорел. В этой деревне был народ из д. Курень, Ковали и Ластык и всего в д. Смуга немцы сожгли около 1500 человек ... лично моих 3 сына немцы сожгли в д. Смуга» [2, с. 243–244].

В качестве примера можно привести и другие документально зафиксированные акты злодеяний немецких оккупантов. Так, «в конце июля и начале августа месяца 1942 г. в Ельский район прибыла немецкая карательная экспедиция, которая зверски расправилась с населением 12 сел, оставив от них пепелища с обгоревшими трупами беззащитных женщин, детей и стариков» [12, с. 227]. В результате карательной операции, проведённой летом 1943 г., в Южно-Припятской партизанской зоне «полностью были сожжены деревни Полесской части Туровского района..., деревни Лельчицкого района..., все деревни на запад от ж.-д. Овруч-Мозырь. Очень много расстреляно мирных жителей» [12, с. 302]. А вот что доносит своему руководству генеральный комиссар округа «Житомир»: «В отместку 22 и 23 марта 1943 г. по договорённости с гебитскомиссаром Мозырского округа были сожжены деревни Казимировка и Буда-Казимировка, считающиеся исключительно как бандитские (партизанские – Л. С.) гнёзда. И при этом ликвидировано около 500 человек, но среди них только 50 мужчин; 13 марта также по договорённости с гебитскомиссаром было сожжено 26 домов в местечке Владимировка района Иллины и расстреляно 62 заложника» [12, с. 197].

Из содержания только вышеупомянутых документов становится очевидным, что это был настоящий геноцид.

Касаясь этой проблемы, нельзя обойти вниманием фундаментальное научное исследование профессора Бернского университета Кристиана Герлаха «Просчитанные убийства. Немецкая экономическая политика и политика уничтожения в Беларуси с 1941 по 1944 год», которое посвящено преступлениям нацистов на территории Беларуси. Опираясь на документы немецких архивов, он показал, что со стороны гитлеровцев не было «войны против партизан» – был план уничтожения белорусского гражданского населения. Именно на территории Беларуси, по словам Герлаха, вермахт и СС под видом борьбы с партизанами проводили жестокие акции массового уничтожения людей [13].

Таким образом, спустя 78 лет после достижения общей победы над «коричневой чумой XX века» осознание тяжелейших последствий,

проводимого нацистами и их пособниками геноцида белорусского и других народов Советского Союза и Европы является настоящей необходимостью. Историческая память о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков должна стать важным элементом национального самосознания белорусов. В особенности это касается молодёжи, которая с учётом временной отдалённости от событий военных лет уже не так остро, как предшествующие поколения, чувствует перенесённые белорусским народом боль и страдания. Острота постановки данного вопроса обусловлена, прежде всего, проявляющимися сегодня попытками возрождения нацистской идеологии, фальсификации истории Второй мировой и Великой Отечественной войн.

Источники и литература

1. Закон Республики Беларусь «О геноциде белорусского народа» [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=H12200146&p1=1&p5=0>. – Дата доступа : 01.02.2023.
2. Без срока давности. Беларусь: преступления нацистов и их пособников против мирного населения на оккупированной территории БССР в годы Великой Отечественной войны. Гомельская область : сб. архивных документов и материалов. – Минск : НАРБ, 2021. – 576 с.
3. Великая Отечественная война 1941–1945 : Воен.-ист. очерки / глав. ред. комис. В. А. Золотарев [и др.] ; [Ин-т воен. истории]. В 4 кн. – М. : Наука, 1999. – Кн. 4 : Народ и война. – 368 с.
4. «12 заповедей немцев на Востоке и их обращений с русскими» от 1 июня 1941 г. // Преступные цели гитлеровцев. Германия в войне против Советского Союза. – М. : Военное изд-во, 1987. – С. 73–75.
5. Рабянок, П. П. Акупацыйны рэжым / П. П. Рабянок // Памяць: гіст.-дакум. хроніка Гомеля : у 2 кн. – Мінск : БЕЛТА, 1998. – Кн. 1. – 608 с.
6. Эта память всегда с нами // Гомельская правда. – 2023. – 19 января.
7. Лейкин, А. «Новый немецкий порядок» и его жертвы // Гомельская правда. – 2021. – 30 ноября.
8. Памяць : Светлагорск і Светлагорскі р-н : Гіст.-дак. хронікі гарадоў і раёнаў Беларусі : у 2 кн. / уклад. П. П. Рабянок ; рэдкал. У. Дз. Бурачонок [і інш.]. – Мінск : Беларусь, 2000. – Кн. 1 – 511 с.
9. Это нужно не мёртвым, это надо живым // Гомельская правда. – 2021. – 8 мая.
10. Лазебнікаў, В. С. Прыпяцкія балоты / В. С. Лазебнікаў, У. С. Пасэ // Беларусь у Вялікай Айчыннай вайне. Энцыклапедычны даведнік. – Мінск : БелСЭ, 1990. – С. 510.

11. Литвин, А. М. «Припятские болота» – первая крупная карательная акция СС на территории Беларуси и Украины: новые свидетельства / А. М. Литвин // Беларусь і Германія: гісторыя і сучаснасць : матэр. міжн. навук. канф. Вып. 2. – Минск : МГЛУ, 2003. – С. 121–127.

12. Гомельщина партизанская : сб. док. и материалов / сост. В. Д. Селеменев (рук.) [и др.] ; редкол. : В. И. Адамушко [и др.]. – Минск : НАРБ, 2015. – Вып. 2 : Развитие. Июнь 1942 г. – август 1943 г. – 423 с.

13. Это был геноцид // СБ-тенденции. – 2021. – 16 сентября.

УДК 355.48-054.65(476-074)«1941/1944»

Е. Н. Мох

Национальный институт образования, г. Минск

ПЕРЕСЫЛЬНЫЙ ЛАГЕРЬ ДЛЯ СОВЕТСКИХ ВОЕННОПЛЕННЫХ (ДУЛАГ № 121): РЕЖИМ СОДЕРЖАНИЯ УЗНИКОВ

В статье рассматривается режим содержания советских военнопленных в лагерях на оккупированной территории Беларуси, на примере Дулага № 121 (Гомель). Установлено, что в лагере действовала детально разработанная система содержания военнопленных, нацеленная в конечном итоге на их уничтожение. Также важнейшей задачей содержания узников было использование их труда.

Развернутые для содержания военнопленных лагеря и их филиалы в Беларуси представляли собой огороженную несколькими рядами проволоки территорию, на которой военнопленные находились под открытым небом либо размещались в непригодных помещениях: в конюшнях – Дулаг № 121, Гомель; разбитых казармах – Дулаг № 125, Полоцк; крепостях – Дулаг № 131, Бобруйск. К подготовке зимних помещений в тыловом районе группы армий «Центр» приступили только в сентябре: особое внимание уделялось рытью канав, подвозу щебня для дорог, размещению военнопленных в крытых помещениях. Однако при постройке лагерей очень скоро обнаружилась нехватка досок и, прежде всего, транспортных средств.

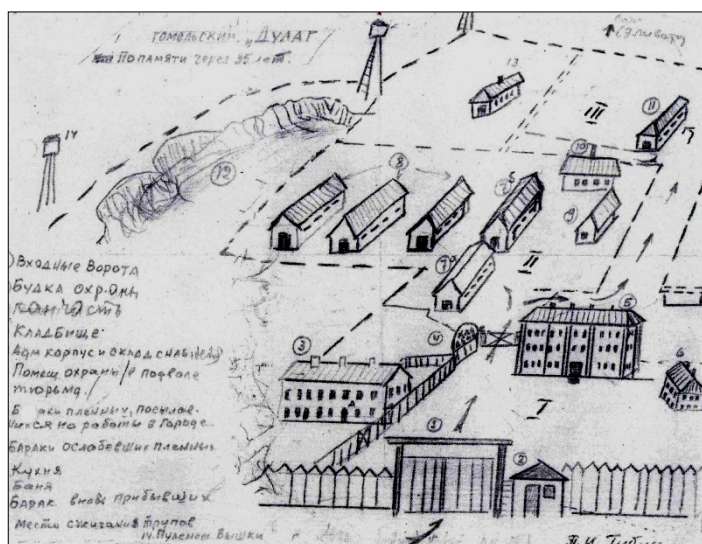

Рисунок 1 – «План Дулага № 121 (Гомель)»

- сделан по памяти бывшим военнопленным П. И. Губиным //
 Учреждение культуры «Гомельский областной музей военной славы»:
 1 – входные ворота; 2 – будка охраны; 3 – санчасть; 4 – кладбище;
 5 – адм. корпус и склад снабжения; 6 – помещение охраны (в подвале –
 тюрьма); 7 – бараки пленных, посланных на работы;
 8 – бараки ослабевших пленных; 9 – кухня; 10 – баня;
 11 – барак вновь прибывших; 12, 13 – места сжигания трупов;
 14 – пулеметные вышки.

Отчеты коменданта округа «J» свидетельствуют, что лагерное руководство по-разному относилось к вопросам организации жизни военнопленных. В донесении об инспекционной поездке по лагерям военнопленных коменданта округа Я полковника Маршалла с 26.11. по 10.12.1941 г. указывалось, что в пересыльном Дулаге в г. Гомеле содержалось 12 857 военнопленных, из них 2–3 тысячи были кандидаты в смертники. Ежедневно умирало около 400 военнопленных. Основная причина высокой смертности – это то, что кормили военнопленных неочищенной гречкой, зерно которой не переваривалось в желудке, застревало в слизистой оболочке, вызывая страшные боли [1, л.125–126].

Военнопленные, прибывшие в лагерь, подлежали учету. Приказ ОКХ относительно точных численных сообщений был отдан 01.01.1942, что касается ОКВ, то в июле 1941 г. Управление по делам военнопленных потребовало от своих подчиненных сообщать данные о военнопленных в справочную службу (WAST), но это касалось лишь лагерей на территории рейха. Этот приказ был продублирован 30.09.1941 г. с требованием к комендантам лагерей, находящихся на Востоке (генерал-губернаторство, рейхскомиссариатов «Остланд» и

«Украина»), завести картотеки для регистрации военнопленных [2, с. 35]. Так, в Дулаге № 121 пленные носили на одежде нашивки с буквами, определявшими белорусов, русских, украинцев. В лагерях вопросами учета пленных занимался писарь, чаще всего из числа военнопленных, который был закреплен за определенным бараком.

Если говорить о распорядке дня военнопленных в лагерях, то необходимо отметить, что в каждом лагере, вне зависимости от того, где он находился (в административной зоне группы армий «Центр» или на территориях, где была установлена гражданская власть), был свой индивидуальный распорядок дня, устанавливаемый комендантом лагеря. В Дулаге № 121 спать пленные ложились летом в 22 часа, а зимой – в 21 час. Подъем был летом в 5 часов, а зимой – в 6 часов. На обеденный перерыв давался 1 час, а в остальное время военнопленные находились на работах. Нарушителей распорядка допрашивали и сажали в карцер до 14 суток по распоряжению коменданта лагеря [3, л. 19].

Исполнительную власть в пересыльных и стационарных лагерях военнопленных осуществляли коменданты лагеря. Комендант являлся ключевой фигурой в лагере: отвечал за обустройство лагеря и содержание военнопленных. Деятельность коменданта лагеря носила исполнительно-распорядительный характер. Он нес полную ответственность за состояние всей работы в лагере. Коменданты лагерей сами отвечали за выполнение предписаний ОКВ и ОКХ и поэтому могли влиять на условия содержания пленных. Тот факт, что каждый комендант наделялся такими широкими полномочиями, частично объясняет, почему условия содержания пленных в лагерях отличались. Перед тем как получить эту должность, многие проходили специальные курсы по руководству лагерями для военнопленных. Командные кадры готовили на учебных курсах в шталаге II D в Штаргарде (Померания). Окружной комендант Минского округа О. Карковский, например, в протоколе допроса отвечал, что на курсах обсуждали организацию лагерей, правила охраны, нормы питания и применение труда военнопленных [4, л. 10–12об.]. Одним из ближайших сотрудников коменданта был офицер контрразведки. В руках этого офицера были сосредоточены все вопросы полицейского и политического характера (изучение настроений военнопленных, подавление подпольного движения Сопротивления и нелегальных боевых организаций военнопленных, предотвращение восстаний, побегов и т. д.).

Для поддержания дисциплины и порядка в лагерях создавалась внутренняя и внешняя охрана. Внешняя была представлена солдатами старших возрастов, входившими в охранные батальоны вермахта, и выздоравливавшими после ранений фронтовиками.

Внутренняя охрана была представлена лагерными полицейскими из числа самих военнопленных, они осуществляли контроль над военнопленными в лагере. Идея создания в лагерях для военнопленных лагерной полиции прозвучала в донесении на совещании у начальника Управления общих дел Главного штаба вооруженных сил в Варшаве 04.09.1941: «Русский военнопленный далеко не такой хороший, как это кажется. Всеми средствами необходимо стремиться, чтобы при обращении с военнопленными соблюдалась в отношении их строжайшая дисциплина. Целесообразно создать из военнопленных лагерную полицию. Командным составом в эту полицию должен быть назначен немецкий охранной персонал» [5, л. 74.]. В лагерную полицию записывались по разным причинам: одни – чтобы выжить, другие – приспособиться к новой власти. Полицай, так их называли пленные, находились в привилегированном положении.

Нацистская система военного плена в вопросах содержания, продовольственного обеспечения, медицинского обслуживания, использования труда военнопленных в ходе Великой Отечественной войны дифференцированно относилась к военнопленным различных враждебных государств. Советские военнопленные оставались внутри иерархии пленных на одной из самых низких ступеней. Особо остро стояла проблема с обеспечением продуктами военнопленных. Жители Беларуси по собственной инициативе приносили в лагеря продукты питания. Помощь имела как стихийный, так и организованный характер. Они подбрасывали в лагеря еду, одежду, укрывали и кормили беглецов. На добровольной основе из представителей городского населения, крестьян, духовенства создавались комитеты помощи русским военнопленным. Так, в г. Гомеле существовал комитет помощи советским военнопленным для Дулага № 121. В своих воспоминаниях сотрудник комитета Е. З. Шведов отмечал, что по всем населенным пунктам около Гомеля были разосланы «подписные листы» с призывом оказывать помощь содержащимся в лагере военнопленным [6, л. 95.].

Комплексный анализ нормативной базы и практики организации продовольственного обеспечения советских военнопленных на оккупированной территории Беларуси показывает, что продовольственному обеспечению военнопленных в первый год войны не придавали особого значения. Только в 1942 г. в связи с активным использованием труда пленных в практику нацистского военного плена вошел принцип дифференциации норм продовольствия, по которому необходимо было, с одной стороны, поддерживать физическое состояние пленных, а с другой – эффективно использовать их труд.

Не менее важным в проблеме выживания военнопленных являлось и их медицинское обеспечение. В вопросах медицинского обеспечения военнопленных коменданты лагерей руководствовались предписаниями начальника управления по делам военнопленных при ставке генерала Рейнеке по организации санитарной службы в лагерях для военнопленных. Организация и руководство санитарной службой должны были осуществляться немецкими врачами, а непосредственное обслуживание военнопленных – русскими врачами из числа пленных либо гражданского населения [7, л. 74].

Лагерь для советских военнопленных (Дулаг 121) являлся неотъемлемой частью нацистского режима (выполнял функции изоляции, устрашения и ликвидации военнопленных). Оккупантами была разработана нормативная база, которая регулировала все основные стороны организации лагерного режима и распорядка, внутренней и внешней охраны, мер по предотвращению побегов, а также продовольственного, материально-вещевого и медицинского обеспечения пленных. В каждом стационарном лагере, с его административным аппаратом управления, был четко отлажен механизм руководства военнопленными. Для режима содержания советских военнопленных было характерно иерархия военнопленных, важное значение в вопросах организации содержания советских военнопленных придавалось охране и надзору. Одной из основных задач в деятельности лагерей являлось использование труда, главной целью которой являлось получение максимальной отдачи от использования их труда.

Источники и литература

1. Донесение об инспекционной поездке по лагерям военнопленных округа «J» полковника Маршалла 26.11.–10.12.1941 // Национальный архив Республики Беларусь (далее – НАРБ). – Ф. 1440. – Оп. 3. – Д. 917. – Л. 125–126.

2. Мухин, В. В. Системы и органы пленения, учет и регистрация советских военнопленных во фронтовой полосе (1941–1945 гг.) / В. В. Мухин // Проблемы военного плена: история и современность : материалы Междунар. науч-практ. конф., Вологда, 23–25 окт. 1997 г. : в 2 ч. / Вологод. ин-т повышения квалификации и переподгот. пед. кадров ; редкол.: Е.А. Поромонов [и др.]. – Вологда : Изд-во Вологодского ин-та повышения квалификации и переподготовки пед. кадров, 1997. – Ч. 1. – С. 30–36.

3. Протокол допроса Р. Гейне // НАРБ. – Ф. 1363. – Оп. 1. – Д. 2848. – Л. 19.

4. Протокол допроса коменданта О. Карковского // НАРБ. – Ф. 1363. – Оп. 1. – Д. 1168. – Л. 10–12об.

5. Донесение о совещании у начальника управления общих дел Главного командования Вооруженных сил в Варшаве от 04.09.1941 // НАРБ. – Фонд 1440. – Оп. 3. – Д. 917. – Л. 74.

6. Протокол допроса Е.З. Шведова // НАРБ. – Ф. 861. – Оп. 1. – Д. 6. – Л. 95.

7. Донесение о совещании у начальника управления общих дел Главного командования Вооруженных сил в Варшаве от 04.09.1941 // Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Фонд 1440. – Оп. 3. – Д. 917. – Л. 74.

УДК 94:355.716-054.65(476.2)''1941/1945''

Ю. В. Панков

Гомельский дворцово-парковый ансамбль, г. Гомель

«РУССКИЙ» КОМЕНДАНТ ЛАГЕРЯ ВОЕННОПЛЕННЫХ ДУЛАГ-220 В ГОМЕЛЕ. ИДЕНТИФИКАЦИЯ ЛИЧНОСТИ

Статья посвящена установлению личности «русского» коменданта пересыльного лагеря советских военнопленных ДУЛАГ-220, который размещался в Гомеле с сентября 1941 г. по январь/февраль 1942 г. Работа строится на комплексном анализе источников с последующей их верификацией, что позволило сформулировать версию относительно персонализации «русского» коменданта ДУЛАГ-220.

Пересыльные лагеря военнопленных ДУЛАГ-220 и ДУЛАГ-121, которые находились в Гомеле с сентября 1941 по октябрь 1943 года, стали одним из символов чудовищного отношения с советскими гражданами в период нацистской оккупации. По данным Чрезвычайной государственной комиссии в них погибло более 100 тысяч красноармейцев, офицеров Красной армии и мирных жителей. Администрация и персонал лагеря имеют прямое отношение к массовой гибели людей. Однако не только немцы находились в управлении. Заметную роль играл и «русский» комендант, выбранный из числа узников. Он контролировал пленников изнутри лагеря и выполнял распоряжения германского начальства. В историографии известно имя полковника Красной армии В. А. Кардакова – бывшего начальника артиллерии 280-й стрелковой дивизии 50-й армии, занимавшего эту должность с февраля по

июль 1942 г., но уже во время функционирования ДУЛАГ-121 [1]. Во время нахождения среди администрации лагеря его связывали со многими случаями проявления жестокости по отношению к военнопленным. По инициативе Кардакова был устроен штрафной барак, дополнительная гауптвахта, «столб позора», к которому привязывались нарушители режима [2, л. 323]. А вот об его предшественнике из пересыльного лагеря ДУЛАГ-220 сведений ранее не встречалось.

В материалах уголовного дела по обвинению В. А. Кардакова, которые хранятся в Центральном архиве Комитета государственной безопасности Республики Беларусь³, среди протоколов допроса дважды упоминается фамилия Суражевского, как «русского» коменданта лагеря. Но указанные сведения не дают детального представления об его личности. Порой информация противоречива.

В протоколе допроса В. А. Кардакова от 29 октября 1947 г. говорится следующее: «Суражевский имя и отчества не знаю, когда я прибыл в лагерь, он занимал должность русского коменданта, как попал в плен к немцам и при каких обстоятельствах был назначен комендантом лагеря, не знаю. О нем мне только известно, что Суражевский до Отечественной войны являлся младшим лейтенантом запаса танковых войск, работал доцентом одного высшего учебного заведения, но в каком городе не помню. В начале февраля 1942 г. в связи со сменой личного немецкого состава комендатуры лагеря из г. Гомеля выехал вместе с комендатурой – куда не знаю. С тех пор его больше нигде не встречал и о местонахождении не слыхал. Приметы Суражевского: В то время было лет около 32-х, среднего роста, среднего телосложения, лицо интеллигентное» [3, л. 213об.].

Бывший военнопленный Я. П. Теплицкий, который проходил свидетелем по делу Кардакова, привел немного иные данные: «Как только я прибыл в Гомельский лагерь “ДУЛАГ-121” – октябрь 1941 год, в то время начальником лагеря был русский профессор Московского и Казанского университетов по фамилии Суражевский имя и отчество не знаю. Военного звания Суражевский в то время никакого не имел. Его заместитель был какой-то студент, фамилии его не знаю, по национальности он был грузин» [4, л. 136].

Общим фактом в показаниях следует выделить то, что Суражевский до войны преподавал в университете, однако относительно воинского звания сведения разнятся. С одной стороны, он был младшим

³ Копия материалов была предоставлена прокуратуре Гомельской области в рамках расследования уголовного дела по факту геноцида белорусского народа в годы Великой Отечественной войны и в послевоенный период. Полученные сведения использовались, в том числе, для подготовки выставочного проекта «Конвейер смерти. Лагерь советских военнопленных в оккупированном Гомеле» и каталога к нему.

лейтенантом, с другой – звания вовсе не было. Его имени так никто и не вспомнил, что затрудняет идентификацию личности. Стоит отметить, что информация Кардакова может быть точнее, так как наверняка он общался с Суражевским, не жили свидетель Теплицкий, который был рядовым пленником.

Поиск в информационной системе «Память народа» нашел только одного человека в звании младшего лейтенанта с фамилией Суражевский – Леонид Денисович, 1903 г. р. [5]. В его учетной карточке есть сведения, схожие с теми, которые упоминаются в протоколах допроса. В 1939 г. ему присвоили воинское звание младшего лейтенанта. В графе «Профессия» значится преподаватель русского языка и литературы. В графе «Место службы и должность (или род занятий вне Военного ведомства)» указано, что он являлся аспирантом 3 курса Московского государственного педагогического института. 25 июня 1941 г. был направлен в отдел кадров Киевского военного округа, а в августе 1941 г. (по документу, уточняющему потери – в сентябре) – пропал без вести.

Личные данные (дата и место рождения, место учебы), указанные в учетном документе, соответствуют фактам биографии русского писателя второй волны эмиграции Леонида Денисовича Суражевского, работавшего под псевдонимом «Ржевский».

Как следует из биографии, Л. Д. Суражевский родился 21 августа 1903 г. в имении Лацердовка Ржевского р-на Тверской области. Некоторые исследователи обозначали годом рождения 1905-й. Однако сам писатель объяснял это тем, что в его паспорте указана дата и место крещения [6, с. 200]. Окончил он в 1930 г. педагогический факультет 2-го Московского государственного университета, после чего ушел служить в армию. Попал в Московскую пролетарскую стрелковую дивизию. В конце 1930-х поступил в аспирантуру. Защитил диссертацию 28 июня 1941 г., получив ученое звание «кандидат филологических наук». После этого был отправлен на фронт.

В своей автобиографии Л. Д. Суражевский пишет, что офицерское звание получил осенью 1931 г., но при изучении учетной карточки данный факт опровергается. Вероятно, он пытался скрыть один из эпизодов своей жизни. В 1936 г. Л. Д. Суражевский прошел военный сбор как курсант в Московском военном округе. С 7 сентября по 10 ноября 1939 г. его призвали на сборы в должности командира взвода (в/ч 5732), во время которых он принял участие в Польском походе Красной армии [5].

События, связанные с Великой Отечественной войной, Суражевский описывает неохотно, мотивируя это фразами «про первые месяцы войны писалось достаточно» и «про плен было писано много» [6, с. 225–226]. Основываясь на скурых биографических сведениях,

можно сказать, что в первые месяцы войны его назначили на должность переводчика в штаб 93-й стрелковой дивизии. Вскоре перевели в помощники начальника разведки дивизии. Попал в окружение. В середине сентября 1941 г. в районе переправы через Десну оказался под минометным обстрелом, попал в плен. Там пробыл до начала 1943 г., после чего его пригласили читать лекции учителям народных школ. В конце 1944 г. заработал туберкулез. Немцы его направили на лечение в Дрезден, а затем под Мюнхен [6, с. 226–227].

Так мог ли Л. Д. Суражевский быть тем самым «русским» комендантом лагеря ДУЛАГ-220 в Гомеле, о котором вспоминали В. А. Кардаков и Я. П. Теплицкий? Для ответа на этот вопрос следует обратиться к творчеству писателя.

Филолог Н. Ю. Букарева, защитившая кандидатскую диссертацию по теме: «Проблематика и поэтика военной прозы Л. Д. Ржевского (Суражевского)», считала, что роман писателя «Между двух звезд» имеет автобиографическую основу [7]. И, действительно, обратившись к произведению, можно увидеть ряд биографических сходств между Суражевским и главным героем Заряжским [8]. Первая часть романа «Между двух звезд» называется «ДУЛАГ ...надцатый». Номер лагеря, как и название города, в котором он находился, опущено. Но из описания можно сделать вывод, что речь идет о ДУЛАГ-220 в Гомеле.

Обратимся к тексту романа, который характеризует пересыльный лагерь: «Колючая проволока по свежесрубленным столбам... ..Ворота с будкой и дощечкой: Dulag №... За воротами – четырехэтажный кирпичный ящик, лазарет. В стороне флигелек – лагерное управление. Снова проволока, рыже-кофейного цвета, с похожими на тополевы почки пучками колючек, заплетенная в частые тесные квадратики. За ней – приземистые с бревенчатыми ребрами конюшни-бараки [8, с. 41]».

«К лагерю подошли одновременно с растянувшейся колонной пленных, медленно, как громадная рыжая улитка, подползавшей к воротам со стороны вокзала [8, с. 68]».

Вышеупомянутые небольшие фрагменты описания практически совпадают с тем, что представлял собой гомельский лагерь военнопленных. Колонны проходили расстояние от железнодорожного вокзала до проходной примерно в 1,6 км. Единственное различие: лазарет за воротами был не четырехэтажным, а трехэтажным.

Далее следует выделить эпизоды, связанные с городом и городской жизнью: «Городок Б., на окраине которого расположился лагерь, был наполовину погублен «зажигалками» – огонь сглодал дома изнутри, а фасады стояли целые, и улица сквозь сизость мелкого, как туман, дождя казалась в перспективе будто и не разрушенной.

И только вплотную мимо – зияли пустотой закоптелые раструбы окон, торчали за ними скороченные брусья, и лоскутья кровли, поддуваемые ветром, лязгали над головой [8, с. 66]».

«В городе образовался «комитет помощи военнопленным». Главный комитетчик таскается к Заряжскому каждый день. Твердоголовый, «р» и «щ» выговаривает по-местному, тоже твердо... ..Одного только от этого белоруса добился: подает в Управление жалобу на подлеца Аристова: под мудрым его руководством полиция лупит пленных нещадно... [8, с. 111–112]».

«...Комендант, полковник Браун. К сожалению, ему уже семьдесят, так что он только представляет, а не управляет. Любитель искусств. Занимается также археологией. Сейчас собирает черепки в этом разрушенном замке... [8, с. 55]».

Сопоставляя приведенные выдержки, не вызывает сомнения, что в романе речь идет именно о гомельском лагере военнопленных. ДУ-ЛАГ-220 находился на территории бывшей кавалерийской части ближе к окраине. По крайней мере, в начале XX в. это была уже северная граница города. Высотной доминантой лагеря был трехэтажный кирпичный лазарет, который «встречал» за воротами узников. Глава «комитета помощи военнопленным» местный белорус. Важный момент связан с интересами коменданта Брауна. Он собирал «черепки» из замка. Музей, в котором имелась и археологическая коллекция, располагался в бывшем дворце князей Паскевичей, который часто в городской среде именовался «замком». Это название отразилось, как в топонимике (улица, ведущая со стороны дворца к вокзалу в начале XX в. называлась Замковой), так и в почтово-сувенирной продукции (открытки с видами дворца подписывали как «Замок»).

Также следует упомянуть, что описываемые в романе ужасы, творившиеся в лагере, имеют свои аналогии с реальными случаями, которые были зафиксированы в Гомеле. К примеру, вот, что пишет Суражевский в произведении: «...Прибыла недавно партия, в полтыщи. Везли их неделю в теплушках, без корму. Подъезжая к нашему городу, подвернулась неободранная гречка. Все и навалились на гречу, как была, сырьем... Она в них разбухла и кишки закупорила пробкой. Приехали в лагерь и стали погибать. Выползали из барачков, старались опростаться – не могли. Ногти в кровь обдирали в потугах. Так и замерзали. Мы с Заряжским сунулись к врачам. Агитировали поинтреллигентски, а надо бы – матом! Из всех вызвался только один – Моталин, из Ростова (старикашка, очки веревкой заболтаны... С Заряжским подружился очень – нравится ему), орудовал кусками проволоки, десятка четыре спас. Остальные померли...» [8, с. 110].

Схожий случай описал после инспекции в ДУЛАГ-220 полковник Маршалл: «Ежедневно умирает 400 военнопленных. Причиной высокой смертности, как указывает руководящий лагерный врач, бывший врач 61-й русской дивизии, является то, что часть военнопленных ранее (не в лагере Гомеля) кормили неочищенной гречкой, зерна которой желудок не переваривает, и они застревают в слизистой оболочке кишок, вызывая страшные боли» [9, с. 91].

В актах Чрезвычайной государственной комиссии по расследованию злодеяний, творимых в Гомеле, зафиксировано: «Главврач больницы лагеря военнопленных Аникеев поручал изготовить из ржавой проволоки выскребалки. Мною было изготовлено до 300 таких выскребалок, которыми оказывалась больным русским военнопленным помощь путем выскребания из заднего прохода испражнений, т. е. тех суррогатов, которыми немцы кормили их» [10, л. 38об.]. Это не один пример, имеющий аналогии в романе с настоящими фактами. Кроме того, сходства заметны в описании штабелей трупов и в фиксации случаев каннибализма [8, с. 110–111, 141].

Таким образом, с большой долей вероятности можно утверждать, что Леонид Денисович Суражевский после пленения являлся «русским» комендантом лагеря ДУЛАГ-220, который с конца 1941 по начало 1942 г. размещался в Гомеле. Художественно переосмыслив, он изложил свои воспоминания о пребывании в плену в романе «Между двух звезд». После окончания Великой Отечественной войны Суражевский избежал наказания и скрыл наиболее нелицеприятные факты сотрудничества с немцами. Но, благодаря кропотливой работе с источниками, удалось доказать его пособническую деятельность в областном центре БССР во время нацистской оккупации. Ведь, в том числе, из-за его попустительства на руководящей должности в лагере, погибли десятки тысяч советских военнопленных.

Источники и литература

1. Писаренко, А. А. К вопросу о «ДУЛАГе-121» и судьбе Василия Алексеевича Кардакова / А. А. Писаренко // 1943 год на Гомельщине: материалы международной научно-практической конференции. – Гомель : БелГУТ, 2013. – С. 217–220.
2. Центральный архив Комитета государственной безопасности Республики Беларусь (далее – ЦА КГБ РБ). – Арх-угол. – Д. 5816. – Т. 3.
3. ЦА КГБ РБ. – Арх-угол. – Д. 5816. – Т. 1.
4. ЦА КГБ РБ. – Арх-угол. – Д. 5816. – Т. 2.

5. Суражевский Леонид Денисович [Электронный ресурс] // Память народа. – Режим доступа: https://pamyat-naroda.ru/heroes/kld-card_uchet_officer2789425/. – Дата доступа: 06.06.2023.

6. Ржевский, Л. Про себя самого / Л. Ржевский // Грани. Журнал литературы, искусства, науки и общественно-политической мысли. – 1987. – № 144. – С. 200–233.

7. Букарева, Н. Ю. Проблематика и поэтика военной прозы Л. Д. Ржевского (Суражевского) [Электронный ресурс] / Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.01.01 – русская литература. – Режим доступа: <https://cheloveknauka.com/problematika-i-poetika-voennoy-prozy-l-d-rzhevskogo-surazhevskogo>. – Дата доступа: 08.06.2023.

8. Ржевский, Л. Между двух звезд / Л. Ржевский. – Нью-Йорк : издательство имени Чехова, 1953. – 411 с.

9. Лагеря советских военнопленных в Беларуси: 1941–1944 : документы и материалы / сост. В. Д. Селемнев и др. – Минск : Беларусь, 2022. – 327 с.

10. Государственный архив Гомельской области. – Ф. 1345. – Оп. 1. – Д. 3.

УДК 94(476)1941/1944

А. А. Сарапин, Е. С. Розенблат
Брестский государственный
университет имени А. С. Пушкина, г. Брест

«ГЕТТО ВОСТОЧНИКОВ» В БРЕСТЕ 1942–1944 ГОДЫ

В статье рассматривается история «восточников», даётся определение термина «восточники», кратко излагается история «восточников» с 1939 по 1944 годы. Охарактеризованы их отношения с местным населением, положение в период оккупации и непосредственно исследуется феномен «гетто восточников» в городе Бресте.

Социальная группа «Восточников» – это граждане СССР и БССР, командированные на территорию Западной Беларуси и Западной Украины, после 17 сентября 1939 года. Они являлись привилегированной прослойкой общества на присоединённых территориях, так как занимали большинство рабочих мест в государственном аппарате

(облисполком, горисполком), в органах НКВД, УНКГБ, милиции, армии, в структуре железнодорожного транспорта, медицине, образовании, связи и в ряде других сфер. «Восточники» являлись «рупором» политики советизации на территориях Западной Беларуси и Западной Украины. Идеологически «подкованные», они выполняли план ВКП(б) по интеграции местного населения в ряды советского общества, создавали учебные заведения, больницы, занимались коллективизацией и индустриализацией, также уничтожали очаги сопротивления и инакомыслия в среде польской интеллигенции и буржуазии. Многие командированные были рабочими заводов, пекарен, специалисты в сельском хозяйстве, архитекторы, строители. Так как советская власть не доверяла местным, она пыталась в некоторых отраслях разбавить их, а в некоторых полностью заместить [1, с. 2–98].

Отношение местных к «восточникам» варьировалось от пиетета, до лютой ненависти [2, с. 2]. Это обуславливалось политикой СССР на новых землях, пропагандой Польши, проводимой до и после воссоединения Западной Беларуси с БССР (правительством Сикорского [3, л. 3]) и разношёрстностью самого населения западных областей: кто-то был поляком, кто-то белорусом, кто-то зажиточным, кто-то люмпеном, кто-то коммунистом, кто-то националистом [4, л. 4]. Все эти и многие другие факторы вели к выстраиванию особенного контакта «западников» и «восточников».

Первые ростки негативного отношения к советской власти, проклюнулись до начала Великой Отечественной войны. Это выражалось в череде террористических актов, со стороны в основном польского населения, направленных на «восточников». Например, с октября 1939 года по 27 июля 1940 года на территории Западной Беларуси было совершено 93 нападения, в результате которых были убиты 54 человека, большинство из которых были переселенцами (служащие НКВД, милиции, партийные функционеры и другие) [5, л. 5]. Эти антисоветские формирования действовали по большей части в Белостокской и Гродненской области. Информации о существовании организованного сопротивления в Брестской области не обнаружено [4, л. 4]. В основном борьба и гнев поляков в Бресте выражались в презрительных взорах, бытовых конфликтах и сплетнях, что отражено в воспоминаниях как «восточников», так и местных [6, л. 14].

Ранним утром 22 июня 1941 года Брест подвергся бомбардировке, уже в 9 часов немецкие войска вступили в пригороды, к концу дня сопротивление города было практически сломлено, он оказался в зоне оккупации [7, с. 27]. Ещё до полного захвата, начались облавы на евреев

и «восточников». Немцы до вторжения составили «проскрипции», в которые вошли известные им партийные деятели, руководители, коммунисты, комсомольцы и так далее [6, л. 26]. Этим объясняется то, что до конца дня были схвачены: депутат Верховного Совета БССР С. Л. Борщевская, председатель Брестского горисполкома И. М. Соловей, начальник политического управления водного транспорта Т. А. Шевченко, прокуроры А. В. Авилов и Т. П. Казаков, заслуженный артист БССР В. И. Павлов, директор педучилища В. А. Ткачѳв и многие другие [6, л. 27]. А 27 июня с приходом в город гестапо репрессии стали перманентными [8, с. 33]. Тем самым оккупационный режим пытался обезглавить возможное сопротивление коммунистов, запугав их, и заодно добившись одобрения у местных антисоветских элементов.

Репрессии были достаточно массовыми. По источникам ЧГК по Брестской области в городе за месяц уничтожили 4435 руководителей предприятий, членов ВКП(б), ВЛКСМ, рабочих, многие из которых были командированными из восточных областей [8, с. 32]. Хотя документы ЧГК достаточно сильно критикуют, обвиняя в субъективизме [9, л. 3]. Однако сомнений в факте репрессивных мер против «восточников» нет. Это доказывается цифрами: накануне 17 сентября 1939 года в Бресте проживало 55679 человек, в октябре 1940 года количество их увеличилось до 68800 человек, а к маю 1941 уже 78974 человека [10, с. 121]. Пополнение населения города в большей степени происходило, как раз за счёт прибытия командированных. Паспортизация 20 июля 1941 года выявила, что население города сократилось до 56000 человек, 8000 из которых были «восточниками» [7, с. 25]. Чуть позже 19 октября 1942 года оккупационными властями была введена система постоянного учёта «советских» (sowieten), т. е. «восточников», по которой их число вновь сократилось до 6324 человек, а к последней записи, сделанной 7 января 1944 их количество, составит 5849 человек [11, с. 140], [12, с. 2–107]. Как можно заметить, численность населения города и «восточников» неуклонно сокращается. Это может объясняться целым рядом факторов, в числе которых: бегство из Бреста, так как в городе начинался голод, проведѳнные полицией СД и гестапо зачистки, отправка на работы в Германию, переход в партизанские отряды.

При отсутствии верховного руководства рядовые коммунисты организовали на территории города сопротивление оккупационному режиму, создав подпольный горком КП(б)Б в Бресте. Первое собрание произошло в августе 1941 года, для координации действий было создано бюро, в состав которого вошли: П. Г. Жуликов, М. М. Жигимонт, Б. С. Дзабиев, Р. С. Радкевич, А. Самыченко и С. Н. Антошина

[6, л. 57]. Подполье занималось разоблачение немецкой пропаганды, подделывало паспорта «восточникам», спасало солдат из лагерей военнопленных в Южном городке, деревне Речица и у Северных ворот крепости. Они устанавливали связь с партизанами, печатали нелегальную литературу и прессу, информировали население о планах немецкого руководства на вывоз населения в Германию, устраивали диверсии на Брестском железнодорожном узле [6, л. 68–75].

Немецкие оккупационные власти знали о существовании подполья и проводили различные акции по его устранению. В августе 1943 года гестапо внедрило в ряды подполья агентов Виктора Леонтьева и Гертруду Вагнер, они, узнав информацию о руководстве, передали её в гестапо. С сентября по октябрь 1943 года прошел ряд задержаний: семей Жуликова, А. А. Горной, С. С. Григорука, С. В. Захаренко, В. И. Литвина и многих других [6, л. 206]. Оставшиеся в живых подпольщики были вынуждены притаиться. Ещё одной мерой возможного ограничения активных действий «восточников» в Бресте должно было стать «гетто советских».

С 16 декабря 1941 года в городе уже было создано еврейское гетто, делившееся на Большое и Малое, разделённое улицей Московской и располагавшееся в квадрате улиц Советская, Маяковского, Кирова и Интернациональной (названия улиц приведены в современном варианте) [13, л. 4]. В нём проживало около 22000 человек еврейской национальности. На момент ликвидации еврейского гетто 15–18 октября 1942 года в нём оставалось 16934 еврея [13, л. 8].

После уничтожения евреев, по документам и воспоминаниям некоторых жителей города в Бресте, было создано другое гетто, для «восточников». 12 августа 1943 года в рейхкомиссариат Украина был направлен документ, в котором бургомистр Брестланда (Брестского района) Фёдор Малюта, докладывает о создании на Мухавецком участке «гетто» в районе улицы Интернациональной (Шпитальной), куда заселили контингент из 650 «советских», переселённых с окраин города, частично с районов Граеки и Киевки [14, с. 220]. Из его доклада следует, что переселение идёт с трудом, это связано с военными властями и гражданскими немецкими фирмами, которые приняли на работу многих «восточников» и отказывались их отпускать в «гетто восточников». При переселении работников в гетто пришлось бы выписывать им пропуска, брать ответственность за их действия вне гетто или, что ещё хуже, искать новых работников. Поэтому фирмы до последнего не отпускали своих рабочих. Другая причина, как следует из доклада бургомистра – это то, что 20 % «восточников», связанных с «бандитами» (партизанами), ушли в леса. Несмотря на данные помехи

Малюта поручил XI секции городского управления, переселять в неделю по 10 семей с Киевки и 10 с Граевки [14, с. 221]. Но и этот скромный план выполнить не удалось, поэтому в гетто стали селить все национальности [8, с. 153].

13 марта 1944 года Мухавецкий район города окружили полиция и тыловые части вермахта, собрали население и под конвоем переправили на Граевку в лагерь временного содержания перед отправкой в Германию [14, с. 37]. По свидетельствам «восточницы» В. И. Ткач, условия в лагере на Граевке были жёсткие, людей загнали на пустырь за двумя рядами колючей проволоки [15, с. 6]. «Первые пару дней не кормили вовсе, а когда дали еду то это оказалась жидкая гороховая баланда, которая досталась не всем». Но интересно другое, по её словам, в лагере разместилось примерно 3000 человек разных национальностей от опальных поляков и украинцев, до «восточников» [8, с. 153].

По воспоминаниям, собранным Гребёнкиной Анной Афанасьевой, «гетто для восточников» на Интернациональной представляло из себя нечто странное, оно не было огорожено колючей проволокой, охранялось не так тщательно нежели ранее еврейское гетто и не имело строгого пропускного режима [6, л. 70].

В докладе З. И. Южной, брестской подпольщицы, в штаб БШПД после освобождения Бреста она пишет как нелегко приходилось жить «восточникам» в городе, о сотрудничестве части «советских» с оккупационным режимом, о создании национальных комитетов и многом другом. Но интересно следующая выдержкам из доклада: «Много было провокационных слухов о том, что восточных посадят в «гетто» за проволоку или будут выводить за Буг. Приказ о выселении восточных семей из оборудованных квартир с улиц Маяковского, Левоневского и других, с пригородов и окрестных деревень. В необорудованные, разорённые, голые квартиры в основном на улицу Мухавецкую и Шпитальную» [8, с. 115].

По вышеизложенной информации возникает ряд вопросов. Первое: существовало ли «гетто восточников» вообще?! Да существовало, хоть и достаточно сильно отличалось от еврейского в плане режима. Второе: было ли «гетто» сугубо для «восточников»?! Нет, оно было многонациональным. Как описано выше в пересыльном лагере на Граевке содержались не только «восточники», но и поляки, и украинцы [8, с. 153]. По не проверенной информации, на территорию малого еврейского гетто, где предположительно и располагалось «гетто восточников», были поселены жители Смоленска, пригнанные немцами в Брест. Третье: все ли оставшиеся в городе «восточники» были переселены в «гетто»?! Нет многие оставались работать вне «гетто восточников»: В городе продолжала действовать подпольная организация

возглавляемая Еленой Литвиновой, тоже «восточницы» [6, л. 98]. Так как некоторое время у подполья в паспортном столе работал агент, они смогли купить несколько паспортов и по документам слиться с местным населением [6, л. 109]. Часть «восточников» продолжала работать в фирмах и никуда не переселилось [6, л. 112]. Четвёртое: куда делись оставшиеся «восточники», если их не переправили в Германию, ведь по последней переписи 7 января 1944 года в Бресте их оставалось 5849 человек?! Вообще со времени «рождественской» переписи до освобождения города 28 июля 1944 года прошло практически 8 месяцев. По последней переписи на январь 1944 года в городе оставалось 36569 человек [11, с. 85–142], а при освобождении 15000 человек [7, с. 375]. Есть свидетельства, что в последние месяцы оккупации с продовольствием в городе стало скудно и начался массовый отток города населения. Те, кто сотрудничал с немцами, переправлялись через Буг [2, с. 9], кого-то выслали в Германию, «восточники» и часть местных ушла в партизаны или окрестные деревни, какая-то часть осталось в городе [8, с. 116].

«Феномен восточников» должен стать необходимым дополнением в изучении геноцида белорусского народа и особенностей оккупационного режима на территории Западной Беларуси в период с 1941 по 1944 года. Так как «восточники» оказались именно той категорией населения, которая в первую очередь подверглась геноциду и в конечном итоге была практически уничтоженной в период оккупации.

Источники и литература

1. Памяць: Гіст.-дакум. хроніка Брэсцкага раёна : у 2 кн. / рэд. Г. К. Кісялёў. – Мінск : БЕЛТА, 1998–2001. – Кн. 2. – 574 с.

2. Жертвы и палачи Брестского гетто [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://jewishfreedom.org/page555.html>. – Дата доступа: 09.04.2023.

3. Государственный архив Брестской области (далее ГАБО) – Ф. 514. – Оп. 1. – Д. 293.

4. ГАБО – Ф. 1-п. – Оп. 1. – Д. 11.

5. ГАБО – Ф. 201. – Оп. 1. – Д. 413.

6. ГАБО – Ф. 1-п. – Оп. 28. – Д. 91.

7. Брест в 1941–1944 гг. Оккупация: документы и материалы / сост. Г. Калустова, А. Карапузова, Е. Розенблат. – Брест : Альтернатива, 2016. – 316 с.

8. «Нет больше моего Бреста...» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.realbrest.by/novosti/realnyi-brest/-net-bolshe-moego-bresta-a-znachit-i-mne-pora.html>. – Дата доступа: 23.09.2023.

9. ГАБО – Ф. 201. – Оп. 1. – Д. 583.

10. Земсков, В. Н. О масштабах людских потерь СССР в Великой Отечественной войне / В. Н. Земсков [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.demoscope.ru/weekly/2013/0559/analit01.php>. – Дата доступа: 20.04.2023.

11. Без срока давности. Беларусь: преступления нацистов и их пособников против мирного населения на оккупированной территории БССР в годы Великой Отечественной войны. Брестская область. Сборник архивных документов и материалов / сост.: А. Р. Дюков, В. Д. Селеменев [и др.] ; редкол.: А. К. Демянюк [и др.]. – Минск : НАРБ. М. : «Историческая память», 2022. – 484 с.

12. Кез, И. В. Противостояние: Западная Белоруссия. Управление НКВД (НКГБ) – МГБ БССР по Брестской, Пинской и Барановичской областям: 1939–1954 / И. В. Кез ; под общ. Ред. С. С. Гладышева. – Брест : Альтернатива, 2019. – 284 с.

13. ГАБО – Ф. 201. – Оп. 1. – Д. 502.

14. Правительство Польши в изгнании [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/1104336>. – Дата доступа: 24.09.2023.

15. Гребенкина, А. А. Живая боль. Женщины и дети Брестского гарнизона (1941–1944) / А. А. Гребенкина. – Минск : Беларусь, 2008. – 174 с.

УДК 94:343.337.5(476)“1943”

С. Б. Жихарев

Гомельский государственный университет
имени Ф. Скорины, г. Гомель

ТРАГЕДИЯ ХАТЫНИ В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИИ БЕЛОРУССКОГО НАРОДА В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

В статье представлены основные вехи формирования историографии и источниковой базы Хатынской проблемы. Показаны содержащиеся в исследованиях оценки мотивации карательных действий немецких властей на оккупированных белорусских территориях. Благодаря опубликованным в 2000-х годах архивным документам, а также протоколам допросов обвиняемых, свидетелей и потерпевших жуткая трагедия Хатыни дополняется новыми подробностями о действиях по отношению к ее населению оккупационных властей.

Начало хатынской темы в научной литературе было заложено в вышедшем в 1959 году в Государственном издательстве БССР очерке И. С. Кравченко и А. И. Залесского «Белорусский народ в годы Великой Отечественной войны» [1]. Здесь впервые был опубликован датированный 25 марта 1943 г. документальный акт, составленный жителями д. Селище Каменского сельсовета Плещеницкого района Минской области и партизанами о сожжении д. Хатынь и ее населения. Именно благодаря этому небольшому рукописному документу (2 листа) стали известны подробности, развернувшейся 22 марта 1943 г. в Хатыни трагедии [1, с. 23–24]. Следующий этап в изучении хатынской тематики связан уже с 1960-ми годами, когда создавался мемориальный комплекс «Хатынь» [2, с. 611–612; 3].

Источниковая база по проблеме связана с материалами «Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию преступлений немецко-фашистских захватчиков и их пособников», основой деятельности которой стали акты, документы и материалы, составлявшиеся на местах преступлений нацистов партизанами, войнами Красной Армии при освобождении тех или других регионов республики, воспоминания по горячим следам событий. Заметным явлением было также издание в 1945 г. сборника документов «Зверства немецко-фашистских захватчиков». Весь корпус выявленных документов об уничтожении нацистскими карателями белорусской д. Хатынь и ее жителей, а это 150 документов, большая часть которых архивные и публикуются впервые – был издан в 2009 году в сборнике «Хатынь. Трагедия и Память: док. и материалы» [4] в связи с юбилейной датой возведенного на месте трагедии мемориального комплекса (Государственный мемориальный комплекс «Хатынь»), которому 5 июля 2009 г. исполнилось 40 лет.

Массовое уничтожение населенных пунктов вместе с гражданским населением на территории Беларуси, осуществлявшееся немцами в период Великой Отечественной войны, стало для нее трагедией колоссального масштаба. Да и сама война Германии против СССР имела особую сущность, так как немецкое командование описывало ее как «расово-идеологическую войну на уничтожение», в отличие от «обычной европейской войны», которая предполагала стремление нацистов истребить завоеванные народы. Помимо физического уничтожения гражданское население Беларуси столкнулось с реальной угрозой смерти на фоне экстремальных социально-экономических условий. Последствия такого растянутого во времени геноцида проявлялись не сразу, но вполне соответствовали духу генерального плана «Ост», инструкции об особых областях к директиве № 21 (план

«Барбаросса»), датированной 13 марта 1941 г., «О военной подсудности в районе «Барбаросса» и об особых полномочиях войск» от 13 мая 1941 г., «Двенадцать заповедей поведения немцев на востоке и их обращение с русскими» от 1 июня 1941 г. [5, с. 36]. В ходе войны Белорусская ССР потеряла треть своего населения. Если на момент начала боевых действий население республики составляло 9200 тыс. человек, то в 1945 г. оно сократилось до 6300 тыс. человек.

Во время проводившихся немцами военных операций жестоко уничтожалось гражданское население. В историографии карательные действия нацистов квалифицируются порой и «как вынужденная мера, которая вызывалась военной необходимостью (своеобразная тактика «выжженной земли» – точка зрения, присутствует в части западноевропейских исследований) [5, с. 36] и в качестве «реакции немцев на действия партизан», например, за обстрелы жандармских и полицейских патрулей полагался расстрел всех жителей и сожжение деревень, возле которых произошел инцидент [6, с. 36–37]. Жестокость немцев на территории Беларуси в годы Великой Отечественной войны рассматривается также «и как зверство по отношению к мирному гражданскому населению, возведенное в ранг государственной политики» [5, с. 25].

В Беларуси из общего количества 5295 деревень, уничтоженных гитлеровцами в период карательных операций полностью или частично с жителями, свыше 3% уничтожено в 1941 г. 16 % – в 1942 г., 63 % – в 1943 г. и 18 % – в 1944 г. [5, с. 46]. Действительно, если рассматривать во временном измерении, то планомерное опустошение советской территории являлось длительным действием, которое, как часть всей нацистской военной стратегии, находило свое наиболее яркое выражение особенно при проведении массовых операций против населения и специально во время всех отступлений, то есть, начиная с зимы 1941–1942 гг., хотя своей наивысшей точки стало достигать одновременно с началом общего отступления фашистских войск летом – осенью 1943 г. [5, с. 47].

Особой жестокостью отличался батальон СС «Дирлевангер», делом рук которого среди сотен сожженных деревень стала трагедия Хатыни [7 с. 38]. Действия этого батальона были настолько за пределами, что вызвали неодобрение даже самого гауляйтера Беларуси Вильгельма Кубэ. В конце августа 1943 г. в своем последнем рапорте на имя рейхскомиссара «Остланда» Генриха Лезэ, содержащем критические оценки применяемым в Беларуси методам оккупации, Кубэ в частности отмечал, что «фатальную роль здесь играет имя Дирлевангера, так как этот человек во время своей беспощадной карательной

экспедиции против мирного населения сознательно не принимает во внимание какую-либо политическую необходимость. Вместе с тем, методы Тридцатилетней войны сочетаются часто так, что утверждения немецкой гражданской администрации о желании сотрудничества с белорусским народом звучат как ложь. Массовые расстрелы или сожжение женщин и детей не имеют ничего общего с гуманным ведением войны. Естественно, что для сожжения деревень всегда найдутся чисто технические оправдания: в соответствии с нынешними инструкциями, достаточно, чтобы в какой-нибудь деревне прозвучало несколько выстрелов, чтобы использовать самые жесткие средства. Когда такими методами действовать и дальше, нечего рассчитывать на замирение края, даже если силы полиции увеличить в десять раз. Территория постепенно обезлюдит и для надлежащего хозяйствования в интересах немецкого Рейха почти полностью будет потеряна» [8, с. 142].

О якобы «большой ответственности» возлагаемой на руководителей команды СД при принятии решения «сжигать ли деревни, уничтожать или эвакуировать их жителей в ходе полицейских операций» заявлялось еще ранее в приказе начальника оперативного штаба полиции безопасности и СД рейхскомиссариата Остланд [4, с. 17]. Появившийся 18 ноября 1942 г. приказ был призван повысить эффективность борьбы с партизанами в Генеральном комиссариате Белоруссии благодаря расширению используемых полицейских и карательных средств. Ставшие обыденными в повседневной практике команд СД методы коллективных расстрелов и сожжения деревень, заподозренных в оказании помощи партизанам, должны, как особо подчеркивалось в приказе, умело сочетаться «с целесообразностью привлечения на свою сторону политики и пропаганды <...>», так как целые деревни находятся под гнетом банд партизан, так что жителей их не следует привлекать к ответственности за их прежнее поведение. Решающим должно быть то обстоятельство, как вели себя жители во время операции против банд партизан». Оказание помощи немецким властям со стороны местного населения особо поощрялось путем передачи руководством команд СД захваченного имущества «особенно отличившимся жителям деревни» [4, с. 17].

В датированном 12 апреля 1943 г. донесении командира 118-го полицейского охранного батальона майора шуцполиции Эриха Кернера начальнику СС и полиции Борисовского уезда о нападении партизан на батальон у д. Губы и уничтожении д. Хатынь было отмечено, что совместными усилиями с частями батальона СС Дирлевангера в ходе преследования ускользнувшего противника «в деревни Хатынь было убито много жителей. Часть из них погибла в огне пожара» [4, с. 22]. Несмотря

«на пробандитскую в целом настроенность д. Хатынь» Кернер позитивно охарактеризовал «благоразумие» большинства жителей, «во всяком случае, еще за несколько дней покинувших Хатынь, чтобы не иметь ничего общего с бандитами» [4, с. 23]. В реальности у людей срабатывал здравый смысл, а зачастую и инстинкт самосохранения. Многие годы спустя о своем способе выживания в тех трагических событиях будет вспоминать уроженец д. Хатынь В. А. Яскевич [4, с. 38–39]. На состоявшемся 10 февраля 1961 г. допросе в своих свидетельских показаниях он признается: «будучи 12-летним мальчиком и зная, что немецкие карательные войска сжигают деревни и мирных жителей, я отбежал от деревни метров триста в сторону деревни Мокрусь, залез в яму, где ранее хранился картофель, и там сидел. Что делали каратели в деревне, я не видел. На некоторое время прекратилась стрельба. Мне только были видны пожары и большой дым» [4, с. 38].

Наряду с печально известной «командой браконьеров Ораниенбург» (подразделение под командованием Оскара Дирлевангера), оставившей только на территории одной Беларуси «след» в виде уничтоженных 200 деревень и убитых свыше 120 тысяч человек преимущественно мирного населения, в уничтожении Хатыни также «отличились» подразделения 118-го полицейского охранного батальона, состоявшего преимущественно из русско- и украинно-говорящих карателей, экипированных в характерную для войск СС темно зеленую форму с изображением черепа на фуражке. Как впоследствии сообщал в своих пространных показаниях на состоявшемся в Минске 6 мая 1961 г. допросе обвиняемый Шинкевич С. А. «нами уничтожались граждане и сжигались деревни во многих местах, а потому мне сейчас трудно сориентироваться как осуществлялось злодеяние в том или другом месте» [4, с. 60].

Под влиянием хатынской трагедии на состоявшемся 29 марта 1943 г. совещании командного состава партизанской бригады «Дяди Васи» (присутствовали: к-ры отрядов «Котовский», «Суворова», «Мститель», секретарь Логойского РПК и штаб бригады) майор Воронянский настоятельно рекомендовал [...] «прекратить ночевку и остановку партизан в деревнях, хотя бы и одиночек, ибо это влечет за собой варварские издевательства врага над нашим населением. Много примеров, которые можно привести, даже у нас случай – сожжено 184 чел. и деревня Хатынь» [4, с. 10].

Таким образом, чудовищные методы наказания, применяемые нацистами в отношении гражданского населения, вполне согласовывались с общей стратегией нацистского геноцида на оккупированных территориях Беларуси.

Источники и литература

1. Кравченко, И. С. Белорусский народ в Великой Отечественной войне / И. С. Кравченко, А. И. Залесский. – Минск : Государственное издательство БССР (Редакция социально-экономической литературы), 1959. – 143 с.
2. Ванькевіч, А. Г. Хатынь / А. Г. Ванькевіч // Беларусь у Вялікай Айчыннай вайне, 1941–1945 : Энцыкл. / Беларус. Сав. Энцыкл.; Рэдкал. : І. П. Шамякін (гал. рэд.) і інш. – Мінск : БелСЭ, 1990. – 680 с.
3. Андрыющенко, Н. К. Хатынь : документальны расказ / Н. К. Андрыющенко. – Минск : Издательство «Беларусь», 1969. – 59 с.
4. Хатынь. Трагедия и Память : док. и материалы / сост. : В. И. Адамушко [и др.]. – Минск : НАРБ, 2009. – 272 с.
5. Нацистская политика геноцида и «выжженной земли в Белоруссии» (1941–1944) / [Редкол.: Лобанок В.Е. и др.] – Минск : Беларусь, 1984. – 271 с.
6. Гребень, Е. А. Гражданское население Беларуси в условиях немецкой оккупации (1941–1944) : монография / Е. А. Гребень. – Минск : БГАТУ, 2016. – 496 с.
7. Всенародная борьба в Белоруссии против немецко-фашистских захватчиков в годы Великой Отечественной войны : в 3 т. / Гл. редкол. : А. Т. Кузьмин и др. – Минск : Беларусь, 1984. – Т. 2. – 551 с.
8. Туронак, Ю. Беларусь пад нямецкай акупацыяй / Ю. Туронак / Пер. з польскай В. Жданович. Каментарыі А. М. Літвіна. – Мінск : Беларусь, 1993. – 236 с.

УДК 331.101.26.(476)«1941-1944»

М. Е. Абраменко
Гомельский государственный
медицинский университет

КОЛЛАБОРАНТЫ И ОККУПАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА НАЦИСТСКОЙ ГЕРМАНИИ В ЭКСПЛУАТАЦИИ ТРУДОВЫХ РЕСУРСОВ БЕЛАРУСИ (1941–1944 ГОДЫ)

В связи с известными причинами пробуксовки и затягивания окончательной победы вермахта над Красной Армией оккупационным властям пришлось искать дополнительные ресурсы для более эффективного эконо-

мического освоения (грабежа) захваченных территорий. В статье раскрывается попытка оккупантов для решения задачи применения для нужд немецкой промышленности восточных «остербайтеров» использовать возможности коллаборационистской организации Белорусская народная самопомощь, представители которой не теряли надежды на превращение ее в орган государственного управления.

В конце октября 1941 г. немецкими властями было дано разрешение на создание Белорусской народной самопомощи (БНС). Пред организацией ставились задачи оказывать помощь потерпевшему населению от военных действий через благотворительность, помогать восстанавливать разрушенный край. Несмотря на объявленные уставные задачи она не могла уклониться от содействия в вербовке «остербайтеров». Осенью 1942 г. начальник отдела труда и социальных вопросов при Генеральном комиссариате и представитель хозяйственного штаба «Ост» Г. Фройденберг обратился к руководителю белорусской самопомощи И. Ермаченко с призывом к более «интенсивной работе» в вербовке рабочей силы. Для помощи коллаборационистам были приложены «Условия труда белорусских работников в Рейхе», в которых, естественно, содержалась рекламная версия акции [1, л. 16об.]. В дальнейшем деятельность БНС в этом направлении главным образом заключалась в значительной пропагандистской поддержке. Особое внимание при этом уделялось «Белорусской газете», печатном органе коллаборантов, которая чуть ли не в каждом номере писала о пользе и необходимости пожить и поработать в культурной Германии. БНС старалась не принимать прямого участия в практических акциях по вербовке и поставке населения в Германию, иначе бы проявилось полное несоответствие целей организации – могло стать так, что не было бы кому возродить свой край, как широко декларировалось.

Кроме поставок рабочей силы в фатерлянд немецкие оккупационные власти пытались выжать максимум возможного из жестокой эксплуатации рабочих на оккупированной территории. Здесь население могло выжить, лишь устроившись на работу. Только так оно могло существовать, получая хоть какое-то мизерное продовольствие по карточкам. Людей заставляли работать под принуждением и под угрозой насилия. Таким образом, была введена всеобщая трудовая повинность. Предприятия были объявлены собственностью Рейха. Те из них, которые имели военное значение, восстанавливались и работали на нужды вермахта. Остальные, оснащенные оставшимся примитивным оборудованием, средние и мелкие предприятия были нацелены на эксплуатацию природных ресурсов и удовлетворение потребностей местной администрации.

На оккупированной территории оккупанты нашли, что рабочие здесь не дисциплинированы и имеют возможность покидать рабочие места в поисках другой работы. Решение проблемы оккупанты видели в увеличении числа чиновников на бирже, выдаче трудовых книжек. Чтобы создать иллюзию у местного населения о некоей привлекательности «нового порядка», было решено использовать свой опыт организации профсоюзной работы на предприятиях и организациях Германии. Правда, Германский трудовой фронт созданный в нацистской Германии превратился по своим целям и задачам в полную противоположность свободным профсоюзам времен Веймарской республики. Теперь он руководствовался программой национал-социалистической партии и служил делу подавления забастовок, бойкотов и демонстраций. Они уже были наполнены милитаристским запалом, который формировался в готовности к войне.

Все мероприятия с принуждением и пропагандой «честного и дисциплинированного труда», по мнению оккупантов, носили воспитательный характер. И здесь свою роль должны были сыграть профсоюзы. Им было решено представить место в этом процессе.

Первый профессиональный союз был создан в Минске в августе 1942 г. В последующем были основаны объединения в Барановичах и Вилейке. К 1 сентября 1943 г. был официально создан Профессиональный союз Беларуси с «целью достижения объединения всех трудящихся, их воспитания в европейском способе мыслей, использования их трудовой силы разумно и на пользу новой Европы» [2, с. 32] – отмечалось в указе Рейхскомиссара Остланда. Чтобы привлечь людей активнее вступать в организацию, особый акцент делался на представление льгот, в частности, оказании медицинской помощи. В случае болезни или несчастных случаев, произошедших на работе, член профсоюза получал бесплатную медицинскую помощь, обеспечивался лекарствами и простейшими медицинскими средствами. Обещалось также бесплатное лечение зубов, ибо они должны быть здоровыми для сохранения трудоспособности. Из дальнейших объяснений следовало, что все это предоставлялось, начиная с четвертого дня потери трудоспособности, и оплачивалось в половинном размере заработной платы. Для обслуживания членов профсоюза назначались местные медицинские работники, не евреи.

Выплата больным пособий производилась городскими или районными управами из средств отделов попечения. На деле это осуществлялось в урезанном виде. Другое дело, что ряд положений, относящихся к лицам, работающим в воинских частях, СС, полиции, строительной

организации Тодта и т. д., предполагали оказание им некоторой помощи, в т. ч. не только лекарствами, но и костылями, банками, шприцами и прочими средствами медицинского назначения. На эти моменты гебиткомиссариат строго указывал в своих наставлениях.

Но о какой реальной медицинской помощи большинству населения можно было говорить, когда в результате военных действий резко сократилась сеть медицинских учреждений. В Минском округе в начале 1942 г. насчитывалось в пять раз меньше больниц, в три раза врачебных участков, в девять раз – фельдшерско-акушерских пунктов чем до войны. Медицинская помощь для людей стала платной [3, с. 523].

Организационная сторона дела при формировании профсоюзов выглядела просто. Никаких первичных организаций не предусматривалось, точно так же, как и отраслевого строения. Это объяснялось нежеланием создавать почву для бюрократизма, да и просто ненужностью, по мнению немцев, усложнять проблему для организаторов профсоюза. На каждое предприятие, где было более 20 работников, назначался делегат, где работающих было свыше 100 человек, назначалось 2 делегата, причем мужчина и женщина. Главной их задачей являлось информирование руководителей предприятий о предложениях и жалобах. Кроме делегатов, из наиболее дисциплинированных рабочих назначалась группа охраны труда, которая один – два раза в месяц информировала руководителя предприятия о состоянии производства и дисциплины, по существу члены этой группы являлись надсмотрщиками за коллегами по работе. Чтобы с профсоюзными организациями больше считались, их решения санкционировали прием рабочей силы на работу. Также им вменялось создание приемлемых для руководства предприятий и работающих условий труда [2, с. 32].

Организации предприятий и учреждений были напрямую связаны с Центральным Бюро профсоюзов Беларуси. Оно имело пять отделений по основным направлениям деятельности: организационное, социального обеспечения, культурно-просветительное, профессионального обучения и денежно-материальное. Курировали деятельность этих групп немецкие офицеры. В целом деятельность всей организации от Генерального Комиссариата контролировал уполномоченный профсоюзов, шеф отдела труда и социальной политики Г. Фройденберг. Представлял руководство профсоюзов муж доверия при Генеральном Комиссаре К. Рабушка [4].

Центральное бюро имело в своем подчинении группу пропагандистов с высоким статусом. Они занимались идеологическим обеспечением необходимости существования организации, критиковали существовавшие прежние советские профсоюзы, имели возможность

информировать руководство Генерального Комиссариата о проблемах движения в виде прямых обращений к гауляйтеру. Т. е. речь шла о разрешении на проведение какого-либо мероприятия. Так, по его инициативе было проведено собрание групп охраны труда всех предприятий г. Минска. Периодически пропагандисты разрабатывали сценарии праздников, готовили агитационные материалы для работающего населения. Все это обыгрывалось в должном ключе главным печатным органом коллаборационистов «Белорусская газета». На страницах газеты часто размещались материалы о ходе кампании по созданию профсоюзов, подвергалась критике деятельность советских профсоюзов, хотя на практике активно использовались формы их работы. Показательно в этом плане освещение на страницах газеты празднование 1 Мая в Минске. Обзор праздничных мероприятий начинался с публикации пространной речи гауляйтера В. Кубе, в которой он отметил свою роль в создании белорусских профсоюзов (действительно, в других регионах оккупанты такими излишествами не занимались), было уделено внимание месту и значимости организации в жизни рабочего человека, в утверждении гармонии и радости в процессе труда. В знак серьезности своих рассуждений о справедливости он после произнесенной речи вручил отличившимся руководителям предприятий по паре ботинок. Редакция сопровождала все это соответствующим фоторядом и дала информацию о проведении праздника не только в Минске, но и в других регионах комиссариата [5]. Для населения, уже прошедшего школу советской пропаганды, эти репортажи производили были мало впечатляющими, не совсем близко к сердцу принимались такие акции в советское время.

Вся эта пропагандистская шумиха сопровождалась работой по росту численности и усилению влияния профсоюзов. Как проходил этот процесс, показал в своем отчете делегат-представитель Барановичской области, в июле 1943 г. Сначала было основано представительство, т.е. в Минске определились с руководителем организации, и потом пошла работа непосредственно в самих Барановичах. Представительством была проведена регистрация в городе и некоторых районных управах. Всего было зарегистрировано 22 555 рабочих, которые одновременно стали членами профсоюза. На каждом предприятии были определены делегаты и созданы группы охраны труда [6, л. 57–59]. В отчете также были перечислены проведенные мероприятия по улучшению работы столовых, санитарно-бытовых условий, установке радиоточек. Оккупанты, опасаясь альтернативной радиопропаганды, изымали у населения радиоприемники, оставляя при этом функционировать проводное радио, находящееся под их контролем. Говорилось

также о снабжении рабочих одеждой, которая получалась по специальным ордерам. Такая благотворительность в раздаче одежды имела сомнительный характер. Ее происхождение было связано не только с пожертвованиями членов БНС, но главным образом осуществлялась за счет террористических акций фашистов.

На новые профсоюзы была возложена задача профессиональной подготовки людей, не имевших специальности. Планировалась и кое-где была создана сеть учебных мастерских, в которых организовывались краткосрочные, в основном полугодичные, курсы. Заканчивались они экзаменами и выдачей удостоверений. Конечно, такая практика была весьма далека от существовавшей в СССР, да и в самой Германии, системы профессионального образования. Да и самим оккупантам она была не нужна. Дело заключалось в улучшении качества поставляемой рабочей силы в Германию минимальными средствами и более эффективного использования ее в самом комиссариате.

Члены профсоюза участвовали в работе постоянных комиссий по обследованию семейных трудовых ресурсов и привлечению к труду выявленных и не работающих на предприятиях подозрительных лиц. В состав этих комиссий входили также гестаповцы и полицейские. Целью их работы являлся контроль за всем трудоспособным населением. Задержанные проверялись и направлялись в особый отдел биржи труда.

Достаточно много внимания организаторами профсоюзов уделялось культурно-массовой работе. К ней привлекались оставшиеся в тылу по разным причинам работники культуры, представляющие различные жанры. Сформированные из этих лиц бригады принимали участие в проведении организуемых БНС и профсоюзами концертах в обеденные перерывы, при проведении праздников национального содержания, что не возбранялось оккупационными властями.

Пропагандисты Центрального Бюро профсоюзов разработали и предложили символику организации. Это был знак в виде зубчатого колеса, книги и колоса, что, по мысли авторов, означало производство, стремление к совершенству и благосостоянию членов организации. Центральное Бюро профсоюзов непродолжительное время издавало газету «Наш труд».

Но события на фронтах и в самом комиссариате оказывали все большее влияние на деятельность всех структур гражданской администрации. 21 сентября 1943 г. подпольщиками был уничтожен В. Кубе, в начале октября от рук партизан погиб Г. Фройденберг, имеющие непосредственное отношение к функционированию коллаборационистских структур, в том числе профсоюзов.

Изыскивая пути усиления противостояния Красной Армии, оккупанты попытались ускорить мобилизацию местного населения в борьбе с большевиками через создание Белорусской Центральной Рады. Однако надежды оккупационных властей и коллаборационистских организаций на исход войны не оправдались. Для этого не было ни военно-политических, ни других возможностей. По свидетельству современного немецкого историка, в Беларуси «с самого начала немецкой агрессии доминантой стало истребление людей, голод и террористическая по своей сущности немецкая политика» [7, с. 14]. Население в подавляющем большинстве своем видело в оккупантах причины своих страданий, считало их с их помощниками-коллаборантами, врагами, и противостояло им. Другого исхода здесь не могло быть.

Источники и литература

1. Национальный архив Республики Беларусь (далее – НАРБ). – Ф. 384. – Оп. 1. – Д. 26.
2. Стенограмма совещания высшего руководства Генерального округа «Белоруссия» / Минск, 8–10 апреля, – 1943 / Авторы – сост. С. В. Жумарь, С. Е. Новикова, Р. А. Черноглазова. – Минск : МГЛУ, 2006. – 219 с.
3. Гісторыя Беларусі : у 6 т. / А. Вабішчэвіч і інш. – Мінск : Экаперспектыва, 2006. – Т. 5. – 613 с.
4. Беларуская газета. – 1943. – 11 августа.
5. Беларуская газета. – 1943. – 9 мая.
6. НАРБ. – Ф. 555. – Оп. 1. – Д. 1.
7. К'яры, Б. Штодзеннасць за лініяй фронту. Акупацыя, калабарацыя і супраціў у Беларусі (1941–1944) / Б. К'яры. – Мінск [б. в.], 2005. – 389 с.

УДК 94:341.324.2(476.2)"1941/1945":373

Ю. В. Панков

Гомельский дворцово-парковый ансамбль, г. Гомель

ШКОЛЬНОЕ ДЕЛО В ОККУПИРОВАННОМ НАЦИСТАМИ ГОМЕЛЕ⁴

Статья посвящена работе оккупационных военных и гражданских органов Гомеля в области школьного дела. На основе документов и воспо-

⁴ Работа выполнена в рамках гранта Президента Республики Беларусь.

минаний реконструируется деятельность школ под нацистской оккупацией. Показывается роль патриотического подпольного движения по взятию под контроль сферы образования.

1 сентября 1941 г. гомельские школьники должны были пойти на занятия, но война и последующая оккупация перечеркнули их планы. Власти СССР уделяли большое внимание образованию и школьному строительству, которое стало активно развиваться в 1930-е годы. Во многих городах возводились по типовым проектам школьные здания. В городе Гомеле до начала Великой Отечественной войны действовало 38 средних и неполных школ, в которых обучалось 27 тысяч учащихся [1, л. 5].

21 июня 1941 г. в советских школах прошли выпускные, а на следующий день Германия вторглась на территорию Советского Союза. Опустевшие школьные помещения в Гомеле стали приспособляться под военные нужды. В них стали размещаться штабы и госпитали. Массированные налеты немецкой авиации на город 13–15 августа 1941 г. незначительно затронули учебные корпуса, хоть бомбежки и превратили центр в руины. Заняв Гомель, вермахт и пришедшая за ним оккупационная администрация продолжили использовать уцелевшие здания школ не по назначению. К примеру, в СШ № 11 (ул. Пролетарская, ныне – педколледж) находилось городское управление во главе с бургомистром, во 2-й Сталинской школе (ул. Интернациональное, ныне – СШ № 19) и в школе для детей железнодорожников (ул. Котовского, не сохранилась) – госпитали, в 4-й Сталинской школе (ул. Международная, ныне – начальная школа № 63) – радиопеленгаторная станция, в СШ № 17 – формиловочный пункт, в школе в Костюковке – штаб 2-й армии и т. д. Однако в Гомеле еще оставались дети, которые не смогли и не успели эвакуироваться. О возобновлении занятий речи на начальном этапе не шло. Но для оккупационных властей было важно занять местных школьников. Во-первых, для того, чтобы они не слонялись по улицам, ведь дети могли стать информаторами подпольщиков и партизан. Во-вторых, через школу можно активно пропагандировать нацистские идеи, вербовку молодежи на последующую работу в Германию и др.

22 октября 1941 г. Полевая комендатура № 551 издает распоряжение относительно школ, которое распространялось на Гомель, Уваровичи, Чечерск, Добруш, Ветку, Светиловичи, Буда-Кошелево [2, л. 125]. В нем сообщалось, что учебные заведения на занятых территориях остаются закрытыми, однако в будущем планировалось от-

крытие школ 8 ступеней и профессиональных как мужских, так и женских школ. Для этого местные органы (городская управа и старосты) должны произвести регистрацию детей с 8 до 15 лет по возрасту и полу, согласно заранее подготовленному образцу (таблица 1); подобрать и подготовить школьные здания; составить список учителей. Профессиональные школы планировалось открыть только в фабричных местах. Отдельно отмечалось то, что дети должны находиться подалеке от улиц. Данные мероприятия планировалось провести до 20 ноября 1941 г.

Таблица 1 – Образец регистрации детей, подготовленный Полевой комендатурой № 551 от 22 октября 1941 г.

Община	Число детей, подлежащих обучению															
	8 летн.		9 летн.		10 летн.		11 летн.		12 летн.		13 летн.		14 летн.		15 летн.	
	м	ж	м	ж	м	ж	м	ж	м	ж	м	ж	м	ж	м	ж

В Гомеле непосредственной подготовкой к новому учебному году занималось городское управление. При нем был создан отдел народного образования. Начать занятия планировалось с 1 сентября 1942 г., а в районах – с 1 октября. Открыть предполагалось 18 народных школ, но создать гимназию немецкие власти не разрешили. Летом 1942 г. для учителей проходил курс переподготовки, а для молодых специалистов – повышение квалификации. Педагогам должны быть прочитаны доклады о Германии и о восстановлении жизни на оккупированных территориях. Обучение готовилось по советским учебникам, однако для этого проводилась их сортировка и вымарывание тушью и чернилами неподходящих мест [3].

14 августа 1942 г. военное управление Полевой комендатуры издает наставление бургомистрам, в котором вторым пунктом значилось народное образование [4, л. 222–222об.]. В нем кратко описывался принцип действия начальных, народных и профессиональных (ремесленных) школ. Так как в Гомеле упоминаются лишь народные школы, то следует подробно остановиться на их работе. За основу была принята «семилетка», но с возможностью получения дополнительного образования в 8 классе, в котором преподавали практические предметы (ведение домашнего хозяйства, бухгалтерские курсы, печатание на пишущей машинке и т. д.). В 1 класс брали детей с 7 до 9 лет. Руководить народной школой мог ректор, старший преподаватель либо учитель.

Новый учебный год на оккупированной территории начался с осенних переэкзаменовок и испытаний. К этому времени все помещения подготовить не успели, поэтому ремонт зданий проводился и в урочное время [4, л. 216об.]. Большинство советских школ было занято военно-административными учреждениями, поэтому приходилось учиться в иных местах. Одним из старых зданий, которое удалось вернуть (возможно, только частично), стала 3-я Сталинская школа (ул. Барыкина, ныне – СШ № 3). На немецком плане Гомеля, датированным апрелем 1942 г., она обозначена как «schule» (школа) по Казарменной (немецкое переименование) улице, 81 [5]. Правда, в городе в краеведческих кругах продолжительное время бытует информация, что первый этаж здания в период оккупации использовался как конюшня, что нелогично и не подтверждается источниками [6, с. 167]. Этот миф постепенно распространился и на историю других учреждений образования города.

Благодаря сведениям гомельчанина Александра Ивановича Руденкова 1931 года рождения, удалось восстановить местоположение еще одной школы, которая находилась в бараке в районе ул. Новополесской и ул. Песина. Респондент сообщил важную информацию о школьной жизни в 1942 г.: «Мы (пацаны) узнали, что школа организуется. На завтра пошли. Пришли, значит, и там длинный барак, три двери. Мы прошли туда-сюда. Давайте в этот класс первый зайдем! Там уже были люди, пацанки были, учились. Мы зашли. Учительница такая молодая, 30–40 лет: Заходите, заходите! Одна была учительница. Там пацанов 10–15, может, сидело, и парты были. Значит, что-то было там до войны. Мы сели, сидим, туда-сюда. Приходите. До завтра! Мы пришли в школу и на завтра. Дня два-три ходили. Я ж один класс только кончил, а, по-моему, она сказала, что будет третий или четвертый класс. Там разные были хлопцы – и восемь, и десять, и двенадцать [лет]. Ну, потом после работы назавтра придут немцы в класс. Они пришли: женщина или двое мужчин. В форме не было немцев. Они между собой разговаривали по-немецки. Вот, значит, поговорили туда-сюда. Они по-русски: Нужно ходить в школу, будете заниматься, учить вас будем... Мы сидим, слушаем. А она [учительница] сказала: Как только они войдут, вы встанете и «Хайль, Гитлер!» скажете обязательно. Они вошли, мы встали, все так «Хайль, Гитлер!», да. А что поделаешь? Ну, они поговорили. Всё, ушли. Занятия окончились, мы вышли с хлопцами. Мы жили тут, все эти трое хлопцев. Мы, значит, поговорили-поговорили, я мамаше сказал. Хотите – ходите, хотите – не ходите. Мы поговорили с хлопцами. Нет! Не пойдем! После «Хайль, Гитлер!» мы больше не пойдем. Вот, если бы не сказали «Хайль, Гитлер!», мы бы пошли. Вот так мы и не пошли больше» [7].

Гомельское городское управление старалось тщательно подбирать кадры. На первое место ставилась не профессиональная, а идеологическая подготовка. Но на должность учителя партизанам и подпольщикам удавалось внедрять своих людей, используя их как в разведывательных целях, так и для контрпропаганды и агитации. Это было связано и с тем, что заведующим отделом народного образования назначили Ивана Павловича Тарасевича, который имел контакты с подпольем. Среди таких учителей была семейная пара Василия Федотовича (в 1943 г. убит в гомельской тюрьме) и Евгении Владимировны Семеновских – участников подпольной организации Ивана Железнякова. Е. В. Семеновская оставила воспоминания о своей деятельности, отдельной главой выделив работу в школе [8]. Их смогли устроить на работу в пригороде Гомеля в д. Лещинец (ныне – в черте города). Одной из целей нахождения в должности было наблюдение за воинской частью, которая располагалась неподалеку. Житель Гомеля Сергей Михайлович Гончаров 1945 года рождения указывал со слов матери, которая всю жизнь прожила в Лещинце, что местная школа размещалась в нынешнем здании по ул. Барыкина, 273 – как раз напротив воинской части. Семеновская упоминала, что перед началом занятий учителей заставляли вырывать из учебников все материалы, в текстах которых встречались имена советских вождей Ленина и Сталина. Среди уроков, которые она вела, были арифметика и чтение.

После отступления вермахта из Гомеля начала работу городская комиссия в составе Чрезвычайной государственной комиссии по расследованию злодеяний нацистов, фиксируя преступления оккупантов. В ее отчете указано, что из 38 школ сохранилось только пять, и те требуют ремонта. Безвозвратно погибли многочисленные кабинеты, оборудование и школьные библиотеки [9, л. 20об. – 21]. Однако, благодаря самоотверженному труду гомельчан, удалось восстановить практически все довоенные школы города.

Таким образом, школьное образование в оккупированном Гомеле было нацелено на овладение неполным базовым уровнем знаний. Детей учили, в основном, читать и писать. В дальнейшем выпускник мог только получить профессию рабочего либо служащего низшего звена. Сведений о наличии в Гомеле профессиональных (ремесленных) школ в источниках не выявлено, хотя город и являлся крупным промышленным центром БССР. Данные факты соответствуют видению нацистской пропаганды славян как «унтерменшей» и идее захвата «жизненного пространства на востоке», превращая оккупированную территорию в колонию, а ее жителей – в слуг. Политика нацистов в сфере школьного дела

волновала советское руководство, поэтому гомельское патриотическое подполье смогло взять под свой контроль образование и успешно противостоят пропагандистской работе оккупационных властей.

Источники и литература

1. Государственный архив Гомельской области (далее – ГАГО). – Ф. 1345. – Оп. 1. – Д. 1.
2. ГАГО. – Ф. 1318. – Оп. 1. – Д. 1.
3. Bundesarchiv (далее – ВА-МА). – NS 30/83 [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://invenio.bundesarchiv.de/invenio/direktlink/a922257b-cb21-4a67-b7cd-9ed8e658d0fe/>. – Дата доступа: 24.05.2023.
4. ГАГО. – Ф. 1316. – Оп. 1. – Д. 3.
5. ВА-МА. – RH 26-221/43 [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://invenio.bundesarchiv.de/invenio/direktlink/93475a7d-392e-4411-b873-7c176898ddc2/>. – Дата доступа: 24.05.2023.
6. Рогалев, А. Ф. От Гоминюка до Гомеля: городская старина в фактах, именах, лицах / А. Ф. Рогалев. – Гомель : Барк, 2006. – 220 с.
7. Записано Ю. В. Панковым 28.01.2023 г.
8. Музей Гомельского дворцово-паркового ансамбля. – Ф. 7. – Д. 939.
9. Государственный архив общественных объединений Гомельской области. – Ф. 144. – Оп. 5. – Д. 1.

УДК 947.085(476)

Я. С. Разэнблат, П. А. Гаўрылюк
Брэсцкі дзяржаўны ўніверсітэт
імя А. С. Пушкіна, г. Брэст

СТАН ШКОЛЬНАЙ АДУКАЦЫІ ПАДЧАС АКУПАЦЫІ 1941–1944 ГАДОЎ ПА ЎСПАМІНАХ ЖЫХАРОЎ БРЭСЦКАЙ ВОБЛАСЦІ

У дадзеным даследаванні прыводзіцца вынік апрацоўкі і аналізу ўспамінаў жыхароў Брэсцкай вобласці аб арганізацыі адукацыйнага

працэсу падчас нацысцкай акупацыі тэрыторыі Беларусі 1941–1944 гадоў. Вылучаюцца фактары і ўмовы існавання школьнай адукацыі на тэрыторыі Берасцейшчыны згодна з матэрыяламі вуснай гісторыі з падмаваннем пісьмовымі ўспамінамі.

Падзеі Вялікай Айчынай вайны і акупацыйны рэжым адыгралі значную ролю ў жыцці насельніцтва Беларусі. На некалькі гадоў змянілася ўлада і, адпаведна, палітычны рэжым. У дадзены перыяд адукацыя моладзі не з’яўлялася прыярытэтным напрамкам палітыкі немцаў. Тым не менш гэту сферу нельга было поўнасьцю ігнараваць.

Праблема арганізацыі адукацыйнага працэса на акупаваных тэрыторыях вывучаецца пры дапамозе розных крыніц, адной з якіх з’яўляюцца ўспаміны сведкаў. Згодна з азначэннем Т. К. Шчагловай вусная гісторыя вывучае не мінулае чалавечага грамадства, а само грамадства ў мінулым, што дазваляе даследаваць гістарычныя працэсы з пункту гледжання самага чалавека ці прадстаўнікоў розных сацыяльных груп людзей. Гэта значна пашырае базу гістарычных крыніц, але нельга забываць, што вусная гісторыя грунтуецца на прадуктах чалавечай памяці, якая мае суб’ектыўны, часам недакладны ці нават скажоны характар, таму што кожны чалавек успрымае рэчаіснасць індывідуальна. З-за ўплыву часу і натуральных працэсаў памяці ўспаміны губляюць сваю падрабязнасць [1, с. 36–37]. На сённяшні дзень засталіся ўспаміны сведкаў таго часу, у якіх было што сказаць пра школьную адукацыю на тэрыторыі Беларусі 1941–1944 гг. У дадзеным выпадку выкарыстаныя матэрыялы, што былі сабраныя студэнтамі гістарычнага факультэта БрДУ імя А. С. Пушкіна ў 2013 годзе. Прадстаўленыя інтэрв’ю – гэта ўспаміны 29 рэспандэнтаў, пры гэтым 6 з іх на 1941 год было ва ўзросце ад 6 да 10 гадоў, 18 чалавек ад 11 да 16, 3 чалавекі ад 17 да 20 і адзін не назваў год свайго нараджэння. Гэта азначае, што большая частка рэспандэнтаў падчас вайны былі ў школьным узросце і іх непасрэдна тычыўся стан адукацыі. Таксама толькі 5 рэспандэнтаў у перыяд акупацыі жылі ў горадзе, а астатнія 24 з’яўляліся сельскімі жыхарамі. 12 з 29 рэспандэнтаў сцвярджае, што ў іх мясцовасці не вучыліся.

Каб удакладніць некаторыя з фактаў, атрыманых ад рэспандэнтаў, пажадана выкарыстоўваць альтэрнатыўныя крыніцы. У дадзеным выпадку будуць прыводзіцца апублікаваныя раней ўспаміны жыхароў горада Брэста З. П. Смірновай 1934 года нараджэння, якія прыведзены ў кнізе «Подполье непокорённого города» [2], а таксама Л. Плахт і Я. Летуна з публіцыстычных даследаванняў В. В. Сарычава [3].

Зыходзячы з аналізу ўспамінаў відавочнымі з'яўляюцца наступныя фактары, ад якіх залежыў стан адукацыі:

1. Мясцовасць (у залежнасці ад тыпу населенага пункта і колькасці насельніцтва вызначалася мэтазгоднасць адкрыцця ўстаноў адукацыі);

2. Наяўнасць будынку для школы (на дадзеным этапе пабудова новых памяшканняў спецыяльна для школ не прадугледжвалася). Даволі часта згадваюць, што немцы разбуралі савецкія ўстановы ці звычайна занімали будынкi школ, а новае месца для вучобы не прапаноўвалі. Успамінаюць выпадкі, калі школы знішчалі пасля кантактаў насельніцтва з партызанамі ці зачынялі пасля паражэнняў немцаў на фронце, каб размясціць у іх будынках шпіталі для салдат [4]. У некаторых месцах ініцыятыўныя настаўнікі самі арганізоўвалі заняткі: урокі праходзілі ў хатах, дзяцей вучылі звычайнай грамаце [5, 6]. Так, напрыклад, З. П. Смірнова пісала, што некаторы час вучылася ў «польскай дзяўчыны», якая кожны дзень збірала невялікую групу дзяцей, выдавала ім сшыткі і алоўкі і ў працэсе гульні навучала іх польскай мове. Складана вызначыць, была гэта афіцыйная школа ці ўзгодненая з акупацыйнымі ўладамі ініцыятыва самой настаўніцы, але ў кантэксце акупацыйнага рэжыма гучыць незвычайна. Некаторыя жыхары вёсак наведвалі школы ў больш буйных населеных пунктах, каб мець магчымасць атрымліваць пачатковую адукацыю [2];

3. Наяўнасць настаўнікаў. Нягледзячы на савецкую палітыку ліквідацыі непісьменнасці сярод насельніцтва, што праводзілася ў Заходняй Беларусі напярэдадні вайны, адукаваных ці нават дастаткова граматных людзей было не вельмі шмат, а пэўную частку настаўнікаў і мясцовай інтэлігенцыі паспелі эвакуіраваць, акрамя таго самі немцы здзяйснялі вываз мясцовых жыхароў акупаваных тэрыторый на працу ў Германію, і настаўнікі былі не выключэннем, таму школы не адкрывалі ці для працы прыязджалі настаўнікі з іншай мясцовасці [7];

4. Пачуццё небяспекі саміх людзей. Згадваецца выпадак, што рэспандэнту не дазвалялі наведваць школу бацькі, бо хваляваліся, што ў школе немцы могуць зрабіць нешта з дзецьмі [8]. Ужо іншы рэспандэнт паведаміў, што перастаў хадзіць у школу, пасля таго як вуліцу, дзе яна знаходзілася, акружылі і забіралі людзей для вывазу ў Германію [9]. Падобная выпадак быў з яшчэ адным рэспандэнтам, але ён пакінуў школу ў 1944 г. з-за пагрозы вывазу ў Германію, аб якой папярэдзіў сам дырэктар школы [10]. Па асаблівай прычыне перастала наведваць школу і Л. Плахт, якая апісвала, што падчас урока Закона Божага, які праходзіў у царкве, будынак акружылі немцы і перагналі дзяцей ў бліжэйшы ваенны шпіталь для пералівання крыві раненым

салдатам; да яе чарга не дайшла, але бацькі адмовіліся адпускаць дзяўчыну ў школу [3].

5. Матэрыяльная магчымасць людзей (бывала, што ў людзей звычайна не было часу адрывацца ад працы, таму школу было адкрываць бессэнсоўна. Таксама ўспамінаюць, што некаторым дзецям прыйшлося адмовіцца ад адукацыі, таму што ў іх звычайна не было адзення і абутку, каб наведваць школу [11]).

Неабходна адзначыць, што моўная палітыка адбівалася на адукацыі. 9 чалавек паведамляе, што навучанне вялося на ўкраінскай мове, 3 – на рускай. З іх 6 дадаткова вывучалі нямецкую. Ёсць успаміны, што ў некаторых школах у пачатку заняткаў класам неабходна было ўстаць і спяваць украінскі гімн [12]. Цікава тое, што вучыліся на рускай мове ў тых мясцовасцях, якія ўваходзілі ў рэйхскамісарыят “Украіна”. Магчыма, справа ў тым, што не было настаўнікаў, якія ведалі ўкраінскую мову, ці большасць насельніцтва размаўляла выключна на рускай мове.

Ёсць супярэчныя сведчанні аб кошту адукацыі. Рэспандэнты згадваюць, што навучанне ў школе было бясплатным, але не абавязковым [8]. Тым не менш выбіваюцца звесткі З. П. Смірновой, якая паведамляла, што першапачаткова ўкраінская школа, якую яна наведвала, была платнай, але калі немцы заўважылі, што далёка не ўсе сем’і могуць сябе такое дазволіць, было вырашана браць плату не з усіх [2].

Што наконт сродкаў навучання – у розных месцах матэрыяльная база адрознівалася. Хтосьці з рэспандэнтаў паведаміў, што ніякіх падручнікаў не было, іншы ўспамінае савецкія падручнікі разам з новымі, украінскімі [13]. У З. П. Смірновой пазначана, што ў пачатку навучання, нягледзячы на тое, што школа была ўкраінскай, дзецям выдалі рускія буквары, у якіх ім трэба было заклеіваць ўсю інфармацыю, звязаную з савецкай уладай [12]. Тое ж самае згадваў Я. Летун, які вучыўся ў 3 класе рускай школы: з даваенных падручнікаў вырывалі асобныя лісты і выкрэсліваліся месцы, якія тычыліся савецкіх дзеячаў [3].

Адзін з вучняў, які наведваў школу ў горадзе Брэсце, раскажаў, што пры школе быў агарод, у якім часам працавалі вучні па загаду дырэктара. Потым прадукты агародніны спажывалі настаўнікі [10]. Л. Плахт таксама ўспамінала, што час ад часу школьнікі былі вымушаны займацца падсобнай гаспадаркай за мясцовым паркам, палоць градкі пад наглядам немца з бізуном [3].

Школьная адукацыя падчас акупацыі выглядала наступным чынам: цэнтрамі адукацыі былі гарады, а ў сельскай мясцовасці наяўнасць школ залежыла ад магчымасці мясцовай моладзі яе наведваць і наяўнасці прыдатных будынкаў, якія нярэдка займалі нямецкія

войскі для сваіх патрэб; педагогаў не хапала, што магло быць падставай для закрыцця школ ці запрашэння спецыялістаў з іншых мясцовасцей; значную ролю ў навучанні мела моўная палітыка акупантаў, а матэрыяльнае забеспячэнне школ магло адрознівацца, але ў пераважнай большасці было благім. Таксама трэба адзначыць, што існуючая база крыніц па дадзенай праблеме з'яўляецца фрагментарнай, а матэрыялы вуснай гісторыі ў сукупнасці з іншымі відамі крыніц дазваляюць ўдакладніць, выявіць супярэчнасці і ўявіць больш падрабязна стан адукацыі на акупаваных тэрыторыях Берасцейшчыны падчас Вялікай Айчынай вайны.

Крыніцы і літаратура

1. Щеглова, Т. К. Устная история: учеб. пособие / Т. К. Щеглова. – Барнаул : АлтГПА, 2011. – 364 с.
2. Смирнова, Т. Н. Подполье непокорённого города / Т. Н. Смирнова, З. П. Смирнова. – Урень, 2004. – 252 с.
3. Сарычев, В. В. В поисках утраченного времени. Книга 5-я: Брест цвета фельдграу / В. В. Сарычев. – Брест : Брестская типография, 2013. – 300 с.
4. Кецько, Н. Я. Інтэрв'ю. / Аўдыёзапіс. – Архіў кафедры ўсеагульнай гісторыі БрДУ.
5. Клундук, А. В. Інтэрв'ю. / Аўдыёзапіс. – Архіў кафедры ўсеагульнай гісторыі БрДУ.
6. Паксімок, Н. Р. Інтэрв'ю. / Аўдыёзапіс. – Архіў кафедры ўсеагульнай гісторыі БрДУ.
7. Ківачук, В. І. Інтэрв'ю / Аўдыёзапіс. – Архіў кафедры ўсеагульнай гісторыі БрДУ.
8. Гаркаўчук, І. В. Інтэрв'ю. / Аўдыёзапіс. – Архіў кафедры ўсеагульнай гісторыі БрДУ.
9. Гарохава, В. А. Інтэрв'ю. / Аўдыёзапіс. – Архіў кафедры ўсеагульнай гісторыі БрДУ.
10. Зданевіч, А. Д. Інтэрв'ю. / Аўдыёзапіс. – Архіў кафедры ўсеагульнай гісторыі БрДУ.
11. Рамановіч, О. Г. Інтэрв'ю. / Аўдыёзапіс. – Архіў кафедры ўсеагульнай гісторыі БрДУ.
12. Вероха, І. І. Інтэрв'ю. / Аўдыёзапіс. – Архіў кафедры ўсеагульнай гісторыі БрДУ.
13. Мішэвіч, С. І. Інтэрв'ю. / Аўдыёзапіс. – Архіў кафедры ўсеагульнай гісторыі БрДУ.

З. А. Александрович
Учреждение «Государственный
архив Гомельской области»

**ИНФОРМАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ
ПРОВЕРОЧНО-ФИЛЬТРАЦИОННЫХ ДЕЛ
КАК ИСТОЧНИКОВ
ПО ИСТОРИИ БЕЛОРУССКОГО НАРОДА
В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ**

В публикации представлен обзор на архивный фонд Филтрационных дел и трофейных документов на бывших военных и репатриированных советских граждан, находящихся на хранении в учреждении «Государственный архив Гомельской области». Проверочно-филтрационные дела – новый, только начинающий вводиться в научный оборот источник, который дает возможность получить более объемную картину такого явления в истории белорусского народа в годы Великой Отечественной войны, как насильственный угон населения для работы на предприятиях Германии и оккупированных ею стран, длительное пребывание их за границей, освобождение и возвращение на родину.

Архивный фонд Филтрационных дел и трофейных документов на бывших военных и репатриированных советских граждан был сформирован из переданных Управлением КГБ по Гомельской области в Государственный архив Гомельской области 24828 дел. Это не просто цифра учтенных единиц хранения, это 24828 свидетельств изломанных, искалеченных войной судеб советских граждан.

Летом 1944 года в результате Белорусской наступательной операции войск Красной Армии территория БССР была полностью очищена от немецко-фашистских захватчиков. По мере продвижения советских войск на запад, освобождались от немецкого рабства огромные массы людей, насильственно вывезенные из СССР. Для упорядочения возвращения граждан на родину прилагалось немало усилий Советского правительства и стран-союзников.

Все возвращающиеся на родину насильственно вывезенные или оказавшиеся за границей по другим причинам граждане подлежали учету и проверке. 24 августа 1944 года Государственный Комитет Оборона (далее – ГКО) СССР принял постановление «Об организации приема возвращающихся на родину советских граждан, насильно уведенных немцами, а также по разным причинам оказавшихся за пограничной линией между СССР и Польшей», согласно которому

вдоль границ СССР создавались проверочно-фильтрационные пункты (далее – ПФП) НКВД и структуры в республиканских органах власти, обеспечивающие их работу [1, с. 172]. В августе 1944 года при Совнарком БССР был создан отдел по приему и устройству граждан, возвращавшихся из немецкой неволи, а позже при облисполкомах были организованы отделы по репатриации. 15 января 1945 года отдел по приему и устройству граждан, возвращавшихся из освобожденных территорий, был реорганизован в отдел СНК БССР по делам репатриации граждан СССР, а 22 января 1946 года – в отдел переселения и репатриации [1, с. 173].

29 августа 1944 г. ГКО СССР принял постановление № 533с «О мероприятиях по приему возвращающихся на родину советских граждан, насильно уведенных немцами, а также по разным причинам оказавшихся за пограничной линией между СССР и Польшей», в соответствии с которым пограничные войска НКВД Белорусского округа должны были обеспечивать пропуск через существовавшие контрольно-пропускные пункты между СССР и Польшей возвращающихся, а также доставку их на проверочно-фильтрационные пункты НКВД. Наркому внутренних дел БССР Бельченко С. С. было поручено организовать проверочно-фильтрационные пункты в Гродно, Волковыске, Пружанах, Высоко-Литовске и Бресте для фильтрации возвращающихся граждан [1, с. 173].

4 октября 1944 года был назначен Уполномоченный СНК СССР по делам репатриации граждан СССР из Германии и оккупированных ею стран. Им стал генерал-полковник Ф. И. Голиков. 23 октября 1944 года создается Управление Уполномоченного СНК СССР по делам репатриации граждан СССР из Германии и оккупированных ею стран. На каждый фронт прибыли представители Управления для выявления, учета и регистрации освобожденных и направления их на родину организованным порядком. В составе фронтов формировались фронтовые сборные и сборно-пересыльные пункты (далее – СПП) и лагеря. Армейские СПП занимались в основном бывшими военнопленными, фронтовые – гражданскими лицами. Армейские и фронтовые СПП собирали репатриантов, оказывали им медицинскую и материальную помощь и отправляли репатриантов по назначению [1, с. 174–175].

К середине августа 1945 г. на территории БССР действовало 11 сборно-пересыльных пунктов Народного комиссариата обороны (далее – НКО). В созданных пунктах проводилась проверка репатриантов. Им оказывалась необходимая материальная помощь, там было налажено питание и медицинское обслуживание. Репатрианты, прошедшие проверку, далее следовали к прежнему месту жительства либо в спецлагеря и на спецпоселение.

14 мая 1945 г. нарком внутренних дел СССР Л. П. Берия издал приказ «О проверке и фильтрации освобождаемых нашими войсками советских граждан на фронтовых сборно-пересыльных пунктах». В приказе отмечалось, что в целях организации проверки и фильтрации освобожденных союзными войсками и частями Красной Армии советских граждан непосредственно на СПП фронтов и в лагерях для репатрируемых советских граждан следовало при каждом фронтовом сборно-пересыльном пункте и лагере для репатрируемых советских граждан (из числа гражданских лиц) организовать проверочно-фильтрационные комиссии из представителей НКВД СССР (председатель комиссии), контрразведки НКО «Смерш» и НКГБ СССР (члены комиссии). Был установлен срок проверки не более 1–2 месяцев. Всех проверенных на сборных пунктах предлагалось направлять в соответствии с указанным приказом средствами сборных пунктов и лагерей, репатрируемых в порядке, для них установленном:

а) всех мужчин призывного возраста и бывших военнослужащих Красной Армии, не вызывающих подозрений, в распоряжение военного командования;

б) гражданских лиц, не вызывающих подозрений и не подлежащих направлению в Красную Армию, к месту их постоянного жительства, за исключением жителей пограничной полосы – Литовской ССР, БССР, УССР, Молдавской ССР, которых в места их постоянного жительства следовало направлять только через соответствующие пограничные проверочно-фильтрационные пункты;

в) бывших военнослужащих Красной Армии и мужчин призывного возраста, служивших в немецких воинских формированиях, полиции и «власовских» частях, направлять в проверочно-фильтрационные лагеря НКВД для дальнейшей их проверки;

г) лиц, в отношении которых были получены достаточные данные об их вражеской работе, следовало арестовывать и направлять в соответствующие органы НКВД – НКГБ или НКО «Смерш» по месту совершения преступления или постоянного жительства для ведения следствия;

д) остальные лица, вызывающие подозрение, но не подвергаемые аресту в связи с недостаточностью материалов, направлялись также по месту постоянного жительства с пересылкой личных фильтрационных дел в соответствующие органы НКВД для взятия на оперативный учет и под агентурное наблюдение [1, с. 188–189].

22 января 1946 г. был издан приказ НКВД СССР № 0075 «О передаче проверочно-фильтрационных лагерей ГУЛАГу и расформировании лагерей НКВД СССР» [1, с. 190–191]. ПФП были переданы соответствующим территориальным органам внутренних дел. Этим же

приказом на 1-й спецотдел НКВД СССР были возложены персональный учет всех лиц, прошедших и проходящих через проверочно-фильтрационные лагеря и областные проверочно-фильтрационные комиссии (далее – ПФК), а также составление сводных данных об итогах проверочно-фильтрационной работы.

Каждого репатрианта, прибывшего в ПФП, ПФЛ или ИТЛ, к месту постоянного жительства или в спецпоселение, а также находившегося в рабочем батальоне, необходимо было зарегистрировать в течение 24 часов с момента прибытия или выявления. В учетных карточках отражались сведения о перемещении (прибытии, убытии) и их причины. Документы о прохождении репатриантом фильтрационных проверок формировались в особые фильтрационные дела. Фильтрационные дела включают документы, созданные фронтовыми или пограничными СПП (лагерями) либо ПФП; местными ПФК; трофейные и личного характера.

В каждом архивном фильтрационном деле имеется регистрационный лист на репатрианта, проходившего регистрацию на фронтовом СПП. Он заполнялся от руки со слов регистрируемого на специальном бланке и содержал сведения по 14 пунктам: фамилия, имя и отчество, год и место рождения, национальность, специальность, последнее место жительства и работы (для военнослужащих – наименование воинской части), партийность; причины появления на территории другого государства; информация об аресте, допросах, задержании, штрафах со стороны немецких властей (где, когда и за что); содержание в специальных лагерях противника и род занятий там (указывалось наименование лагеря и адрес); прохождение службы в немецкой армии, полиции, отрядах, воинских частях, госпиталях, строительных и иных батальонах, создававшихся противником, и немецких учреждениях, предприятиях, организациях (в каких, в качестве кого), а также состав изъятых при регистрации документов, место проживания близких родственников, с указанием точного адреса, пункт следования на постоянное место жительства с обозначением времени убытия из лагеря.

Например, регистрационный лист из фильтрационного дела Механикова Ф. Я.:

«РЕГИСТРАЦИОННЫЙ ЛИСТ

на прошедшего регистрацию в лагере № 280 или СПП
дислоцирующемся в населенном пункте гор. Равич

1. Фамилия, имя и отчество *Механиков Федот Яковлевич*
2. Год и место рождения *1909 г. рождения, Гомельская область, Буда-Кошелевский район, д. Струки*
3. Национальность *белорус*

4. Образование *начальное (4 кл.)*
5. Специальность *колхозник*
6. Последнее место жительства и работа на территории СССР
(для военнослужащих указывать наименование воинской части)
*в Гомельской обл., Буда-Кошелевский район, д. Струки, работал
в колхозе*
7. Состоял ли в ВКП(б) или ВЛКСМ *не состоял*
8. Почему оказался на территории другого государства
*немецкой облавой был пойман в лесу и насильственно вывезен в Гер-
манию. 14 октября 1943 г.*
9. Подвергался ли арестам, допросам, штрафам со стороны
немецких властей (где, когда и за что) *не арестовывался
не задерживался*
10. Содержался ли в спецлагерях противника и что там делал
не содержался
11. Проходил ли службу в немецкой армии, полиции, отрядах,
воинских частях, госпиталях, строительных и иных батальонах, созда-
вавшихся противником, и немецких учреждениях, предприятиях, ор-
ганизациях (в каких, в качестве кого) *не служил, не проходил, в Гер-
мании работал на с/х с 21.06.1944 по 23.10.1944 в г. Гера-Тюрингии,
остальное время работал на железной ф-ке в г. Гера-Тюрингии в ка-
честве рабочего*
12. Какие документы отобраны при регистрации *сдал немецкую
рабочую книжку и рабочую карту*
13. Где проживают близкие родственники, кто именно (указать
точный адрес) *жена и сын проживают в Гомельской области Буда-
Кошелевский район, д. Струки. Брат служит в Красной Армии*
14. Куда следует на постоянное место жительства в Гомельскую
обл. Буда-Кошелевский р-н, д. Струки

Правильность данных мною сведений подтверждаю */подпись/*
Регистрационный лист заполнил */подпись/*
Регистрационный лист проверил */подпись/*
Председатель регистрационной комиссии НКВД СССР
/подпись/

Удостоверение о направлении на постоянное место жительства
получил */подпись/*

Убыл из лагеря» [2, л. 5–5об.].

В процессе фильтрационной проверки репатриант проходил ан-
кетирование. Для этого применялся имевший табличную форму

бланк. Анкета заполнялась оперативным сотрудником ПФК со слов проверяемого. Опрос проводился по 29 пунктам и предполагал более подробные сведения о репатрианте: об образовании, владении иностранными языками, трудовой деятельности до оккупации, отношении к воинской службе, прохождении службы в Красной армии, начиная с 1939 г. (участие в боевых операциях, награды, обстоятельства, при которых оказался в плену, на оккупированной территории или в окружении), роде занятий и месте жительства на оккупированной советской территории, наличии судимости (характер наказания), личном знакомстве с изменниками Родины (сведения о них), времени и обстоятельствах возвращения в СССР (индивидуально или в группе, добровольно или принудительно), лицах, подтверждающих предоставленные сведения (фамилия, имя, отчество, адрес, род занятий).

На бланке было отведено место для фотокарточки репатрианта и дактилооттиска. В примечании к анкете оговаривалась возможность дополнительного допроса. В конце бланка помещалось заключение фильтрационной комиссии, в котором, как правило, указывались наличие или отсутствие компрометирующих материалов на репатрианта, обстоятельства попадания на территорию врага (насильственный угон, добровольный выезд, плен и т. п.) и решение фильтрационной комиссии (куда направлены репатриант и его фильтрационное дело).

Иногда на репатриантов (в первую очередь находившиеся в плену красноармейцев) заполнялся опросный лист, включавший 28 пунктов, сходный по форме с анкетой. Вопросы касались социального происхождения и положения опрашиваемого, почти половина их относилась к прохождению воинской службы, пленению и т. п.

Заполняя анкеты и опросные листы, кроме стандартных сведений, репатрианты описывали места, где они работали, характеризовали своих работодателей, условия труда (вид и объем работ, размер вознаграждения, наказания), при этом они часто отмечали невыносимые условия жизни, систематические издевательства, называя имена конкретных виновников.

Часто к анкете прилагался протокол допроса (рукописный или на специальном бланке). В нем сообщались основные персональные данные допрашиваемого лица, как правило, о трудовой деятельности и месте проживания гражданина до и в период оккупации, обстоятельства выезда с постоянного места жительства (у военнослужащих – обстоятельства попадания в плен или окружение). О роде занятий за границей (в плену), допросах и наказаниях со стороны оккупантов и др. Текст протоколов допросов на ПФП занимал обычно не более двух страниц. Из протокола допроса Вдовенко Ксении Петровны (прово-

дил начальник Гомельского районного отдела МВД, капитан) 27 августа 1946 г.: «...Перед Отечественной войной я работала в г. Слониме в поликлинике сестрой, где и осталась при захвате г. Слонима немцами, так как я из Слонима эвакуировалась, но наш эшелон был разбомблен под г. Барановичами, в то время как немцы зашли к нам в тыл, поэтому я пешком отправилась к родителям в д. Бобовичи, куда прибыла 10 или 18 ноября 1941 г., где и проживала до января или февраля 1942 г. В феврале или январе 1942 г. я добровольно поступила работать медсестрой в Гомельскую городскую больницу, находившуюся на Госпитальной, д. 9. В этой больнице я работала до 15 октября 1943 г., после чего ушла к родителям в д. Бобовичи.

Вопрос: Какой контингент больных находился в городской больнице?

Ответ: В данной больнице находились на излечении из числа гражданского населения.

Вопрос: При каких обстоятельствах вы попали в Германию

Ответ: При отступлении немцев я ушла в д. Бобовичи к родителям, где 24 октября 1943 при эвакуации немцами населения д. Бобовичи меня, так же немцы эвакуировали и в д. Сосновка зачислили в рабочий батальон, название которого не помню. С этим батальоном я попала под г. Пултуск (Польша), где пробыли 6–7 месяцев и работали под р. Нарвой по рытью окопов, а содержались в сараях местных жителей. При приближении Красной Армии к Пултуску нас отправили в деревню под Гумбинин. Название деревни не помню, где пробыла около 2 месяцев. Жили в бараках и работали на рытье окопов. Из-под Гумбинина была направлена в д. Пайза (Восточная Пруссия). В Пайзе я содержалась в лагерях и работала на складах, где и была освобождена 16 апреля 1945 г. частями Красной Армии...» [3, л.10–11об.].

В фильтрационных делах имеются автобиографии, написанные гражданами на ПФП либо полученные от них в результате дополнительных проверок по прибытии на постоянное место жительства. В них содержатся достаточно подробные сведения, интересные детали, связанные с деятельностью репатрианта в период оккупации, во время нахождения в плену и после возвращения на родину.

Например, автобиография бывшего военнопленного Штапенко Петра Ильича, 1917 года рождения, уроженца д. Потаповка Буда-Косшелевского района (документ рукописный, сохранена стилистика):

«...4 мая был призван в Армию, служил в г. Курск. Когда война началась, то я выехал в бой под Витебском. С 24 июля по 5 сентября 1941 г. был в бою. Тогда попал в окружение и бился до последнего патрона и, где я не мог выйти из окружения. Попал я 5 сентября 1941 г.

в городе Чернигов в плен фашистам. Тогда нас стали собирать по фронтовой полосе и гнать в лагерь в город Гомель. Здесь над нами стали издеваться, голодом морить, бить и вешать. Ну я все же [был вынужден уйти куда-то]. Я ушел 5 декабря 1941 г. из Лагеря домой и не успел достать оружия и пойти в партизаны, как нас местная полиция передала фашистам под винтовками. Выйти нам никак не было возможным, когда нас погнали в Журавичи. Здесь нас оцепили фашисты и погнали перед собой на город Могилев. Здесь мы сидели за колючей проволокой и еще фашисты стояли кругом проволоки. Здесь мы были долгое время, а потом нас погнали в другой город Борисов. Здесь тоже за проволоку посадили, на работу никуда не пускали, Кормежка была очень плохая....Потом нас отправили из города Борисова на Вильно. Здесь еще стало хуже, стали отбирать сапоги и ремни, шинели, ...и холодно, и голодно и никуда нас не пускали. Сидели как звери в клетке, через проволоку только и смотрели, что на свете делается. Здесь нас много помучав и отправили в город Митав. Здесь над нами тоже издевались. Голодом морили, били. Потом нас отправили в Ламздорф, потом нас отправили на шахту в город Муалавици работать. В шахтах я заболел туберкулезом. Прошел рентген у фашистов и отправили меня в лагерь в госпиталь, и я пролежал до прихода союзников. Нас освободили 17 апреля 1945 г...» [4, л. 3–3об.].

Во многих фильтрационных делах значительный объем информации составляет официальная переписка по поиску и проверке граждан. Она обычна включает письма местных органов внутренних дел, направленные на выявление и уточнение данных о местонахождении репатрианта, справки адресных бюро, местных органов (сельсоветов и т. п.) о деятельности проверяемого и его родственников до войны, характеристики и др. Например, характеристика на Ильеву М. Л.: «дана Потаповским сельсоветом, в том, что Ильева Мария Леонтьевна, 1917 года рождения, уроженка д. Потаповка Буда-Кошелевского района, до войны работала в колхозе, во время немецкой оккупации была угнана немецкими властями в Германию. В настоящее время, т. е. в 1945 г. прибыла из Германии и находится дома в д. Потаповка» [5, л. 8].

После прохождения фильтрации репатрианты получали удостоверение о направлении на постоянное место жительства. В нем указывались пункт отправления данного репатрианта, время нахождения на ПФП и адрес следования. Документ заверялся угловым штампом и печатью СПП и подлежал передаче в местный орган внутренних дел для получения вида на жительство.

Особый интерес для исследователя представляют трофейные материалы и документы личного характера, включенные в фильтрационные дела. Трофейные материалы требуют перевода с немецкого

языка или языка другого государства, где находился репатриант. Трофейные материалы чаще всего представлены учетными карточками военнопленных, которые велись немцами в лагерях и рабочих командах. Встречаются две их разновидности. В одной содержатся основные персональные данные о военнопленном: фамилия, имя, отчество, год и место рождения, род войск и номер войсковой части, воинский чин, прохождение службы, профессия, с какого времени в плену, имена родителей, а также номер лагеря, где содержался, и личный номер. Другая (личная карточка военнопленного), помимо вышеназванных сведений, включала информацию о национальности, физических данных и особых приметах узника, возможности его использования. На ней помещались фотография и дактилооттиск.

Среди фильтрационных материалов встречаются и документы, созданные во время пребывания граждан на территории других государств и выданные им на руки работодателями и местными властями (паспорт, временное удостоверение личности, рабочая книжка и рабочая карта оstarбайтера и др.), а также взятые ими при отправке со своего места жительства (паспорт гражданина СССР, красноармейская книжка, письма, фотографии, личные записи и др.). В документах, выдававшихся восточным рабочим, помимо основных личных данных фиксировались место работы, дата поступления и увольнения, адрес проживания, размер выдаваемой зарплаты, рабочая категория и др. Крайне редкими являются эпистолярные источники. Письма репатриантов могут содержать сведения о быте, условиях содержания.

Итоговым документом фильтрационной проверки является заключение проверявших репатрианта местных органов внутренних дел и госбезопасности. В нем фиксировались полученные результаты: наличие либо отсутствие компрометирующих материалов, характер выезда за рубеж (насильственный, добровольный) и решение проверяющих органов.

Проверочно-фильтрационные дела различаются по объему и составу документов. Одни включают почти полный перечень названных документов, другие – только регистрационный лист, анкету и учетную карточку. В значительной мере объем и состав документов дела зависят от личности проверяемого и степени вероятности обнаружения на него компрометирующего материала.

До последнего времени проверочно-фильтрационные дела не подвергались научной обработке и только частично использовались для выдачи гражданам справок, подтверждающих факт их насильственного угона немецкими оккупационными властями на принудительные работы в Германию. Официальные и личные документы, входящие в состав проверочно-фильтрационных дел – новый, только

начинающий вводится в научный оборот источник. В совокупности с трофейными документами проверочно-фильтрационные дела помогают выяснить, на каких работах использовались советские граждане, условия их содержания, размер получаемой заработной платы и так далее. В них отражены сведения об обстоятельствах пленения и последующем нахождении в плену военнослужащих Красной армии. Протоколы допросов, автобиографии содержат интересные подробности о пребывании на оккупированной территории, мероприятиях, проводимых оккупационными властями, имевших место акты сопротивления им со стороны населения. Введение в научный оборот документов проверочно-фильтрационных дел дополняют источниковую базу по истории белорусского народа в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.

Источники и литература

1. Белорусские оstarбайтеры: ист.-аналит. исслед. / Г. Д. Кнатько, В. И. Адамушко, Н. А. Бондаренко, В. Д. Селеменев; Под ред. Г. Д. Кнатько. – Мн. : НАРБ, 2001. – 336 с.
2. Фильтрационное дело на Механикова Ф. Я. 17.01.1946–17.01.1946 // Учреждение «Государственный архив Гомельской области» (далее – ГАГом). – Ф. 3100. – Оп. 2. – Д. 4279.
3. Фильтрационное дело на Вдовенко К. П. 27.08.1946–16.02.1995 // ГАГом. – Ф. 3100. – Оп. 1. – Д. 4843.
4. Фильтрационное дело на Штапенко П. И. 05.06.1946–22.07.1946 // ГАГом. – Ф. 3100. – Оп. 2. – Д. 4285.
5. Фильтрационное дело на Ильеву М. Л. 04.02.1946–13.04.1993 // ГАГом. – Ф. 3100. – Оп. 2. – Д. 4290.

УДК 94:343.819.5(476.2–37Калинковичи)"1944"

Д. М. Толочко, А. В. Ярославский
Гомельский государственный университет
имени Ф. Скорины, г. Гомель

ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ ЛАГЕРЯ СМЕРТИ ОЗАРИЧИ

Статья посвящена истории создания лагеря смерти Озаричи. Причины его создания были следующие: очистка прифронтовой территории от гражданского населения, умышленное распространение эпидемии сыпного тифа среди гражданского населения с целью последующего заражения войск Красной Армии.

Беларусь испытала на себе все ужасы Великой Отечественной войны. В стране существует масса мест, которые напоминают о событиях войны, прошедшей в 1941–1945 годах. Одним из таких является Лагерь смерти Озаричи. Целью этой статьи является выявить причины и предпосылки этого лагеря, а также его задачи.

История концентрационного лагеря «Озаричи» берет свое начало в ноябре 1943 года, когда осеннее наступление Красной Армии освободило от немецко-фашистских захватчиков восточные районы Беларуси. Войска 19-го корпуса генерала Д. И. Самарского подходили к полесским болотам. 37-я гвардейская дивизия генерала Е. Г. Ушакова с артиллерийской бригадой полковника С. Е. Колесникова и часть сил 60-й стрелковой дивизии полковника А. В. Богоявленского вклинились в границы Октябрьского и Домановичского районов, образовав так называемый Паричский выступ [1, с. 349].

С начала декабря между опорными пунктами врага Паричи и Озаричи существовали так называемые партизанские ворота: через эту широкую брешь в обороне противника в партизанскую зону перебрасывалось оружие, боеприпасы, радиоаппаратура, почта. Благодаря этому активность партизан в прифронтовых зонах возрастала, вызывая весьма серьезную угрозу для немецких войск. Это, естественно, вызывало ответную реакцию у оккупантов. За предполагаемую связь с партизанами немцы проявляли особую жестокость, проводя карательные операции. Если в начале войны фашисты расстреливали за связь с партизанами, то уже к 1943 году за то же самое сжигались дотла целые деревни с мирными жителями.

Но не только таким способом немецкое командование боролось с активными партизанскими действиями, оно бросило огромные силы для закрытия «партизанских ворот», затянув тем самым освобождение Октябрьского и Домановичского районов. В конце декабря 1943 года «ворота» и вовсе были закрыты. Но «успех» 9-й армии вермахта был недолгим. В начале 1944 года 65-я армия генерала Батова получила задачу восстановить утраченное положение на Паричском направлении и разгромить Калининковскую группировку противника. 14 января при поддержке партизан были освобождены Калининичи и Мозырь, 20 января освободили Озаричи.

Уже к концу февраля 1944 года, упорно сопротивляясь, под натиском Красной Армии немецкие части оставили ранее занимаемые позиции, но стремились занять более выгодное расположение и в условиях лесисто-болотистой местности усиленно возводили оборону. Строили дзоты, опорные пункты, рыли траншеи, чтобы комфортно противостоят неминуемому наступлению войск противника. Для таких работ требовалась рабочая сила.

31 января 1944 г. командующий 9-й германской армией генерал Йозеф Гарпе (в других источниках – Харпе) издал приказ «О добровольных помощниках из числа гражданского населения». Командиры различных немецких подразделений отдавали приказ своим подчиненным об отборе работоспособных лиц из числа местного населения, которых использовали на принудительных работах по обустройству оборонительных укреплений [2, с. 152].

Однако нацисты решили использовать гражданское население не только, как рабочую силу. Генерал-лейтенанту, бывшему адъютанту Гитлера Фридриху Хоссбаху, который командовал 56-м танковым корпусом, чьи пехотные дивизии (35-я, 110-я, 129-я) удерживали линию обороны Дубняки – Озаричи – Мыслов Рог – Паричи, не без участия командующего 35-й пехотной дивизией генерал-лейтенанта Иоганна Георга Рихерта, пришла идея – отвести свои войска на более выгодные позиции по реке Тремля, при этом сохранить материальные и человеческие ресурсы, а на освободившейся территории создать живой заслон из гражданского населения. Единственное, что мешало осуществлению плана – приказ Гитлера на Восточном фронте: «...ни шагу назад!». Поэтому необходимо было получить одобрение Гитлера, которое он и получил. Вместе с командованием 9-й армии и штабом группы армии «Центр» была задумана и в последствии приведена в исполнение операция, которая и сегодня мучительной болью отзывается в сердце каждого белоруса – беспрецедентная акция в истории войн, а именно, создание трех концентрационных лагерей в местах вероятного прорыва линии обороны советскими войсками как живой щит.

Также необходимо отметить, что, насаждая на оккупированных территориях Беларуси условия нового «порядка», фашисты не только убивали и грабили местное население, применяя тактику «выжженной земли», использовали его труд, но и занимались депортацией подневольной рабочей силы в тыловые районы и в Германию. С этой целью они, наряду с другими лагерями, давно создавали отборные пункты и трудовые лагеря, где людям запрещалось свободно перемещаться за пределами колючей проволоки. В этих лагерях отсутствовали элементарные гигиенические условия, люди не мылись, ходили в отрепьях, страдали от голода, холода, вшей. Неудивительно, что заболевали различными инфекционными заболеваниями и умирали. Неслучайно врач 9-й армии, профессор Борманн считал высылку всех больных гражданских лиц из района расположения армии вермахта решающим шагом в борьбе против болезни, заодно, отправляя в лагеря тех, кто находился в «тифозных деревнях». Тем самым также предполагалась

распространить заболевание среди армии противника, которая рано или поздно, как считало верховное немецкое командование, будет освобождать лагерь.

Оккупанты столкнулись еще с одной проблемой. После принудительного набора рабочей силы, оставались члены семьи: дети, женщины с детьми, старики, инвалиды, которые были не в состоянии обеспечить себе самостоятельно способ существования, в результате возникала сложная продовольственная ситуация. Ее тоже требовалось решать.

В протоколе допроса от 30 октября 1947 года изложены сведения генерала фон Куровски Эбергарда, командира 110-го пехотного полка: «Положение гражданского, в большинстве нетрудоспособного населения, позади нашего фронта, на территории между реками Припять и Березина, было очень тяжелым. Местность бедная, почва болотистая, урожаи ничтожные. Часть деревень была разрушена в результате военных действий. Большая часть еще уцелевших домов была занята для размещения частей германской армии. В некоторых квартирах жили местные жители совместно с эвакуированными, которых особенно много скопилось с приближением фронта. Среди населения царили голод, холод и болезни. Распространение эпидемических заболеваний грозило и солдатам германской армии. Оказать помощь населению питанием и медикаментами фронтовые части не имели возможности» [3, с. 261].

Чтобы одним махом решить эти проблемы, а именно, остановить наступление противника, исполнив план распространения тифозной эпидемии в рядах его войск, очистить прифронтовую зону от мирного населения, чтобы легче и оперативно вести борьбу с партизанами, избавиться от «бесполезного человеческого материала», иными словами, нетрудоспособного, надо было заполнить лагерь людьми, в том числе, больными тифом и другими инфекционными заболеваниями, таким способом одновременно разобравшись с продовольственной проблемой «дармовых» едоков.

Причины создания лагерей смерти «Озаричи» раскрывают нам немецкие документы Файбургского архива:

– прикрытие военной операции по отводу войск 35-й и 110-й пехотных дивизий с передней линии обороны;

– воспрепятствование развитию биологической силы белорусской нации в будущем [4, с. 417–418].

Из всего сказанного можно сделать вывод о том, что немецкое командование придавало исключительно важное значение удержанию позиций в Беларуси под своим контролем, потому что именно здесь проходили кратчайшие пути сообщения на Восточном фронте, а также необходимо было прикрывать подступы к Восточной Пруссии

и Польше, обеспечивая тем самым взаимодействие групп армий «Север» и «Северная Украина». Поэтому на фоне положения на фронте, обстановки в тыловых районах групп армий «Центр» приказом 9-й армии от 23 февраля 1944 года «О тактике нападения на бандитские формирования» была начата операция по очистке прифронтовых территорий, а на передней линии обороны были созданы «Озаричские лагеря» у населенных пунктов Дерть, Подосинник и Озаричи.

Источники и литература

1. Батов, П. И. В походах и боях / П. И. Батов. – М. : Вече, 2015. – 480 с.

2. Шкуран, А. П. Полесье: трагедия и память: преступления вермахта: концлагерь «Озаричи», 1944 год / А. Шкуран. – М. – Мн. : Книгазбор, 2017. – 688с.

3. Без срока давности. Беларусь: преступления нацистов и их пособников против мирного населения на оккупированной территории БССР в годы Великой Отечественной войны. Гомельская область. Сборник архивных документов и материалов / сост.: А. Р. Дюков, В. Д. Селеменев [и др.]. – Мн. : НАРБ; М. : Фонд «Историческая память», 2021. – 576 с.

4. Преступления немецко-фашистских оккупантов в Белоруссии. 1941–1944 / Сост. – И. Белуга, Н. И Каминский, А. Л. Манаенков. – Мн. : Беларусь, 1965. – 464 с.

УДК 94:355.425.4(476.2)"1941/1945":929*И.Мураль

А. М. Литвин

Институт истории НАН Беларуси, г. Минск

ИЛЬЯ МУРАЛЬ – ИМЯ ДОСТОЙНОЕ НАШЕЙ ПАМЯТИ

В статье рассмотрена деятельность И. И. Мураля, уроженца Гомельской области в годы Великой отечественной войны. Показано, что в предвоенные годы он уже сформировался как опытный офицер. На начальном этапе войны И. И. Муралю пришлось действовать в крайне сложной боевой ситуации. Затем он стал одним из крупных организаторов и руководителей партизанского движения.

В будущей книге «Герои Гомельщины» имя Ильи Мураля (рисунок 1) несомненно должно занять достойное место. Его жизненный путь подобен пути сотен тысяч белорусских парней в детстве пере-

живших события Первой мировой войны и вызвавшие ими революционные потрясения, тяготы 20-х – 30-х годов прошлого века. С начала 1930-х годов он связал свою судьбу с Красной армией, стал кадровым военным. Принимал участие в освободительном походе Красной армии в Западную Беларусь, а также в изнурительных кровопролитных боях на Карельском перешейке, а в первые дни Великой Отечественной войны в боях в Белостокском котле. Илья Мураль, как и многие из его сослуживцев, оказавшись в окружении, продолжили борьбу в тылу врага. стали подпольщиками и партизанскими командирами. Наш герой во главе созданной им вооруженной группы – небольшого партизанского отряда, проделав путь из под Белостока до Березины, также мог остаться в родных местах, но он продолжил движение на восток с целью перейти линию фронта и влиться в ряды действующей армии. Преодолев сотни километров по тылам противника отряд в октябре 1941 г. остановился в Рогнединском районе Орловской области. Здесь на его основе впоследствии было создано крупное партизанское соединение, которое Илья Мураль и возглавлял до соединения с Красной армией в сентябре 1943 г. К сожалению, об этом человеке почти ничего не известно в Беларуси. Его имени нет в наших энциклопедических изданиях, посвященных событиям Великой Отечественной войны, его имени не знают и в родной деревне Козловка, что располагается за бывшим райцентром Паричи в нескольких километрах вниз по р. Березина, ни в средней школе в г. п. Паричи, которую он окончил в конце 1920-х годов...

До начала сбора материалов о белорусах–участниках советско-финляндской войны о нем практически ничего не знал и автор данной статьи. Во время знакомства с материалами об объединениях, соединениях и частях Белорусского особого военного округа, которые принимали участие в боевых действиях на советско-финляндском фронте в ноябре 1939 – марте 1940 годов, меня особенно заинтересовал боевой путь 8-й стрелковой дивизии, которая до событий 1939 г. дислоцировалась в г. Бобруйске, а затем в районе г. Белостока, а с января 1940 г. принимала участие в боях на Карельском перешейке в составе 13-й армии. В дивизии проходили военную службу многие жители Беларуси, в том числе являлись кадровыми военными, занимая различные должности среди командного и политического состава.

С января 1934 г. по июль 1941 г. жизненный путь нашего героя был связан с этой дивизией, куда он прибыл после окончания Киевской артиллерийской школы (артиллерийского училища) на должность командира взвода артиллерийского дивизиона 24 сп.

Рисунок 1 – Илья Иванович Мураль

Целью данной статьи является рассказ о военной судьбе нашего земляка, белоруса, уроженца Гомельщины, участника освободительного похода Красной армии в Западную Беларусь, участника зимних боев на Карельском перешейке во время советско-финляндской войны, бывшем командире партизанского отряда, 3-й стрелковой партизанской дивизии, переформированной в 1943 году в Рогнединскую партизанскую бригаду, а в 1944–1945 годах начальнике разведывательного отдела Польского штаба партизанского движения (РО ПШПД) Илье Ивановиче Мурале, по непонятным пока для автора причинам незаслуженно забытого в нашей стране.

Илья Иванович Мураль родился 2 января 1908 г. в д. Козловка⁵, Паричской волости Бобруйского уезда Минской губернии (ныне Светлогорского района Гомельской области) в белорусской крестьянской семье. После окончания начальной школы в Козловке Илья Мураль

⁵ Справка. До 1821 г. деревня называлась Глебопечи. Когда и почему она стала Козловкой нам пока не известно. И в XIX и первой половине XX столетия это была довольно большая деревня. Согласно переписи 1926 года в Козловке числилось 186 хозяйств и проживало 805 жителей. Наиболее распространёнными фамилиями в деревне были Митрахович и Мураль. В деревне работала кузня. С 24.09.1926 года центр сельского совета. В этом же году в деревне была создана коммуна, в которую вошли 12 коммунаров, наиболее малоимущих жителей деревни. Среди них значатся Мураль Василий Афанасьевич и Мураль Иван Дмитриевич. Коммуна просуществовала всего два года и по решению правительства была расформирована, а в начале 1929 года в деревне был организован колхоз, членами которого первыми вошли члены коммуны. Одним из председателей колхоза был Иван Дмитриевич Мураль.

продолжил учебу в 7-летней школе в местечке Паричи. Мы не обладаем информацией в каком году он окончил начальную школу в Козловке и в каком году окончил семилетку (или СШ) в Паричах⁶, а также чем он занимался до призыва в армию в январе 1930 г. В личном листке по учету партизанских кадров, заполненным И. И. Муралем в декабре 1943 г., в графе 12 читаем: «Образование. а) Общее (что и где окончил) – 10 кл., м. Паричи.

б) Военное – артиллерийское Киевское училище в 1934. КУКС в 1939 г.»

В этом же листке в графе «Занятие родителей» а) до 1917 б) после 1917. Чем занимались и где – отмечено – земледелием», в) Место жительства родителей – д. Козловка, Паричского района (можно предположить, что они в это время были живы). Из анкеты не известно отчество отца, а также имя и отчество матери, были ли у него братья и сестры. Можно лишь предположить, что его отцом был участник Первой мировой войны Иван Дмитриевич Мураль, бывший коммунар, а затем один из председателей колхоза.

Из заполненной рукой И. И. Мураля анкеты видно, что в январе 1930 г. он был призван на действительную воинскую службу, которую проходил в 29-й стрелковой дивизии в должности курсанта полковой школы, а с октября 1931 по октябрь 1932 г. – помощника командира взвода полковой школы. Решив связать свою судьбу с кадровой воинской службой он в в октябре 1932 года поступает на учебу в Киевскую артиллерийскую школу⁷, которую закончил в январе 1934 г. Служба в 8-й сд проходила успешно. В ноябре 1935 г. И. И. Мураль назначен помощником командира, а через год командиром батареи 24 стрелкового полка. С декабря 1937 г. по ноябрь 1938 г. занимал должность начальника штаба 22 сп 8-й сд. В декабре 1938 г. зачислен слушателем Курсов усовершенствования командного состава при военной академии им. М. В. Фрунзе, которые успешно закончил в июне 1939 г. и был назначен на должность начальника штаба 229 сп 8-й сд. В этой должности капитан И. И. Мураль принимал участие в освобождении Западной Беларуси и с января 1940 г. в боях на Карельском перешейке во время советско-финляндской войны. Как видно из записи в историче-

⁶ Известно, что в 1920-е годы в Паричах была белорусская СШ, НСШ русская и 5 кл. еврейская. Мы обращаем на это внимание потому, что имя И. И. Мураля не упоминается среди знаменитых выпускников Паричской средней школы.

⁷ В 1936 г. присвоено наименование Первое Киевское артиллерийское училище им. П.П.Лебедева (1-е КАУ)

ском формуляре 229 сп «25.2.1940г. командир полка – полковник РОМАНОВ, нач. штаба – капитан МУРАЛЬ, пом. нач. штаба ст. лейтенант ЛАРИЧЕВ с командиром дивизии т. РУБЦОВЫМ ездили на рекогносцировку в р-н действий 62 сд» [1].

Однако за три дня до окончания военных действий в войне с Финляндией в судьбе капитана Ильи Мураля наступил критический момент, который мог поставить крест не только на его военной карьере. В ожесточенном бою на острове Васикка-Саари, ныне остров Телячий Ленинградской области на позициях, занимаемых полком, разразилась трагедия. Не выдержав ударов финнов, бойцы полка дрогнули и обратились в бегство. К ответственности «За срыв выполнения боевых задач 229-м стрелковым полком и массовое бегство полка 09.03.1940 г. с поля боя» были привлечены 7 человек, в том числе «отстранен от занимаемой должности и предан суду Военного трибунала» начальник штаба полка капитан И. И. Мураль. Однако судьба была благосклонна к нашему герою и все обошлось. Возможно, причиной благоприятного исхода было окончание войны. Но этот случай, несомненно, оставил зарубинку в его сознании.

Великую Отечественную войну капитан И. И. Мураль встретил в прежней должности на западной границе под Белостоком, где дислоцировался его полк. Управление 8-й стрелковой дивизии дислоцировалось в Ломже. В соответствии с планом прикрытия ЗОВО, дивизия по тревоге должна была занять Осовецкий укрепрайон и позиции по госгранице на фронте Щучин, Бжозово, Птаки, Серватки. В первый же день войны штаб дивизии попал под авиационную бомбардировку. 23 июня 1941 года дивизия удерживала фронт в районе Щучина. С 25 июня 1941 года дивизия осуществляла отход в направлении Белостока, находясь в окружении немецких войск. С 27 июня 1941 года в штабе фронта не было сведений не только о дивизии, но и даже о 10-й армии, в состав которой входила 8-я стрелковая дивизия. В начале июля она была уничтожена в Белостокском котле, отдельные группы продолжали неорганизованное сопротивление, пробиваясь на восток до конца июля [2]. Известно, что одну из таких групп в июле 1941 г. возглавил капитан И. И. Мураль. Вырвавшись из Белостокского котла, группа, осуществляя диверсионные и боевые действия, продвигалась на восток и достигла р. Березина в районе Бобруйск – Паричи. Отметим, что многие его сослуживцы по дивизии разными путями дойдя до Бобруйска, где проживали их родственники и довоенные знакомые, осели здесь и стали участниками Бобруйского партийно-комсомольского подполья, а затем партизанами созданных ими отрядов и бригад. Среди них: командиры и политработники 8-й стрелковой дивизии: майор А. В. Кодач, командир 117-го гап, а также командиры 1-го, 2-го

и 3-го артдивизионов полка капитаны Н. П. Бовкун, Д. А. Лепешкин и старший лейтенант А. И. Плюта, политрук А. В. Мосин, заместитель командира по политической части штабной батареи начальника артиллерии 8-й стрелковой дивизии, а также командиры и политработники других частей дивизии – командир стрелкового батальона 151-го стрелкового полка старший лейтенант А. Н. Сумбаев, политрук взвода 151-го стрелкового полка старший лейтенант Н. Ф. Дубинин, политрук взвода 61-го отдельного батальона связи 8-й стрелковой дивизии младший политрук П. Ф. Масленок, старшина К. П. Митрофанов, командир отделения 151-го стрелкового полка и др. [3, с. 50].

Капитан Илья Иванович Мураль избрал другой путь, любым путем пробиться к своим и продолжать борьбу в рядах Красной армии. Оказавшись в Брянских лесах, диверсионная группа И. И. Мураля выросла в партизанский отряд численностью до 160 человек. В марте 1942 года отряд И. И. Мураля объединился с Жуковским партизанским отрядом (командир Воробьев), имея на своем счету свыше 50 проведенных боевых операций в ходе которых было уничтожено 630 немецких солдат и офицеров, пущено под откос на участке железной дороги Брянск – Рославль 8 эшелонов с войсками и грузами, один бронепоезд, 4 танка (три из которых уничтожил лично тов. И. И. Мураль), 32 автомашины с живой силой и военными грузами, повреждено 300 км линий связи врага и др. Всеми боевыми операциями руководил лично И. И. Мураль [2].

Одной из мало изученных и освещенных страниц боевой биографии И. И. Мураля является его участие и роль в организации, руководстве и боевой деятельности 3-я стрелковой партизанская дивизии, переименованной в марте 1943 г. в Рогнединскую партизанскую бригаду.

Об этом партизанском соединении в источниках содержатся противоречивые сведения. Как отмечается в статье «Партизанское движение на Брянщине 1941–1943 годов», опубликованной на сайте Брянской области, 9 апреля 1942 г. Военным Советом 10-й армии из местных партизанских отрядов и групп Дубровского, Рогнединского, Жуковского, Кировского, Куйбышевского районов сформирована 3-я стрелковая партизанская дивизия в составе 7 батальонов. Командиром дивизии был назначен майор А. Н. Галюга, начальником штаба И. И. Мураль. С помощью 3-й спд в июне 1942 г. был обеспечен выход из окружения за линию фронта кавалерийскому корпусу генерала Белова. За самоотверженность и героизм, проявленные при выводе из окружения кавалерийского корпуса генерала Белова, бойцы и командиры 3-й стрелковой партизанской дивизии были награждены высокими государственными наградами, в том числе Алексей Николаевич Галюга – орденом Ленина, а И. И. Мураль орденом Отечественной войны 1 степени. В октябре 1942 г. А. Н. Галюга был направлен Западным штабом

партизанского движения с особым заданием в Клетнянские леса, а командиром 3-й партизанской дивизии решением Военного Совета 10-й армии был назначен лейтенант Иван Владимирович Корбут, 1916 года рождения, белорус, уроженец с/з Весново, Глусского района Полесской области, член ВКП(б), в Красной Армии с 1939 года, кремлевский курсант выпускник Московского пехотного училища 1941 года, которого начальник разведки 330-й дивизии капитан А. Н. Галюга отобрал на должность командира разведывательной роты. Приказом по войскам Западного фронта от 07 июня 1942 года № 0661 командир 389-й моторазведывательной роты 330-й Тульской стрелковой дивизии 10-й армии, а фактически помощник командира 3-й партизанской дивизии по разведке лейтенант Корбут Иван Владимирович был награжден орденом Красного Знамени.

В результате огромной политической и организационной работы, проведенной за короткое время, дивизия представляла сколоченное и цельное боевое партизанское соединение, насчитывающее свыше 1000 чел. личного состава. За период с сентября 1942 года по март 1943 года подразделениями дивизии уничтожено около 6500 немецких солдат и офицеров, около 600 предателей Родины, спущено под откос и подорвано около 60 железнодорожных эшелонов противника, уничтожено три немецких склада, разрушено 6 км линий связи и 4 км железнодорожного полотна. В марте 1943 г. Западным штабом партизанского движения 3-я спд переименована в Рогнединскую партизанскую бригаду. Командиры бригады: И. В. Корбут (март – июнь 1943 г.), а после его отъезда на учебу в Москву – бригадой командовал И. И. Мураль [4].

Начальник Оперативного отдела Западного штаба партизанского движения полковник А. Прохоров 07 мая 1943 года составил представление к награждению майора Корбут Ивана Владимировича высшей наградой – орденом Ленина, которое утвердил начальник Западного ШПД член Военного Совета Западного фронта Д. Попов. Приказом по войскам Западного фронта от 07 июня 1943 года И. В. Корбут награжден вторым орденом Красного Знамени [5]. Приказом по войскам Западного фронта в мае 1943 года майор И. И. Мураль, начальник штаба Рогнединской партизанской дивизии (бригады), был награжден орденом Красного Знамени.

С июня 1943 по октябрь 1943 года подполковник И. И. Мураль командовал Рогнединской партизанской бригадой. С октября 1943 по апрель 1944 г. находился в распоряжении ЗШПД. С мая 1944 года подполковник И. И. Мураль назначается на должность начальника разведывательного отдела Штаба партизанского движения Польши. В июле 1944 года он был выброшен в тыл врага в Люблинское воеводство со специальным заданием командования. Мужественный офицер с честью выполнил ответственное задание. По представлению заместителя

начальника ШПДП полковника С. О. Притыцкого он был представлен к награждению орденом Красного Знамени. Награждение состоялось [2].

В личном листке партизанских кадров в графе «Семейное положение» отмечено «Вдовец. Дочь Эмма, 7 лет. Гор. Жлобин. Д. Большие Роги» (рисунок 2 и 3). После окончания войны И. И. Мураль проходил службу в Прикарпатском, Прибалтийском и Воронежском военных округах. В 1956–1960 годах полковник И. И. Мураль возглавлял военный комиссариат Брянской области [6].

10-11143
8/9 20700
ЛИЧНЫЙ ЛИСТОК ПО УЧЕТУ КАДРОВ

1. Фамилия, имя и отчество	Мураль Елиз Савинвич
2. Военное звание и занимаемая должность в настоящее время	Подполковник, Командир партизанской бригады
3. Год и месяц рождения	1908 г. 2-ое августа
4. Место рождения	Полесская область Партизанский район Жлобский
5. Национальность	Белорус
6. Соц. положение, профессия и происхождение	Служил командиром Ф.К.А из крестьян
7. Занятие родителей: а) До 1917 г. (чем занимались и где) б) После 1917 г. до настоящего времени в) Место жительства родителей	1. До 1917. Земледелие 2. пос. 1917 — — 3. Полесская область Партизанский район Ж. Жлобский
8. Время вступления в ВКП(б) (или ВЛКСМ), какой организацией принят и № парт. или комсомольск. билета	с 1939. полит. отделом В.С.Д. № 3373067
9. Выбывал ли из ВКП(б), когда и почему	из ВКП(б) не выбывал
10. Состоял ли в других партиях (каких, когда)	в других партиях не состоял
11. Имел ли колебания в проведении линии партии, участвовал ли в оппозициях (когда, каких). Имеет ли партвысказания (какие, кем наложены и за что)	Колебаний в проведении линии партии не имел, с оппозицией не участвовал, партвысказания не имел.
12. Образование: а) Общее (что и где окончил) б) Военное (что и когда окончил) в) Политическое (что и когда окончил)	а. 10 классов и. Тарговиц б. Артиллерийская Киевская училище 1934, КЧКС - 1939.
13. Знание иностранных языков	Нет
14. Ученая степень и имеет ли научные труды и изобретения	Нет
15. Был ли за границей (где, когда) имеет ли родственников за границей (кто, где находится)	За границей не был, родственников за границей не имеет
16. Был ли осужден, когда, кем, за что и на сколько	Нет

Рисунок 2 – Личный листок учета кадров И. И. Мураля

Работа в прошлом и служба в Красной Армии
(с начала трудовой деятельности)

с года и месяца	по год и месяц	НАЗВАНИЕ ДОЛЖНОСТИ ИЛИ КАКУЮ РАБОТУ ВЫПОЛНЯЛ И ГДЕ (часть, соединение, фронт, город или район)
1930 январь	1931 октябрь	Харьковский полк-школы в Бел. 29 сд
1931 октябрь	1932 октябрь	Помощник Командира взвода пол. школы 68 сд.
1932 октябрь	1934 январь	Харьковский Высший Артиллерийский Школа.
1934 январь	1935 ноябрь	Командир взвода 44 сд в д. арт. див.
1935 ноябрь	1936 октябрь	Помощник Командира батальона 24 сд в д.
1936 октябрь	1937 ноябрь	Командир батальона 24 сд в д.
1937 ноябрь	1938 октябрь	Командир роты 24 сд в д.
1938 октябрь	1938 декабрь	Начальник Штаба полка 22 сд в д.
1938 декабрь	1939 июни	Служащий Окопный иш. "Фрунзе"
1939 июни	1941 июни	Начальник Штаба полка 22 сд в д.
1941 сентябрь	1942 сентябрь	Командир Отряда
1942 сентябрь	1943 июни	Начальник Штаба Роты 24 сд в д.
1943 июни	1943 октябрь	Командир Роты 24 сд в д.
1943 октябрь	1943 сентябрь	Ротный командир 3-ей роты 24 сд в д.

Рисунок 3 – Личный листок учета кадров И. И. Мурала

Завершая сказанное, отметим, что у каждого участника войны была своя война и своя судьба в ней. Реконструируя, по отрывочным сведениям, отдельные страницы боевого пути нашего героя, нам горько от мысли, что, не оставив своих заметок и воспоминаний, он, как и многие участники войны, рано уйдя из жизни, так и не успел услышать о себе доброго слова. А он, его жизненный путь и военная судьба заслуживают того, чтобы о нем знали его земляки, знали школьники в школах, где он учился, знали жители Беларуси. В свою очередь мы продолжим поиск сведений о И. И. Мурале.

Источники и литература

1. Исторический формуляр 229 сп // Российский государственный архив военной истории. – Ф. 34912. – Оп. 1. – Д. 209.
2. 3-я стрелковая партизанская дивизия [Электронный ресурс] – Режим доступа : <http://voenspez.ru/index.php?topic=23554.5;wap2> – Дата доступа: 10.05.2023.
3. Ливенцев, В. И. Партизанский край. – 4-изд., испр. и доп. / В. И. Ливенцев. – Мн.: Беларусь, 1983. – 363 с.
4. Режим доступа : <http://old.bryanskobl.ru/projects/partisan/events2.php2> – Дата доступа: 22.10.2023.
5. Высшая специальная школа Красной армии [Электронный ресурс] – Режим доступа : <http://www.pogranec.ru/showthread.php?t=25939&page=3> – Дата доступа: 22.10.2023.
6. 8-я Минская стрелковая дивизия на Зимней войне [Электронный ресурс] – Режим доступа : www.151sp.eu – Дата доступа: 22.10.2023.

УДК 94(476)''1941/1945'':351.745.5:351.746.1

С. А. Черепко, А. М. Куксо

Гомельский государственный
университет имени Ф. Скорины, г. Гомель

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СПЕЦПОДРАЗДЕЛЕНИЙ НКВД И НКГБ В ВОСТОЧНЫХ РАЙОНАХ БССР В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

В данной статье рассматривается деятельность спецподразделений Народных комиссариатов внутренних дел и государственной безопасности БССР на оккупированных территориях, ныне входящих в административные границы Гомельской и Могилёвской областей. Отмечены наиболее важные результаты деятельности спецподразделений.

Многовековая история Беларуси богата различными славными и трагическими событиями, ярко демонстрирующими драматическую жертвенность и героическую борьбу белорусского народа за право свободно жить на своей земле. За свою тысячелетнюю историю белорусская земля не раз становилась ареной кровопролитной борьбы, однако Великая Отечественная война, вне всякого сомнения, выделяется из долгого списка пережитых белорусами войн. И эта особенность

объясняется не только хронологической близостью этой войны к современности. Во многом данный фактор связан с теми разрушительными последствиями, которые каждый житель Беларуси ощутил как во время войны, так и после её завершения. В период Великой Отечественной войны в ходе реализации нацистами человеконенавистнического плана «Ост» стал вопрос о выживании белорусского народа в целом [1]. Неслучайно поэтому, что память о событиях этой войны имеет огромное значение для современного белорусского общества. Особое место в ней занимает подвиг партизан и подпольщиков, а само партизанское движение ассоциируется со своеобразной, характерной именно для белорусского народа, формой борьбы против нацизма.

Партизанское движение в Беларуси приобрело поистине всенародный характер. В рядах партизан сражалось более 374 тыс. человек. 26 июня 1941 г. СНК СССР и ЦК ВКП(б) направили партийным и советским органам директиву о развёртывании всенародной борьбы против фашистских оккупантов, которая содержала программу организации и ведения партизанских и подпольных действий на оккупированной нацистами территории [2]. Однако, не умаляя значения работы Центрального и Белорусского штабов партизанского движения, для организации и координации действий партизанских отрядов было недостаточно руководства их действиями из тыла. Значительную роль в организации диверсионной борьбы против нацистов на оккупированной территории Беларуси сыграли особым образом подготовленные спецгруппы НКВД–НКГБ. В связи с этим изучение этого аспекта Великой Отечественной войны представляется достаточно актуальным несмотря на то, что на данный момент в Беларуси уже вышли серьёзные научные и научно-популярные работы, посвящённые данному вопросу [3, 4].

Уже в первые дни войны стали создаваться диверсионные группы для противодействия наступательным действиям противника. Так, в Ельском районе Полесской области была создана оперативно-диверсионная группа «Правобережье» под командованием капитана госбезопасности А. П. Шило. В сентябре 1941 г. эта спецгруппа смогла уничтожить крупный склад, в котором находилось свыше 10 тыс. тонн фуража. В октябре 1941 г. часть бойцов группы перешла линию фронта и влилась в ряды Красной Армии [4, с. 65].

В конце марта 1942 г. Особым отделом Западного фронта была сформирована оперативная группа НКГБ БССР «Вторые» в составе 50 человек. Данная группа также известна как специальный партизанский отряд им. Ф. Э. Дзержинского. После перехода в апреле 1942 г. через линию Калининского фронта на оккупированную территорию

Беларуси она начала активно действовать на территории Могилевской и Гомельской областей Беларуси, а позже Черниговской области Украины. Командиром группы являлся старший лейтенант госбезопасности П. П. Качуевский.

Перед спецгруппой были поставлены задачи по уничтожению воинских групп, гарнизонов и штабов противника, полицейских и жандармерии, ведение в их отношении диверсионной работы, сбор и передача в Центр разведывательных данных, а также активизация деятельности действующих партизанских отрядов и организация новых отрядов из числа местных жителей. 30 мая 1942 г. спецгруппа провела операцию, в ходе которой было разгромлено волостное управление в селе Столбовое Пропойского района Могилёвской области. 8 июня 1942 г. командир отряда П. П. Качуевский с 6 бойцами на шоссе Могилев – Гомель в районе населённого пункта Довск уничтожили 5 и ранили 2 немецких солдат, сожгли 2 грузовые автомашины нацистов. 4 июля 1942 года в деревне Пильня Краснопольского района Могилёвской области группа бойцов из 15 человек устроила засаду на шоссе на дороге. В результате боя было уничтожено 29 нацистов, в том числе один генерал и 12 офицеров военно-инспекционной комиссии Генерального штаба. При этом были захвачены документы, содержащие важные сведения о дислокации некоторых частей вермахта. В данном бою командир группы П. П. Качуевский был тяжело ранен и по дороге в отряд умер [5].

В июле 1942 г. командиром спецгруппы был назначен комиссар группы Николай Зебницкий [6]. Весной 1943 г. группа действовала в лесах Брагинского и Хойникского районов. Здесь она оказала влияние на активизацию деятельности местных партизанских отрядов. В результате успешных боевых операций спецотряда под откос было пущено 5 воинских эшелонов с техникой и живой силой противника, уничтожено 19 легковых и грузовых автомобилей, убито 377 немецких солдат, разгромлено 13 волостных управлений и т. д. Бойцами группы в райцентре Василевичи Полесской области была проведена успешная операция в результате которой была разгромлена тюрьма и освобождено 90 человек, которым угрожала смертная казнь. В результате агитационной работы на сторону партизан перешел полицейский отряд с полным вооружением в составе 27 человек. 30 октября 1942 г. бойцами спецотряда «Вторые» был пущен под откос первый взорванный сотрудниками госбезопасности немецкий бронепоезд. За время своего боевого пути спецгруппа «Вторые» потеряла 25 человек убитыми. Однако, за счёт местного населения и освобождённых военнопленных его численность увеличилась с 50 до 219 человек.

В целях организации наиболее эффективной деятельности спецгруппы «Вторые» в конце июля 1943 г. Центр принял решение об её разукрупнении и создании на её основе 4 самостоятельных групп. Результатом этого решения стало формирование диверсионно-разведывательных групп «Вторые», «Вперёд», «Днепр» и «Кровные».

Группа «Вперёд» под командованием старшего лейтенанта П. М. Солодкого была направлена в Жлобинский и Рогачевский районы Гомельской области, группа «Днепр» под руководством капитана Н.В. Солнцева – в Бобруйский и Осиповичский районы, а группа «Кровные» под командованием старшего лейтенанта Н. И. Кравченко – в Кричевский и Климовичский районы Могилевской области.

Диверсионная группа «Вторые», в которой после реструктуризации осталось 69 бойцов, должна была оставаться на месте прежнего расположения и действовать в Василевичском и Хойникском районах Полесской области. Задачи группы остались прежними: организация диверсий на железнодорожных станциях Калинковичи, Василевичи, военно-промышленных объектах, базах, складах, аэродромах и прочих объектах противника, расположенных в районах деятельности группы, проведение разведки, выявление созданных немецкими оккупантами агентурных сетей и внедрение в них советской агентуры, ликвидация руководителей оккупантов и их ставленников. До завершения 1943 г. группа «Вторые» успешно боролась против нацистов и их пособников на Гомельщине, а затем переместилась в Черниговскую область УССР.

15 февраля 1942 г. был сформирован спецотряд НКВД «Славный» под командованием старшего лейтенанта госбезопасности П. Шестакова. 25 февраля 1942 г. этот спецотряд начал свой боевой путь в тылу врага, который продолжался до 7 июля 1944 г. На протяжении 15 месяцев этот переподчинённый НКГБ спецотряд действовал на территории Могилевской, Гомельской, Минской, Барановичской областей. На боевом счету спецотряда более 23 разгромленных нацистских гарнизонов, 85 результативных операций на железных и шоссейных дорогах, сотни убитых немецких солдат и офицеров, единиц боевой техники, а также ценная разведывательная информация [4, с. 74–75].

В июне 1943 г. против бойцов спецотряда и местных партизан нацистами была организована карательная операция «Июньский жук». 4–5 июня в районе деревни Каменки спецотряд был окружён, однако, понеся значительные потери, смог вырваться из западни. В дальнейшем отряд «Славный» проводил операции на территории Минской и Барановичской областей. 16 июля 1944 г. в составе 315 бойцов, имея 350 пленных, отряд прибыл в Минск в распоряжение НКГБ БССР, завершив таким образом свой тридцатимесячный поход [4, с. 75–76].

В марте 1942 года из офицеров и бойцов 2-го полка отдельной мотострелковой бригады особого назначения НКВД была организована десантная группа в составе 14 человек. Группе было присвоено кодовое название «Храбрецы», командиром назначен А. М. Рабцевич. После соответствующей подготовки, в ночь на 1 июля 1942 года на самолете группа была заброшена в тыл врага. Основными задачами «Храбрецов» была разведывательная и диверсионная работа в тылу противника [4, с. 65].

С ноября 1942 г. группа располагалась в деревне Рожанов Октябрьского района Полесской области. Постепенно группа значительно расширилась, был создан отряд, отдельные группы которого действовали под Осиповичами, Бобруйском, станцией Красный Берег, Жлобином, на линиях железных дорог Калинковичи – Мозырь, Калинковичи – Лунинец и Бобруйск – Жлобин.

В сентябре 1942 г. на железнодорожном участке Бобруйск – Жлобин минеры «Храбрецов» подорвали паровоз, организовав крушение 54 вагонов, уничтожив около 1,2 тыс. нацистов [4, с. 65].

В начале июня 1943 года бойцами спецгруппы «Храбрецы» впервые были применены магнитные мины, которые прикреплялись непосредственно к железнодорожным составам. Их использование позволило значительно расширить диверсионную работу на железнодорожных станциях. В 1943 году на станции Рудня был заминирован остановившийся на станции эшелон. В результате взрыва было разбито 7 пассажирских вагонов, убито и ранено свыше 300 нацистов [4, с. 65].

Одной из наиболее важных операций группы «Храбрецы» стала операция «Малевичи», проведенная на перегоне Красный Берег – Малевичи. 5 июня 1943 года диверсионная группа пустила под откос эшелон, нагруженный отравляющими веществами. Во время возникшей паники бойцы смогли вынести с места диверсии баллон с газом, противоипритную накидку, противогаз нового образца и дегазационные вещества. 7 июля 1943 г. трофеи с партизанского аэродрома были отправлены в Москву. Они свидетельствовали о планах нацистов использовать химическое оружие «широким фронтом» на территории СССР [4, с. 66].

Со спецгруппой «Храбрецы» связана успешная диверсия, которую 30 июля 1943 г. совершил Ф. А. Крылович в Осиповичах. В ходе данной операции были уничтожены четыре военных эшелона с боеприпасами и техникой: сгорели 63 вагона со снарядами, авиабомбами, танками «Тигр» и «Пантера», 23 платформы с бензином, 8 цистерн с автомаслом, 15 вагонов продовольствия, 5 паровозов, кран для подачи угля, угольный склад, станционные сооружения [8, с. 29–30].

Зимой 1944 г. спецгруппа «Храбрецы» передислоцировалась в д. Липники Логишинского района Брестской области, а 12 июля 1944 г. соединилась с частями Красной Армии.

За весь период своей боевой деятельности в тылу врага спецгруппа «Храбрецы», совместно с разведывательной работой, осуществила ряд крупнейших операций по разгрому коммуникаций противника, уничтожению живой силы и техники. Бойцами группы было подорвано и обстреляно свыше 100 эшелонов врага, уничтожено и повреждено 95 паровозов и 810 вагонов. Бойцами спецгруппы было организовано и проведено более 70 других диверсионных актов, в результате которых убито и ранено около 3 тыс. немецких офицеров и солдат [4, с. 65].

В апреле 1943 г. в Чечерский район Гомельской области была заброшена группа «Родина» под командованием заместителя начальника УНКГБ по Гомельской области М. И. Филимонова. Целью группы стала координация деятельности партизанских соединений. В результате успешной деятельности группы в июле-августе 1943 г. на сторону партизан с полным вооружением перешло около 100 полицейских из гарнизона п. Корма и 46 полицейских из гарнизона д. Покоть [4, с. 71]. Руководством группы была грамотно спланирована и результативно осуществлена оперативная комбинация по дискредитации командования чечерской вспомогательной полиции, в результате которой коллаборанты были расстреляны немецкими властями. Бойцы группы установили связь с узниками пересыльного лагеря «Дулаг-121» в Гомеле и организовали побег 25 военнопленных [4, с. 71–72].

С августа по ноябрь 1943 г. в Речицком, Стрешинском, Уваровичском, Буда-Кошелёвском районах Гомельской области действовала разведывательно-диверсионная группа «Бывалые» под командованием капитана госбезопасности Н. И. Шибeko. В результате успешных действий бойцов группы было разгромлено 2 немецких гарнизона в деревнях Телеси и Борхов, взорвано 12 эшелонов с живой силой, техникой и горючим, 12 км железнодорожного полотна, 28 автомашин, 25 км линии связи, 3 моста, 4 склада. В сентябре было организовано уничтожение крупного склада авиабомб в Гомеле. Благодаря успешным действиям группы «Бывалые» на сторону партизан с оружием в руках перешло 150 полицейских во главе с начальником полиции д. Стрешин С. М. Мигаем. В ноябре 1943 г. отряд «Бывалые» провёл мобилизацию мужского населения ряда районов Гомельской области и переправил за линию фронта 2,6 тыс. человек [4, с. 72–73].

С августа 1943 г. в Октябрьском районе Полесской области действовала группа «Медведева» под командованием майора госбезопасности Г. И. Слепова. В результате её деятельности была ликвидирована немецкая агентура, исключены факта террора и диверсий в партизанских отрядах Полесской области. В октябре – ноябре 1943 г. бойцами группы был проведён ряд диверсий на шоссе на дорогах, в результате которых была уничтожена боевая техника и живая сила врага [4, с. 73–74].

В годы Великой Отечественной войны сотрудники органов внутренних дел и государственной безопасности активно включились в организацию партизанской борьбы против нацистов. Деятельность бойцов специальных подразделений НКВД и НКГБ сыграла важную роль в организации и развёртывании партизанского движения в БССР. Хорошая подготовка, выучка, дисциплина, готовность к самопожертвованию обеспечивали высокую эффективность в борьбе с противником. Бойцы специальных отрядов сыграли значимую роль в освобождении Беларуси от немецко-фашистских оккупантов и разгроме нацизма.

Источники и литература

1. Генеральный план «Ост». Правовые, экономические и пространственные принципы обустройства на востоке. Представлен оберфюрером СС проф. др. Конрадом Мейером (Берлин–Далем, 28 мая 1942 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://docs.google.com/file/d/0BxQdO_I0CqSRnlVWVMwclBGdGM/edit?pli=1&resourcekey=0-ptzyboIF4xI29OQucuQeXg. – Дата доступа: 18.09.2023.

2. Директива СНК СССР и ЦК ВКП(б) партийным и советским организациям прифронтовых областей [Электронный ресурс] // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа : <https://pravo.by/pravovaya-informatsiya/pomniki-gistoryi-prava-belarusi/kansytutsyuna-prava-belarusi/akty-peryudu-vyalikay-aychynnay-vayny-1941-1945/1941/direktiva-snk-sssr-i-tsk-vkp-b-partiynym-i-sovetskim-organizatsiya-m-prifrontovykh-oblastey/>. – Дата доступа : 18.09.2023.

3. Шиманская, Н. А. Органы госбезопасности в партизанском движении на территории БССР в годы Великой Отечественной войны / Н. А. Шиманская. – М. : Родина, 2022. – 448 с.

4. Отечеству служим. УКГБ Республики Беларусь по Гомельской области 100 лет. – Гомель : Редакция газеты «Гомельская правда», 2019. – 251 с.

5. Справка о боевой деятельности разведывательно-диверсионного отряда «Вторые» оперативно-чекистской группы НКВД по БССР. 27.10.1944. - [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://warheroes.ru/hero/hero.asp?Hero_id=12536. – Дата доступа: 18.09.2023.

6. Воспоминания Н. Зебницкого // В Гомеле в честь Героя Советского Союза Николая Зебницкого откроют мемориальную доску. - [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://gp.by/novosti/obshchestvo/news260587.html> – Дата доступа: 18.09.2023.

7. Из воспоминаний бойца отряда «Храбрецы» Михаила Мигая // Отечеству служим. УКГБ Республики Беларусь по Гомельской области 100 лет. – Гомель : Редакция газеты «Гомельская правда», 2019. – С. 66.

8. Бабаевский, Н. П. На земле белорусской: Воспоминания разведчика / Н. П. Бабаевский. – Минск : б.и., 2000. – 283 с.

УДК 930(476)«1943»

А. А. Крыварот

Інстытут гісторыі НАН Беларусі, г. Мінск

**УЗБРОЕНАЯ БАРАЦЬБА ПАРТЫЗАН ГОМЕЛЬШЧЫНЫ
ПАДЧАС НАСТУПАЛЬНЫХ АПЕРАЦЫЙ ЧЫРВОНАЙ
АРМІІ (КАНЕЦ ВЕРАСНЯ – ПЕРШАЯ ПАЛОВА
КАСТРЫЧНІКА 1943 ГОДА)**

На аснове публікацый і архіўных дакументаў паказаны баявыя дзеянні партызанскіх фарміраванняў супраць германскіх акупаантаў на ўсходзе Гомельшчыны ў перыяд трэцяй дэкады верасня – першай палове кастрычніка 1943 г. на заключным этапе Бранскай і Чарнігаўска-Прыпяцкай наступальных аперацый Чырвонай арміі. Асноўнымі формамі ўзброенай барацьбы партызан былі напады на калоны праціўніка, дыверсіі на камунікацыях, утрыманне перапраў на рэках для савецкіх войск, абарона насельніцтва ад знішчэння і ўгону ў Германію, недапушчэнне поўнага разбурэння ворагам пры адступленні гарадоў і вёсак.

У выніку наступлення Чырвонай арміі на савецка-германскім фронце яе перадавыя савецкія часці ў сярэдзіне верасня 1943 г. падыйшлі ўшчыльную да тэрыторыі Беларусі, у тым ліку Гомельшчыны. У такой ваенна-палітычнай сітуацыі 17 верасня 1943 г. ЦК КП(б)Б прыняў пастанову «Аб арганізацыйных мерапрыемствах па Гомельскай вобл. у сувязі з набліжэннем яе вызвалення ад нямецкіх захопнікаў». У дакуменце ўказвалася, што для ўступлення разам з Чырвонай арміяй на тэрыторыю вобласці, для вырашэння неадкладных задач па аднаўленні разбуранай нямецкімі акупантамі народнай гаспадаркі, аказання дапамогі войскам Чырвонай арміі на Цэнтральны фронт накіроўваюцца адказныя работнікі абласнога, гарадскога і раённых камітэтаў КП(б)Б, а таксама адпаведных савецкіх органаў. З іх ліку былі створаны 12 рабочых груп. Размяшчэнне груп абкама КП(б)Б і аблвыканкама прадугледжвалася пры Ваенным савеце Цэнтральнага фронту, а іншых структурных адзінак (Гомеля і раёнаў) – пры ваенных саветах армій ці ў дывізіях, якія дзейнічалі ў напрамку на адпаведныя раёны вобласці [1, с. 244–246].

Яшчэ ў адным дакуменце – дырэктыўным лісце ад 21 верасня 1943 г. ЦК КП(б)Б звярнуўся да партызан Беларусі з патрабаваннем узмацніць удары па тылам нямецкай арміі, усімі сіламі і сродкамі захаваць мірнае насельніцтва ад знішчэння і ўгона ў нямецкае рабства, зрываць спробы немцаў па канчатковым разбурэнні і спальванні гарадоў і вёсак. Праз некалькі дзён усе падпольныя абкамы КП(б)Б атрымалі па радыёсувязі зварот Прэзідыума Вярхоўнага Савета БССР, ЦК КП(б)Б і СНК БССР да беларускага народа. У дакуменце гучаў заклік да партызан уключаць у барацьбу з акупантамі ўсіх савецкіх людзей, усталяваць сувязі з Чырвонай арміяй і актыўна з ёй узаемадзейнічаць, асабліва пры вызваленні населеных пунктаў ад германскіх акупантаў, а таксама дапамагаць савецкім войскам аднаўляць масты, пераправы, дарожную інфраструктуру [1, с. 249–251; 2, с. 49; 3, с. 331–332].

У прынятых дакументах у абагульненым выглядзе пастаўлены задачы перад падпольнымі партыйнымі арганізацыямі, партызанскімі фарміраваннямі ў сувязі з пачаткам вызвалення Чырвонай арміяй тэрыторыі рэспублікі. Галоўную ўвагу партыйна-савецкае кіраўніцтва БССР звяртала на неабходнасць дапамогі савецкім войскам, ратавання людзей і народнай маёмасці, захавання гарадоў і вёсак ад поўнага іх разбурэння нямецкімі акупантамі.

Вызваленне ўсходніх раёнаў Гомельшчыны ад германскіх акупантаў пачалося на заключным этапе Чарнігаўска-Прыпяцкай (26 жніўня – 30 верасня 1943 г.) і Бранскай (1 верасня – 3 кастрычніка 1943 г.) наступальных аперацый, падчас якіх вораг быў выбіты на правы бераг рэк Проня і Сож. У канцы верасня – пачатку кастрычніка 1943 г. войскамі Цэнтральнага і Бранскага франтоў былі вызвалены райцэнтры Гомельшчыны Камарын (23 верасня 1943 г.), Церахоўка (27 верасня 1943 г.), Ветка (28 верасня 1943 г.). Некалькі пазней часцямі Цэнтральнага фронту былі вызвалены Добруш (10 кастрычніка 1943 г.) і Лоеў (16 кастрычніка 1943 г.) [4, с. 239; 5, с. 355, 378, 422, 442; 6, с. 62]

Разам з часцямі Чырвонай арміі ў вызваленні тэрыторыі Гомельшчыны ў канцы верасня – першай палове кастрычніка 1943 г. дзейсны ўдзел прымалі партызанскія фарміраванні. З набліжэннем Чырвонай арміі да межаў Беларусі некалькі брыгад і асобных атрадаў Гомельскай і Палескай абласцей апынуліся непасрэдна ў прыфрантавой паласе і адразу сталі аказваць дапамогу франтавым часцям.

Пры выкананні гэтай задачы партызаны выкарыстоўвалі розныя тактычныя прыёмы. Напрыклад, на шляху адступлення германскіх войск было шмат водных перашкод, таму народныя мсціўцы актыўна супрацьдзейнічалі будаўніцтву праціўнікам перапраў і разбуралі ўжо

пабудаванья. У канцы верасня 1943 г. атрады 10-й Журавіцкай брыгады (камандзір І. М. Гаўрылаў) на працягу трох сутак вялі баі з групамі акупантаў колькасцю да 150 чалавек, якія імкнуліся ўзвесці пераправу праз раку Сож каля вёскі Струмень Кармянскага раёна. У выніку бою немцы былі разбіты і скінуты ў Сож, а пераправа часткова разбурана. Партызанам брыгады ўдалося знішчыць усе пераправы ў межах Валынцаўскага і Струменскага сельсаветаў Кармянскага раёна і максімальна ўскладніць шлях праціўніку на правы бераг Сожа. Партызаны 1-й Буда-Кашалёўскай брыгады (камандзір А. М. Дземчанка) утрымлівалі да прыходу часцей Чырвонай арміі пераправу праз Сож каля вёскі Васільеўка. Амаль суткі партызаны сумесна з воінамі 17-й стралковай дывізіі вялі бой за пераправу праз раку каля вёскі Струмень. Тут удалося пераправіць з правага берага на вызваленую тэрыторыю каля 500 мясцовых жыхароў і шмат буйной рагатай жывёлы. Акрамя таго, байцы 1-й Гомельскай партызанскай брыгады (камандзір П.А. Балыкоў) знішчылі тры паромныя пераправы і затапілі тры баржы з прадуктамі, якія акупанты нарабавалі ў мясцовых жыхароў [7, л. 18; 8, с. 363; 9, с. 147, 156; 10, с. 252; 11, с. 240].

Для нанясення максімальных страт нямецкім войскам, якія адступалі пад ударамі савецкіх часцей, партызаны разгарнулі актыўныя дыверсійна-баявыя дзеянні на шашэйных і грунтовых дарогах. З улікам таго, што нямецкія войскі адкатваліся вельмі хутка, іх калоны рухаліся па вялікіх дарогах. У такой сітуацыі партызаны выкарыстоўвалі тактыку нанясення ўдараў з засад інтэнсіўным непрацяглым агнём. Некалькі такіх ўдараў з засад на дарогах Сідаравічы – Чачэрск і Свяцілавічы – Чачэрск нанесла 1-я Гомельская брыгада. Так, 26 верасня 1943 г. партызаны ўдарылі па калоне 196-га нямецкага батальёна каля вёскі Валосавічы. Падчас бою падраздзяленне гітлераўцаў было поўнасьцю разгромлена. Байцы вызвалілі 150 савецкіх ваеннапалонных і 300 мясцовых жыхароў, знішчылі 28 акупантаў, трох захапілі ў палон, адбілі 300 кароў і 60 падвод з нарабаванай маёмасцю. У наступныя два дні баявыя групы брыгады правялі два паспяховыя напады на нямецкія калоны і вывелі са строю 28 аўтамашын. Так, 27 верасня 1943 г. паміж вёскамі Беляеўка і Валосавічы з засады былі знішчаны 11 аўтамашын, два цягачы і дзве гарматы. 28 верасня 1943 г. атрад імя А. В. Суворова (камандзір П. Е. Чамярыцкі з засады разбіў 17 аўтамашын з акупантамі. Усяго з 26 верасня па 2 кастрычніка 1943 г. атрады 1-й Гомельскай брыгады знішчылі 128 аўтамашын з жывой сілай і боепрыпасамі, падарвалі 18 дзотаў, правялі каля 160 засад. У сувязі з актыўнымі дзеяннямі брыгады праціўнік быў вымушаны пры

адступленні адмовіцца ад выкарыстання дарог Сідаравічы – Чачэрск і Свяцілавічы – Чачэрск [10, с. 250–251; 11, с. 243; 12, л. 39].

Пастаянныя ўдары па ворагу наносілі і іншыя партызанскія фарміраванні, якія знаходзіліся на ўсходнім беразе ракі Сож. Адною з першых пачала баі з рэгулярнымі нямецкімі часцямі Добрушская брыгада (камандзір І. П. Крывенчанка). 23–24 верасня 1943 г. падраздзяленні брыгады сарвалі некалькі спроб нямецкіх «факельшчыкаў» падпаліць вёску 1-е Селішча ў раёне большака Карма – Добруш. Партызаны брыгады «Уперад» (камандзір П. Г. Малюгін) 27 верасня 1943 г. каля вёскі Ровенск імгненна напалі на групу акупантаў, якая захапіла ў мясцовых жыхароў маёмасць і жывёлу. Уцякаючы з месца бою, гітлераўцы пакінулі 4 батальённыя і 8 ротных мінамётаў, 3 гарматы і 8 кулямётаў, 10 аўтаматаў і 20 вінтовак, шмат боепрыпасаў, а таксама нарабаванае ў мясцовых жыхароў. 29 верасня 1943 г. у выніку нападу двух атрадаў брыгады «Уперад» на вялікую калону ворага каля вёскі Буда-Кляпінская Кармянскага раёна было знішчана 50 гітлераўцаў і яшчэ 12 захоплены ў палон. Разгром акупантаў быў давершаны падышоўшымі часцямі Чырвонай арміі. На працягу пяці дзён упартыя баі з акупантамі вяла 10-я Журавіцкая брыгада ў раёне населенага пункта Кляпіна на маршруце адступлення праціўніка Красная Гара (Арлоўская вобласць) – Валынцы (Кармянскі раён). Нямецкае камандаванне для захавання пад сваім кантролем дарогі пастаянна ўводзіла ў раён баявых дзеянняў свежыя сілы. Толькі дзякуючы ўступленню ў бітву 4-й роты 1-й Гомельскай брыгады народныя месціўцы пераламалі сітуацыю і прымусілі акупантаў адысці ад населенага пункта. На тэрыторыі Церахаўскага раёна некалькі выніковых удараў па праціўніку на шашэйных і грунтовых дарогах нанесла Лоеўская брыгада «За Радзіму» (камандзір Р. І. Сінякоў). Актыўна выкарыстоўвала засады для барацьбы з адступаючым ворагам 2-я Клятнянская брыгада (камандзір Т. М. Каротчанка) Арлоўскай вобласці, якая ў межах Валынцаўскага і Струменскага сельсаветаў узаемадзейнічала з 1-й Гомельскай і 10-й Журавіцкай брыгадамі. На тэрыторыі Добрушскага і Чачэрскага раёнаў сумесна з беларускімі партызанскімі фарміраваннямі абаранялі камунікацыі для наступлення Чырвонай арміі брыгады імя Д. М. Пажарскага і А. В. Суворова, якія па загадзе ЦШПР былі перакінуты з Арлоўскай вобласці [13, с. 290; 9, с. 147, 156; 11, с. 242–244; 14, с. 40].

Для прычынення максімальнага ўроні захопнікам партызанскае камандаванне штодня накіроўвала на чыгунку, шашэйныя і грунтовыя дарогі дзясяткі дыверсійных груп. Пастаянна мініравалі дарогі ў зоне сваёй адказнасці атрады 1-й Гомельскай, 1-й Буда-Кашалёўскай і 10-й Журавіцкай брыгад. За перыяд з 26 верасня па 2 кастрычніка

1943 г. падрыўнікі з гэтых брыгад знішчылі 165 аўтамашын праціўніка. Партызаны 1-й Гомельскай брыгады за адзначаны перыяд арганізавалі 250 дыверсій на чыгунцы, шашэйных і грунтовых дарогах, а таксама ўдараў па апорных пунктах і складах праціўніка, арганізавалі 490 завалаў на шляхах адступлення нямецкіх войск. Напярэдадні ўступлення войск Чырвонай арміі на тэрыторыю Беларусі партызаны 1-й Буда-Кашалёўскай брыгады на ўчастках чыгункі Патапаўка – Буда-Кашалёва, Салтанаўка – Буда-Кашалёва, Калыбаўка – Бароцін падарвалі тры эшалоны, знішчылі два вагоны з жывой сілай, два з боепрыпасамі, чатыры з харчаваннем, восем платформ з ваеннай тэхнікай і боепрыпасамі. У выніку актыўных баявых дзеянняў народных месціўцаў рух праціўніка на гэтых участках не ажыццяўляўся на працягу 28 гадзін. Значна ўскладнілася сітуацыя для акупантаў пры адступленні і ў дастаўцы боепрыпасаў сваім франтавым часцям з прычыны разбурэння партызанамі двух мастоў на дарозе Буда-Кашалёва – Рагінь і ўзвядзення завалаў на шляхах Забалацце – Струін, Лозаў – Сляпня. Падраздзяленні 10-й Журавіцкай брыгады актыўна мініравалі ўчасткі дарог Буда-Кляпінская – Горкі, Выдранка – Свэрбілаўка. Падчас адной з такіх партызанскіх дыверсій падарвалася адна самаходная гармата, некалькі аўтамашын і павозак [1, л. 18; 9, с. 147; 10, с. 251–252; 11, с. 241; 14, л. 29, 31; 16, с. 124].

Такім чынам, яшчэ да злучэння з перадавымі часцямі Чырвонай арміі партызанскія фарміраванні, якія дзейнічалі на ўсходнім беразе Сожа ў межах Гомельскай вобласці, на працягу другой паловы верасня і ў першыя дні кастрычніка 1943 г. пастаяннымі ўдарамі па камунікацыях германскіх войск аслаблялі іх баявыя магчымасці і здольнасць аказваць супраціўленне савецкім войскам, уносілі дэзарганізацыю ў перамяшчэнні праціўніка, абмяжоўвалі дзеянні па папаўненні харчовых запасаў за кошт рабаўніцтва мясцовага насельніцтва. Акрамя таго, партызанам удалося выратаваць ад знішчэння і ўгону ў Германіі некалькіх тысяч мясцовах жыхароў, прадухіліць разбурэнне дзясяткаў населеных пунктаў спецыяльнымі камандамі акупантаў. Толькі 1-я Гомельская партызанская брыгада выратавала ад спальвання адступаючым ворагам больш як 50 вёсак на левым беразе Сожа [10, с. 252]

У межах Гомельскай вобласці на ўсходнім беразе Сожа ўдары па адыходзячых германскіх войсках наносілі шэсць брыгад Гомельскага партызанскага злучэння, чэкісцкая брыгада «Уперад», тры брыгады Арлоўскай вобласці. Злучэнне асноўных партызанскіх сіл, якія дзейнічалі на гэтай тэрыторыі, з перадавымі часцямі Чырвонай арміі праходзіла паэтапна з канца верасня і да пачатку кастрычніка 1943 г. Некаторыя пар-

тызанскія фарміраванні пасля сустрэчы з савецкімі войскамі разам удзельнічалі ў ліквідацыі асобных ачагоў супраціўлення ворага. Напрыклад, Добрушская брыгада разам з падраздзяленнямі Чырвонай Арміі вызваліла частку раёна ад акупантаў. Асноўныя сілы 10-й Журавіцкай брыгады (7 атрадаў) злучыліся з савецкімі войскамі ў ноч з 1 на 2 кастрычніка 1943 г. у раёне Гута-Асінаўская Кармянскага раёна. Па загадзе камандзіра 260-й стралковай дывізіі партызаны брыгады сумесна з чырвонаармейцамі 2 кастрычніка 1943 г. разграмілі і скінулі ў раку каля вёскі Лазовіца Кармянскага раёна гітлераўскі дэсант, які быў накіраваны для прыкрыцця адступлення асноўных сіл на правы бераг Сожа. Частка 1-й Буда-Кашалёўскай брыгады 3 кастрычніка 1943 г. ва ўзаемадзеянні з часцямі 17-й стралковай дывізіі на працягу дня вяла бой на тэрыторыі Кармянскага раёна з мэтай адрэзаць праціўніка ад Струменскай пераправы праз раку Сож. Партызаны 1-й Гомельскай брыгады 3 кастрычніка 1943 г. разам з сіламі 197-й стралковай дывізіі знішчылі некалькі груп нямецкіх «факельшчыкаў» і тым самым выратавалі вёскі Сідаравічы, Загор'е, Рудня-Барталамейская ад спалення. [7, л. 18; 8, с. 363; 9, с. 147; 11, с. 244–245; 15, л. 20, 65].

Расфарміраваныя да 4 кастрычніка 1943 г. партызанскія брыгады Гомельскага злучэння, якія дыслацыраваліся на леваым беразе Сожа, накіравалі ў Чырвоную армію амаль увесь асабовы склад, што, несумненна, садзейнічала ўмацаванню армейскіх часцей і падраздзяленняў. У дзеючую армію з 10-й Журавіцкай брыгады быў накіраваны 1591 чалавек, са складу 1-й Гомельскай брыгады было перададзена 550 байцоў, з 1-й Буда-Кашалёўскай – 272 партызаны. Гэты былі загартаваныя ў баях з акупантамі байцы – стралкі, разведчыкі, падрыўнікі, а таксама вопытныя камандзіры аддзяленняў, узводаў, рот, атрадаў [7, л. 18; 8, с. 363; 10, с. 237, 252–253; 15, л. 20, 65].

Наступленне Чырвонай арміі на беларускай зямлі адбывалася ў складанай ваенна-стратэгічнай абстаноўцы пры адсутнасці ў Чырвонай арміі значнай перавагі над праціўнікам у асабовым складзе, ваеннай тэхніцы і ўзбраенні. У савецкіх войсках адчувалася стомленасць пасля летніх аперацый, а баявыя дзеянні на тэрыторыі Беларусі даводзілася весці ва ўмовах складанай мясцовасці. Да таго ж германскім войскам удалося паспець умацавацца на заходнім беразе рэк Проня і Сож. Улічывшы ўсе гэтыя фактары, Стаўка Вярхоўнага Галоўнага Камандавання прыняла рашэнне аб завяршэнні наступальных аперацый: Чарнігаўска-Прыпяцкай 30 верасня 1943 г. і Бранскай 3 кастрычніка 1943 г.

Крыніцы і літаратура

1. Всенародное партизанское движение в Белоруссии в годы Великой Отечественной войны (июнь 1941 – июль 1944) : документы и

материалы : в 3 т. – Минск : Беларусь, 1967–1982. – Т. 2 : Развитие всенародного партизанского движения в Белоруссии на втором этапе войны. – Кн. 2. (июль – декабрь 1943) / Г. Н. Шевела [и др.]. – 1978. – 814 с.

2. Всенародная борьба в Белоруссии против немецко-фашистских захватчиков в годы Великой Отечественной войны : в 3 т. / Л. Аржаева [и др.] ; редкол.: А. Т. Кузьмин [и др.]. – Минск : Беларусь, 1983–1985. – Т. 3 / Л. В. Аржаева [и др.] ; редкол.: А. Н. Мацко [и др.]. – 1985. – 531 с.

3. Калинин, П. З. Партизанская республика / П. З. Калинин. – 2-е перераб. и доп. изд. – Минск : Беларусь, 1968. – 382 с.

4. Беларусь у Вялікай Айчыннай вайне, 1941–1945 : энцыклапедыя / Беларус. Сав. Энцыкл. ; рэдкал.: І. П. Шамякін (гал. рэд) [і інш.]. – Мінск : БелСЭ, 1990. – 680 с.

5. Великая Отечественная война – день за днём: по материалам рассекреченных военных сводок Генерального штаба Красной Армии : в 9 т.— М. : Воениздат, 2010. – Т. 6 : «Коренной перелом» 1 июля – 31 декабря 1943 г. – 733 с.

6. Освобождение городов: справочник по освобождению городов в период Великой Отечественной войны 1941–1945. – М. : Воениздат, 1985. – 598 с.

7. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь (далей – НАРБ). – Ф. 1450. – Воп. 4. – Спр. 253.

8. Памяць: Буда-Каш. р-н : у 2 кн. – Мінск : БЕЛТА, 2001–2002. – Кн. 1. – 2001. – 448 с.

9. Памяць : Кармян. р-н : гіст.-дак. хронікі гарадоў і р-наў Беларусі. – Мінск : Беларусь, 2003. – 461 с.

10. Памяць : Чачэр. р-н : гіст.-дак. хронікі гарадоў і р-наў Беларусі. – Мінск : БЕЛТА, 2000. – 619 с.

11. Рудак, А. Д. Экзамен на зрелость / Д. А. Рудак. – Минск : Беларусь, 1981. – 287 с.

12. НАРБ. – Ф. 1450. – Воп. 4. – Спр. 248.

13. Памяць : Добруш. р-н : гіст.-дак. хронікі гарадоў і р-наў Беларусі : у 2 кн. – Мінск : Маст. літ., 1999–2001. – Кн. 1. – 1999. – 356 с.

14. Филимонов, А. А. В едином боевом строю: о совместных действиях русских, белорусских, украинских, литовских, латышских, молдавских партизан / А. А. Филимонов, А. Д. Титов, Н. И. Эполетов // Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т ист. Беларуси ; ред. А. М. Литвин. – Минск : Институт истории НАН Беларуси, 2005. – 126 с.

15. НАРБ – Ф. 1450. – Воп. 4. – Спр. 264

16. Памяць : гіст.-дак. хроніка Лоеўскага. р-на / Беларус. энцыкл.– Мінск : БелЭн., 2000. – 588 с.

УДК 94(476.2)

Л. С. Скрыбина
Белорусский государственный
университет транспорта, г. Гомель

ОСВОБОЖДЕНИЕ ГОМЕЛЬЩИНЫ ОТ НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКИХ ЗАХВАТЧИКОВ: К ВОПРОСУ ОБ ИСТОРИОГРАФИИ ПРОБЛЕМЫ

В статье предпринята попытка выявить степень изученности заявленной темы в современной историографии, механизм отражения событий и фактов. Установлены и охарактеризованы важнейшие положения отечественной и российской историографии, отражающие ход наступательных операций Красной Армии по освобождению современной Гомельщины.

События, начавшиеся осенью 1943 г. и завершившиеся летом 1944 г. для Беларуси, имеют исключительно важное значение. Дорогой ценой досталось освобождение Беларуси. Тысячи и тысячи людей отдали свои жизни, чтобы над нашей страной навсегда утвердилось мирное небо.

За последние годы издано множество работ, в которых нашли освещение события битвы за Беларусь [1]. В то же время следует отметить, что специальных исследований по проблеме освобождения Гомельщины до сих пор не имеется. В данной статье автор предпринимает попытку выявить степень изученности заявленной темы в современной историографии, механизм отражения событий и фактов.

Анализ имеющейся по данной проблеме литературы показывает, что в том или ином контексте она рассматривается в энциклопедических изданиях, обобщающих трудах как коллективных, так и монографических. Возьмем, к примеру, энциклопедические издания «Великая Отечественная война 1941–1945» и «Беларусь у Вялікай Айчыннай вайне 1941–1945» [2]. В них имеется небольшая по объему информация о Гомельско-Речицкой, Калинковичско-Мозырской, Рогачевско-Жлобинской операциях, в ходе которых была освобождена значительная часть территории современной Гомельщины. Однако эти фрагментарные статьи не дают возможности представить полную картину истории боевых действий на территории Беларуси в конце 1943 – начале 1944 гг.

В 1994 г. вышла книга д-ра ист. наук, профессора, генерал-майора И. В. Тимоховича «Битва за Белоруссию» [3]. В главе 3 «Начало освобождения» можно проследить, как проходило форсирование Днепра в районе Лоева. При этом автор подчеркивает оперативное значение захвата Лоевского плацдарма. Особое место в этой главе уделено Гомельско-Речицкой, Калинковичско-Мозырской наступательным операциям. Некоторые выводы, сделанные автором, а также приведённые данные о потерях со стороны советских войск, в частности, в ходе Калинковичско-Мозырской операции, присутствуют в оценках современной энциклопедической и исторической литературы.

Важный вклад в освещение темы освобождения Беларуси внёс белорусский историк В. И. Лемешенок. В 1996 г. вышла его монография «Вызваленне – без грыфа сакрэтна», в которой автор значительное внимание уделяет боевым действиям войск Центрального (с 20.10.1943 г. – Белорусского) фронта по освобождению восточной Беларуси, в т. ч. территории Гомельщины в ходе наступательных Гомельско-Речицкой, Калинковичско-Мозырской, Рогачевско-Жлобинской операций. Наряду с успехами войск 3-й, 13-й, 48-й, 65-й армий Центрального (Белорусского) фронта по освобождению населённых пунктов, автор показывает потери, которые понесли не только вражеские войска, но и соединения Белорусского фронта. Так, только в ходе Гомельско-Речицкой операции наши потери составили 21650 чел. убитыми и 66 556 чел. – ранеными и больными [4, с. 25]. Кроме того, автор акцентирует внимание на причинах значительных потерь, в частности, 61-й армии в боях за Мозырь, а также на допущенных просчётах и ошибках в проведении Рогачевско-Жлобинской операции.

Серьёзного внимания заслуживает вышедшая в 2005 г. коллективная монография «Беларусь в годы Великой Отечественной войны 1941–1945». В книге в разделе «Освобождение Беларуси» выделен специальный подраздел «Начало освобождения (осень 1943 г. – весна 1944 г.)» [5]. Характеризуя боевые действия на центральном участке советско-германского фронта, авторы подчеркивают, что одновременно с неудачными действиями войск Западного фронта на витебском, оршанском и могилёвском направлениях, войска Белорусского фронта провели ряд успешных операций. Особое внимание акцентируют на захвате Лоевского плацдарма шириной около 40 км и глубиной до 20 км, который имел важное стратегическое значение и сыграл огромную роль в проведении дальнейших наступательных операций на калинковичском и речицком направлениях. Большое внимание при этом авторы уделяют взаимодействию партизанских формирований Гомельской и

Полесской областей с частями Красной Армии. Вместе с тем, это фундаментальное издание не содержит исчерпывающей фактологической информации о ходе наступательных операций на этих направлениях.

Более ценным в научно-историческом и методологическом плане является коллективный научный труд «Освобождение Беларуси. 1943–1944», который вышел к 60-летию освобождения белорусской земли от германских захватчиков [6]. Авторы этого специального издания довольно подробно реконструируют историческую картину боевых действий соединений Центрального (Белорусского) фронта на гомельском, калинковичском, мозырском, рогачёвском направлениях, тем самым, углубляя исторические знания о боевых действиях войск Красной Армии на территории Гомельщины в конце 1943 г. – начале 1944 г. Особое место в коллективной монографии занимает партизанский фактор, то есть боевое взаимодействие воинов и партизан. Здесь важно отметить, что авторы стремятся к более объективному выявлению причин неудач, раскрывая при этом реальные масштабы потерь, просчеты и результаты решения задач, стоявших перед Центральным (Белорусским) фронтом.

Проблема освобождения Гомельщины нашла отражение в книгах «Памяць» городов и районов Гомельской области. Такая информация содержится в разделе «Шла вайна народная». Более половины материалов по тематике составляют воспоминания командиров военных подразделений, рядовых участников боевых действий, командования партизанских бригад и отрядов. Однако для всех книг «Памяць» характерно освещение только позитивных результатов боевых действий по освобождению тех или иных населенных пунктов. Более того, материалы по названной проблеме не дают возможности воспроизвести полную картину освобождения территории районов и городов Гомельщины. Возьмем, к примеру, освобождение Рогачёвского района. В книге «Памяць» в аналитической статье мы не найдем информации о том, что освобождение Рогачёвщины проходило в несколько этапов: 1-й – конец ноября – начало декабря 1943 г., 2-й – 23–24 февраля 1944 г., 3-й – в ходе операции «Багратион». Такой подход к освещению проблемы освобождения наблюдается и в материалах Жлобинского, Светлогорского и других районов. При анализе 21 книги «Памяць» замечено также, что авторы некоторых изданий («Памяць» Хойникского, Чечерского, Наровлянского, Октябрьского и других районов) главный акцент в освобождении регионов делают на роль партизан [7]. Понятно, что партизанские формирования внесли значительный вклад в освобождение Беларуси. Однако основную роль в освобождении Гомельщины сыграли боевые действия войск Красной Армии.

Некоторые аспекты проблемы освобождения Гомельщины нашли свое отражение в материалах международных, республиканских научных конференций, проведенных в 2008, 2013, 2018 и 2019 гг. в Гомеле [8]. Следует выделить статьи В. Б. Маковского, А. М. Литвина, С. Е. Новикова, А. А. Здановича, Ф. А. Свентицкого, Б. Д. Долготовича, А. Н. Крыворота, И. Ю. Воронковой, в которых содержится ценная информация по рассматриваемой теме.

В историографию данной темы определенный вклад вносят и российские историки. Остановимся только на четырех новейших изданиях. Первое из них «Великая Отечественная война 1941–1945. Военно-исторические очерки. В 4 кн. Кн. 3. Освобождение». Авторы этого труда не обошли вниманием начальный этап освобождения Беларуси. Вместе с тем, во вступительной статье М. А. Гареева содержится информация, в основном, о неудачах на западном направлении. И только весьма конспективно подчеркивается, что «... войска Белорусского фронта, несмотря на все трудности, взломали оборону противника на фронте 100 км, продвинулись на глубину до 130 км, овладели городами Гомель и Речица» [9, с. 16].

Некоторые аспекты истории начального этапа освобождения Беларуси нашли отражение в коллективном научном труде, вышедшем в 2015 г., «Великая Отечественная война. 1941–1945. Документы и материалы. Т. VIII. Освобождение Белоруссии» [10]. Представленный материал даёт основание предполагать, что авторы оперируют не совсем достоверными сведениями о первом освобожденном районном центре Беларуси, утверждая, что «первыми вступили на территорию Беларуси 26 сентября 1943 г. части 108-й стрелковой дивизии полка П. А. Теремова. Они освободили районный центр Хотимск [10, с. 9]. Значительное внимание в научном издании уделяется Калинковичско-Мозырской наступательной операции зимой 1944 г. Однако весьма фрагментарно освещены боевые действия во время этой операции. Главное внимание обращается на задачи, поставленные Белорусскому фронту Ставкой ВГК на начало 1944 г., а также на количество соединений и частей, задействованных в этой операции. Касаясь Калинковичско-Мозырской операции, авторы отмечают, что “наступление войск Белорусского фронта выгодно отличалось от действий 1-го Прибалтийского и Западного фронтов. В то же время, как далее подчеркивается, «Генеральный штаб их действия оценил, как «неудовлетворительные»». В подтверждение этого приводятся следующие данные: «За период с 8 по 20 января 65-ая армия израсходовала 368 вагонов боеприпасов, несмотря на то, что её среднесуточные темпы продвижения не превышали километра, а 61-ая

армия лишь 19 января использовала 27173 снаряда и мины, продвинувшись всего на несколько десятков метров» [10, с. 22].

При анализе документов замечено, что ценная информация о боях за г. Речицу содержится в историческом формуляре 15-й гвардейской Речицкой Краснознамённой ордена Суворова танковой бригады [10, с. 156].

Анализ материалов, которые вошли в 4-й том «Освобождение территории СССР. 1944 год» нового 12-томного фундаментального издания «Великая Отечественная война 1941–1945 годов» дает возможность проследить основные подходы, оценки и результаты в отношении боевых действий в ходе Калининско-Мозырской, Рогачёвско-Жлобинской операций [11].

Аналогичные методологические подходы можно увидеть и в новейшем совместном российско-белорусском академическом издании «Страна в огне. Т. 2. Коренной перелом 1942–1943. Кн. 1. Очерки; Т. 3. Освобождение 1944–1945. Кн. 1. Очерки». В нём авторы, используя широкую фактологическую базу, на новом теоретическом уровне рассматривают боевые действия Красной Армии на территории Беларуси осенью 1943 г. – зимой 1944 г., весной – летом 1944 г. [12].

В то же время следует отметить, что как в последнем, так и в предыдущих научных изданиях центральное место занимает Белорусская наступательная операция «Багратион». При этом авторы не акцентируют внимание на завершении освобождения Гомельщины в контексте операции «Багратион».

Таким образом, освобождение Беларуси – это длительный этап, который начался осенью 1943 г. и завершился летом 1944 г. Анализ современной научной литературы показывает, что до настоящего времени не удалось показать реальную картину освобождения Гомельщины. Эта тема требует нового научного прочтения с учетом изучения истории двухсторонних боевых действий на основе компаративного подхода, а также использования малоизвестных и новых документов.

Источники и литература

1. Беларусь у Вялікай Айчыннай вайне. 1941–1945 : энцыкл. – Мн. : БелСЭ, 1990. – 680 с.; Тимохович, В. Битва за Белоруссию. 1941–1944 / В. Тимохович. – Мн. : Беларусь, 1994. – 154 с.; Лемяшонак, У. І. Вызваленне – без грыфа “сакрэтна” / У. І. Лемяшонак. – Мн. : Польша, 1996. – 151 с.; Лемяшонак, У. І. Вызваленне Беларусі ад нямецка-фашысцкіх захопнікаў / У. І. Лемяшонак, // Беларускі гістарычны часопіс. – 2004. – № 6. – С. 3–21; Беларусь в годы Великой

Отечественной войны 1941–1945 / А. А. Коваленя (рук. автор. кол-ва), А. М. Литвин [и др.] – Мн. : БЕЛТА, 2005. – 544 с.; Долготович, Б. Д. Освобождение Беларуси / Б. Д. Долготович // Беларусь. 1941–1945: Подвиг. Трагедия. Память. В 2 кн. / Нац. Акад. Наук Беларуси, Ин-т истории; редкол.: А. А. Коваленя (пред.) [и др.]. – Мн. : Беларуская навука, 2010. – Кн. 1. – С. 466–479; Новікаў, С. Я. [Рэцэнзія] / С. Я. Новікаў. Савецка-германскі фронт у 1943–1944 гг.: погляд нямецкіх гісторыкаў // Беларускі гістарычны часопіс. – 2007. – № 12. – С. 67–75; Освобождение Беларуси 1943–1944 / В. В. Абатуров (рук. автор. кол-ва); редкол.: И. И. Басик, А. А. Коваленя [и др.]. – Мн. : Беларуская навука, 2014. – 943 с.; Великая Отечественная война. 1941–1945. Военно-исторические очерки. Кн. 3. Освобождение. – М. : Наука, 1999. – 510 с.; Великая Отечественная война 1944–1945 годов : в 12 т. – М. : Кучково поле, 2012. – Т. 4 : Освобождение территории СССР. 1944 год. – 864 с.; Великая Отечественная война. 1941–1945 : документы и материалы в 12 т. – М. : ИЦ «Ретроспектива», 2015. – Т. VIII : Освобождение Беларуси. – 416 с.; Страна в огне : в 3 т. Т. 2. Коренной перелом. 1942–1943 : в 2 кн. Кн. 1. Очерки / отв. ред. А. М. Литвин, Ю. А. Никифоров. – М. : Абрис, 2018. – 734 с.; Т. 3 : Освобождение. 1944–1945 : в 2 кн. Кн. 1 : Очерки / отв. ред. А. М. Литвин, М. Ю. Мягков. – М. : Абрис, 2018. – 717 с.

2. Великая Отечественная война 1941–1945: Энциклопедия / гл. ред. М. М. Козлов; редкол.: Ю. Я. Барабаш, П. А. Жилин (зам. гл. ред.), В. И. Канатов (отв. секретарь) [и др.]. – М. : Советская энциклопедия, 1985. – 832 с. – С. 212, 615; Беларусь у гады Вялікай Айчыннай вайны. 1941–1945 : Энцыклапедыя / рэд. кал.: У. П. Шамякін (гал. рэд.) [і інш.]. – Мн. : БелСЭ, 1990. – С. 172, 238, 517.

3. Тимохович, И. В. Битва за Белоруссию. 1941–1944 / И. В. Тимохович. – Мн. : Беларусь, 1994. – 154 с.

4. Лемяшонак, У. І. Вызваленне – без грыфа “сакрэтна” / У. І. Лемяшонак. – Мн. : Палымя, 1996. – 151 с.

5. Беларусь в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 / А. А. Коваленя [и др.]. – Мн. : БЕЛТА, 2005. – 544 с.

6. Освобождение Беларуси 1943–1944 / В. В. Абатуров (рук. автор. кол-ва); редкол.: И. И. Басик, А. А. Коваленя [и др.]. – Мн. : Беларуская навука, 2014. – 943 с.

7. Памяць: гіст.-дак. хроніка Рагачоўскага раёна. – Мн. : БелЭН, 1994. – 535 с.; Памяць: гіст.-дак. хроніка Жлобіна і Жлобінскага раёна. – Мн. : БелЭН, 2000. – 752 с.; Памяць: Светлагорск. Светлагорскі раён.: гіст.-дак. хронікі гарадоў і раёнаў Беларусі : у 2 кн. – Мн. : Беларусь, 2003. – Кн. 2. – 750 с.; Памяць: гіст.-дак. хроніка Нараўлянскага

раёна. – Мн. : БЕЛТА, 1998. – 448 с. ; Памяць: гіст.-дак. хроніка Хойніцкага раёна. – Мн. : БелЭН, 1993. – 383 с.; Памяць: гіст.-дак. хроніка Акцябрскага раёна. – Мн. : БЕЛТА, 1997. – 478 с.; Памяць: гіст.-дак. хроніка Чачэрскага раёна. – Мн. : БЕЛТА, 2000. – 622 с.

8. Маковский, В. Б. Боевые действия советских войск по освобождению Гомеля: Взгляд через 70 лет / В. Б. Маковский // 1943 год на Гомельщине : материалы Междунар. науч.-практ. конф. / под общ. ред. А. М. Куксо. – Гомель : БелГУТ, 2013. – С. 141–150; Зданович, А. А. Органы контрразведки «Смерш» в Гомельско-Речицкой наступательной операции / А. А. Зданович // 1943 год на Гомельщине: материалы Междунар. науч.-практ. конф. / под общ. ред. А. М. Куксо. – Гомель : БелГУТ, 2013. – С. 161–168; Литвин, А. М. Встречный фронт: деятельность партизан в первый период освобождения Беларуси (сентябрь 1943 – апрель 1944 гг.) / А. М. Литвин // 1943 год на Гомельщине: материалы Междунар. науч.-практ. конф. / под общ. ред. А. М. Куксо. – Гомель : БелГУТ, 2013. – С. 150–161; Долготович, Б. Д. Освобождение Брагинщины: люди, события, факты / Б. Д. Долготович // 1943 год на Гомельщине : материалы Междунар. науч.-практ. конф. / под общ. ред. А. М. Куксо. – Гомель : БелГУТ, 2013. – С. 186–189; Стадникова, Р. Г. 106-я стрелковая Днепровско-Забайкальская краснознаменная ордена Суворова дивизия в боях за освобождение Лоевщины / Р. Г. Стадникова // 1943 год на Гомельщине : материалы Междунар. науч.-практ. конф. / под общ. ред. А. М. Куксо. – Гомель : БелГУТ, 2013. – С. 189–196; Крыварот, А. А. Гомельска-Рэчыцкая наступальная аперацыя (10–30 лістапада 1943 г.): баявы ўклад партызан / А. А. Крыварот // Беларусь в год коренного перелома в годы Великой Отечественной войны (к 75-летию освобождения города Гомеля): сб. науч. ст. – Гомель : ГГУ им. Ф. Скорины, 2018. – С. 10–21; Варанкова, І. Ю. Пераломны 1943 г. на Гомельскім Палессі / І. Ю. Варанкова // Беларусь в год коренного перелома в годы Великой Отечественной войны (к 75-летию освобождения города Гомеля) : сб. науч. ст. – Гомель : ГГУ им. Ф. Скорины, 2018. – С. 81–90; Новікаў, С. Я. Баявыя дзеянні Чырвонай Арміі па вызваленні Беларусі ў 1943–1944 гг. у адлюстраванні нацыянальных гістарыяграфіі і новых крыніц: спроба кампаратыўнага аналізу / С. Я. Новікаў // Беларусь в год коренного перелома в годы Великой Отечественной войны (к 75-летию освобождения города Гомеля): сб. науч. ст. – Гомель : ГГУ им. Ф. Скорины, 2018. – С. 168–179; Долготович, Б. Д. Боевые действия на днепровских плацдармах Беларуси осенью 1943 г. / Б. Д. Долготович // Беларусь в год коренного перелома в годы Великой Отечественной войны (к 75-летию освобождения города Гомеля) : сб. науч. ст. – Гомель : ГГУ им. Ф. Скорины,

2018. – С. 191–200; Башко, А. Ю. Начало освобождения территории Беларуси по материалам советской периодической печати (сентябрь – декабрь 1943 г.) / А. Ю. Башко // Беларусь в год коренного перелома в годы Великой Отечественной войны (к 75-летию освобождения города Гомеля) : сб. науч. ст. – Гомель : ГГУ им. Ф. Скорины, 2018. – С. 258–264; Новікаў, С. Я. Вызваленне Беларусі ад германскіх захопнікаў 1943–1944 гг. у сучасных айчынным і замежным гістарыяграфічных наратывах / С. Я. Новікаў // Векапомныя дні вызвалення : материалы Респ. науч. конф., посвященной 75-летию освобождения Беларуси от немецко-фашистских захватчиков / под общ. ред. Е. Г. Кириченко. – Гомель : БелГУТ, 2019. – С. 3–11.

9. Великая Отечественная война. 1941–1945. Военно-исторические очерки в 4 кн. – М. : Наука, 1999. – Кн. 3 : Освобождение. – 510 с.

10. Великая Отечественная война. 1941–1945: Документы и материалы : в 12 т. – М. : ИЦ «Ретроспектива», 2015. – Т. VIII: Освобождение Беларуси. – 416 с.

11. Великая Отечественная война 1944–1945 годов : в 12 т. – М. : Кучково поле, 2012. – Т. 4: Освобождение территории СССР. – 1944 год. – 864 с.

12. Страна в огне : в 3 т. / отв. ред. А. М. Литвин, Ю. А. Никифоров. – М. : Абрис, 2018. – Т. 2: Коренной перелом. 1942–1943 : в 2 кн. Кн. 1. Очерки – 734 с.; Т. 3. Освобождение. 1944–1945: В 2 кн. Кн. 1. Очерки / отв. ред. А. М. Литвин, М. Ю. Мягков. – М. : Абрис, 2018. – 717 с.

УДК 94:323.28(430:476)«1941-1944»:94:725.945(476)«194/198»

Д. А. Волошко, Е. Н. Дубровко
Гомельский государственный
университет имени Ф. Скорины, г. Гомель

**МЕМОРИАЛИЗАЦИЯ МЕСТ
МАССОВОГО УНИЧТОЖЕНИЯ
В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ
МИРНОГО НАСЕЛЕНИЯ НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ
(1940-е – 1980-е ГОДЫ)**

В статье анализируется деятельность партийных и государственных органов, общественных организаций в советский период по увековечению

нию памяти мирного населения, пострадавшего в ходе Великой Отечественной войны на территории Беларуси. В статье раскрывается поэтапное строительство и функционирование мемориальных объектов и рассмотрены характерные черты каждого этапа.

Сохранение памяти о значимых исторических событиях, интерпретация их в аспекте значения для национальных интересов и исторической судьбы народа и государства имеют первостепенное значение для сохранения самого народа и его государственности, так как составляют фундамент национальной идентичности. Только на прочном фундаменте, основанном на честном взгляде на историческое прошлое, может сформироваться осознанная гражданская позиция и патриотизм, как элементы, скрепляющие национальную общность. В контексте истории белорусского народа нельзя не признать большую роль мемориализации событий Великой Отечественной войны в этом процессе, что делает её на сегодняшний день актуальным объектом исследования.

Основным способом увековечивания памяти о событиях Великой Отечественной войны в СССР было строительство мемориальных объектов, а также установление судеб погибшего населения в годы войны, что вылилось в широкую поисковую деятельность. Однако в течение 1940-х – 1980-х годов практика монументального строительства не оставалась неизменной. Можно выделить несколько этапов проектирования, сооружения и функционирования памятников. В 1942 году Союзы советских архитекторов и художников в порядке подготовительной работы провели конкурс на составление проектной идеи памятников Великой Отечественной войны. Организаторам были рекомендованы к разработке три основные темы: 1) монументальное сооружение в столице БССР городе Минске – музей Великой Отечественной войны; 2) монумент-памятник герою или группе героев Великой Отечественной войны для любого населённого пункта, знаменательного историческим подвигом; 3) памятник вне населённого пункта, у места стратегического значения, за завоевание или защиту которого были совершены героические подвиги. В целом 1942–1945 года характеризовались проективным этапом мемориального строительства, во время которого были заложены основные типологические черты будущих памятников [1, с. 25].

Типология возводимых в середине 1940-х – 1950-х годов мемориальных объектов не отличалась разнообразием. Большинство созданных монументов характеризовались однотипностью и простотой художественного исполнения. Многие из памятников уже тогда трактовались как временные, впоследствии их заменили сооружения из

более прочных материалов. Нехватка капитальных материалов и проблемы, связанные с их доставкой в отдельные районы, обуславливали необходимость обращения к имевшемуся повсеместно материалу – дереву. Происходило своеобразное копирование форм каменных монументов, хотя особенности дерева сказывались на общем решении [2, с. 164–167].

Что касается объектов для мемориализации, то основное внимание уделялось сохранению и монументальному оформлению могил военнослужащих Советской армии и партизан. Проблема сохранения памяти о погибших мирных жителях к середине 1950-х годов не была окончательно решена. Кроме того, совершенно не затрагивалась тема первых трагических дней Великой Отечественной войны [1, с. 27].

Но это не означает, что данная проблема не затрагивалась вовсе. Например, в Каменецком районе за годы войны нацисты уничтожили более 6 тысяч мирных жителей и сожгли 40 деревень, многие из которых так и не восстановились после войны. Единственным объектом для увековечивания памяти погибшего мирного населения в 1960 году был обелиск. Но в 1985 году произошёл демонтаж старого обелиска, и он был заменен новым. Внешне он напоминал четырёхугольную бетонную плоскую плиту с изображением лиц пожилых людей, женщин и детей, и выбитыми именами жертв [3, с. 274–275].

Следует отметить, что изначально захоронения жертв среди мирного населения периода нацистской оккупации 1941–1944 годов в поле зрения органов власти не были. Ситуация изменилась с выходом постановления СМ БССР в 1949 году. Если проанализируем данные за 1985–1990 годы, опубликованные в сводах памятников истории и культуры по областям Беларуси, то получаем следующий результат: к примеру, по Витебской области – из 150 могил только на четырех в 1946–1949 годах были установлены памятники; по Могилевской – из 100 могил лишь на шести на протяжении 1945–1949 годов были установлены памятники; по Гомельской – из 145 на четырех – памятники 1944–1948 годов установки; по Брестской – из 145 на четырех захоронениях с 1945 по 1949 года установлены памятники; по Гродненской области – из 99 могил на шести имелись памятники, установленные с 1944 по 1948 год. Исходя из полученных данных, можно говорить о том, что на местном уровне (в первую очередь на уровне сельских советов, которые являлись исполнителями решений вышестоящих властей) начиная еще с 1944 г. шел, хоть и медленно, процесс увековечивания памяти погибших из числа мирного населения. Как правило, все захоронения расположены на гражданских кладбищах (оставшиеся в живых перезахоранивали своих родных и близких, односельчан), и

только 1 % установленных памятников на тот момент находился непосредственно на месте сожженной вместе с людьми постройки или ямы-расстрела [1, с. 28].

Первоначально фактически за рамками официального увековечивания памяти о войне оставались мирные жители, погибшие от рук оккупантов. Широкий резонанс в стране вызвало уточнение данных об огромных человеческих потерях СССР в годы войны. Если первая цифра, которую в 1946 г. озвучил И. Сталин, была 7 млн человек, то в одном из докладов Н. Хрущёва речь шла о «более 20 миллионах». Значительную часть этих безвозвратных потерь составляли жители оккупированных республик СССР [4, с. 128]. С 1960-х годов мемориализация мест массового уничтожения мирного населения на территории Беларуси в годы Великой Отечественной войны активизировалась.

Ярким примером эволюции мемориального объекта стал мемориальный комплекс «Дальва». «Дальва» – мемориальный архитектурно-скульптурный комплекс в память о жителях деревни «Дальва». Находится на 77-м км трассы Минск – Витебск, на месте бывшей деревни «Дальва» Логойского района Минской области. В 1955 году на месте братской могилы с останками жителей бывшей деревни поставлен памятник. В 1963 году его заменили на обелиск с пятиконечной звездой. А в 1972 году в Белорусском государственном театральном-художественном институте объявили конкурс на лучший проект памятника деревне «Дальва». Победителем стал третьекурсник отделения скульптуры художественного факультета, воспитанник народного художника Беларуси скульптора А. О. Бембея – Владимир Теревун. Мемориал «Дальва» строился на общественных началах, на средства, собранные от концертной деятельности творческих коллективов Белтелерадиокомпании, военнослужащих и пожертвований общественных организаций. Инициатором этой работы был единственный уцелевший свидетель трагедии деревни «Дальва» Н. П. Гирилович, который всю жизнь посвятил сохранению памяти об односельчанах. Открытый 15 июля 1973 года комплекс повторяет планировку бывшей деревни «Дальва». Мемориальный комплекс «Дальва» включен в государственный список историко-культурных ценностей Республики Беларусь [5, с. 108–109].

В 1960–1980-е годы на территории страны появляются несколько крупных мемориальных комплексов, среди которых своими нетривиальными инженерно-архитектурными решениями особо выделялись так называемые «места памяти». Среди наиболее значимых «мест памяти», посвященных именно мирному населению, выделяется мемориальный комплекс «Хатынь». В 1960-е – 1980-е годы эти

новые объекты сыграли большую роль и в развитии туризма на территории БССР, где концентрация историко-культурных достопримечательностей была относительно не велика. Массовое посещение мемориального комплекса способствовало трансляции сложившейся концепции исторической памяти от людей военного поколения к последующим поколениям советских граждан [6, с. 34].

В 1966 г. правительство БССР приняло решение о возведении памятника 9200 белорусским деревням, полностью или частично уничтоженным во время Великой Отечественной войны. Мемориальный архитектурно-скульптурный комплекс «Хатынь» (1969) стал местом проведения массовых митингов и антивоенных манифестаций [7, с. 137].

Сам мемориальный комплекс Хатынь создавался в несколько этапов. Первоначально основной идеей было создание музея-памятника. Слова о создании «мемориального комплекса» официально прозвучали в 1967 году. К этому времени уже были подготовлены проекты здания и рабочие чертежи. К декабрю 1968 года было окончено строительство первой очереди. Мемориальный ансамбль повторял планировку уничтоженной деревни: главная улица с перекрестками двух небольших улиц [6, с. 40].

Архитекторы того времени получили для работы чистое поле, за которым вдали на горе с вековыми деревьями стояли каменные, похожие на языческие изваяния, кресты старого хатынского кладбища. Авторы начали с организации пространства, выделив его в форму символической чаши, обустроив площадку круглой формы, окруженную берёзами. Внутри скругленной ложины появилась линейка улицы, не существующей деревни и крест-накрест пересекающая ее дорога для посетителей мемориального ансамбля [6, с. 74].

В Хатыни авторы нарушили привычную композиционную схему. Кульминационный пункт расположили не в центре, не в конце, а в самом начале осмотра. Это была почти шестиметровая статуя босого старика со спасенным подростком на руках, могучего, будто выходящего из огня, горящего, но не сгоревшего. Заметно, что авторы проекта с самого начала моделировали эмоциональное восприятие посетителя мемориального комплекса. Пепел Хатыни с этого момента начинал стучаться в сердце, и дорога по мемориалу становилась даже необходимой, чтобы пережить возникшее волнение: необходимо было двигаться, чтобы высохли слезы, чувства пришли в порядок, оказалась символически до конца испита чаша скорби. Дорога вела от бетонной статуи старика к улице сгоревшей деревни, выложенной серыми плитами. Архитекторы сконструировали ассоциативные знаки

хат – показали венцы срубов из серых бетонных брусьев и высокие остовы печных дымоходов, в уключине каждой калитки, как на конверте, написали имена погибших. Создатели мемориального комплекса добавили также символические «голоса» погибших хатынцев: они оформили каждую печную трубу как колокольню. Позже Ю.М. Градов вспоминал, что на уровне проектирования авторы хотели, как можно дальше уйти от прямых ассоциаций с печными трубами. Так они создалиobeliski, увенчанные колоколами и снабженные перечнями фамилий и дат рождения жителей. Это был революционный для своего времени жест, поскольку, напомним, речь идет о художественном процессе 1960-х гг., когда советская власть в рамках антирелигиозной пропаганды имела в виду превратить БССР в атеистическую республику, а колокол – традиционный атрибут церковности. Предпринимались попытки найти колоколам замену с соответствующей семантической нагрузкой, однако успехом они не увенчались. И сегодня Хатынь без колоколов невозможно даже представить. В итоге П. М. Машеров одобрил идею. Л. М. Левин особо отмечал, что создатели комплекса с самого начала работы ощущали недостающее звено для завершения образа трагедии как целого. Таким звеном стал звук, что они поняли внезапно, когда на заросшем травой поле, молчаливом свидетеле трагедии, внезапно запел жаворонок. Звук колоколов оказался тем самым недостающим элементом в создании общесимволического поля памятника [6, с. 80].

Мощеная плитами дорога ведет к месту, где произошла трагедия. Над всем возвышается бронзовая фигура величественного в своей скорби старика с мертвым мальчиком на руках. «Непокоренный» – так называется эта скульптура. Это не памятник Иосифу Каминскому. Это – собирательный образ, памятник всем белорусам, кто пережил кровь и ужас войны, потерял своих родных и близких, но перенес все и не сломался, не покорился.

Скульптуру установили к открытию первой очереди создания мемориала 26 декабря 1968 года. Первоначально она стояла спиной к символической «Крыше сарая». «Непокоренный» словно двигался от символического места гибели людей к могиле хатынцев. В 1973 г. скульптура была повернута лицом к главному входу [6, с. 82].

Говоря о самой скульптуре «Непокорённый человек», отметим, она создавалась в несколько этапов. Создателем знаменитой скульптуры стал народный художник БССР С. Селиханов. Фигура старого мужчины с мертвым мальчиком на руках стала символом этой хатынской трагедии. Скульптура также воплощала в себе образ народа, вместивший в свое сердце горе, утрату и неодолимую силу, и мужество.

Работа целиком была выполнена из бронзы. Эта скульптура внесла серьезный вклад в сокровищницу искусства БССР, и в 1970 г. удостоилась Ленинской премии, высшей на то время [6, с. 84].

С правой стороны от скульптуры находится символическая «Крыша сарая», в котором погибли люди. Выполненная из черного гранита, она словно давит на землю, пряча под собой пепел Хатыни. Сколы в центре подчеркивают кульминационный момент трагедии. Клинообразная светлая дорога символизирует собою «Последний путь» убитых и сожженных людей.

В рассматриваемое время процесс мемориализации активизировался во всех областях Беларуси. Так в Брестской области представлены памятники с новыми архитектурными приемами. Следует выделить мемориальный комплекс «Урочище Гай». Здесь в июне 1942 года было убито порядка 3 тысяч чехословацких евреев. В 1970–1971 годах на месте гибели чехословацких евреев был установлен мемориальный комплекс. Действующими архитекторами были избраны Н. Миловичев, А. Макаров и А. Моренич. Основой композиции мемориального комплекса являются два прочно сомкнутых пилона, стилизованных под столбы ограды концлагеря. Арка удерживает бронзовый колокол со специальной системой подвески, звучащий от самого слабого дуновения ветра. Каждый его звон, ассоциируется с напоминанием о погибших. Внизу расположен чеканный барельеф, на нем изображены множество рук, поднятых и сжатых в гневе, протесте, боли и отчаянии. Пилоны поставлены на том самом месте, где во время расправы находился пулемет. От главного монумента проложена плита к 2 рвам-могилам, между ними бетонная плита из 3 тысяч бутовых камней. К ней прилеплена мраморная плита с изображениями терновой ветки и надписью на русском и чешских языках: «Светлой памяти чешских братьев». В композицию памятника включен отрезок полевой дороги, по которой обреченных вели к месту расстрела. Порог жизни и смерти – рассеченный бетонный брус. Фактура бетона создает впечатление следов, оставленных людьми, переступивших порог бытия. Достоверная передача обстоятельств трагедии, печальный звон колокола производят глубокое эмоциональное впечатление. Мемориальный комплекс «Урочище Гай» и по сей день является произведением монументального искусства [3, с. 286–288].

В Гродненской области процесс создания мемориальных объектов в память о погибших начался ещё в середине 1940-х годов. Но массовое строительство началось только с конца 1950-х годов. Памятные места были достаточно просты в своем исполнении, как и в других

областях БССР, но по количеству мемориальных объектов Гродненщина уступала только Минской области. Хотелось бы отметить довольно крупный объект, имеющий историко-культурную ценность для Гродненской области, он располагается в Ивьевском районе в деревне Стоневичи. На этом месте в годы войны располагался крупный нацистский концентрационный лагерь. В 1957 году на месте могил погибших мирных жителей была установлена стела. Но к 1990 году памятный объект был полностью перестроен, и на его месте был создан мемориальный комплекс. Территориально комплекс занимает достаточно внушительное пространство. Объекты комплекса включают в себя две надмогильные насыпи, которые покрыты черной галькой с окатышем. Вдоль проложенной дороги, выложенной черными мраморными плитами, посажено семь елей. Эта дорога ведёт к черно-красному мраморному обелиску. За ним находится стена из темно-красного кирпича с надписями-посвящениями. Территория мемориала обнесена невысокой ажурной чугунной оградой с входной аркой, вокруг которой находятся цветники [8, с. 283].

В Докшицком районе на месте бывшей деревни Шуневка в 1983 году был сформирован мемориальный комплекс «Проклятие фашизму». Этот мемориальный объект стал подлинным примером трагико-экспрессивной образности. Центром этой образности стала бронзовая статуя женщины-матери. В экспозиции мать стоит в проеме стилизованных ворот скорби с воздетыми в проклятии руками. Динамичная поза женщины передает немой крик её души, проклиная войну. В отличие от парадных статуй советских воинов и сдержанно-скорбных матерей 1950-х – 1970-х годов статуя матери в этом мемориальном комплексе на новом уровне психологизма раскрывает трагедию женщины. Поднятые к небу лицо и руки, крепко сжатые кулаки, проступающие на руках вены – все эти детали подчеркивают эмоциональное напряжение, гнев и неприятие любой войны. Инициатором создания скульптуры выступил А. Аникейчик, но главным архитектором мемориального комплекса стал Л. Левин [9, с. 156].

В целом, можно говорить, что в советский период мемориализация мест массового уничтожения мирного населения не занимала доминирующее место. Начиная с 1940-х годов, акцент мемориализации приходился на памятники, посвящённые войнам-освободителям, партизанам и героям-подпольщикам. Такой процесс продолжался вплоть до 1960-х годов. Безусловно, в БССР существовали памятные объекты, посвященные мирному населению, созданные в период с середины 1940-х до 1950-х годов, но все эти памятные места имели в большей

мере локальный характер, нежели общереспубликанский. В 1960-х годах советское руководство решает начать активное строительство мемориалов по увековечению жертв среди мирного населения. Первым толчком стало создание мемориального комплекса «Хатынь», мемориал совершил прорыв в мемориальном искусстве БССР. Всего с советский период было обустроено более 1,5 тысяч мемориальных объектов, посвящённых мирному населению. Наиболее значимыми проектами стало создание мемориального комплекса «Дальва», мемориального комплекса «Проклятие фашизму», мемориального комплекса «Урочище Гай». Таким образом в течение 1940-х – 1980-х годов практика монументального строительства прошла эволюцию от простейших художественных форм первых послевоенных лет к сложным архитектурно-скульптурным ансамблям 1960-х – 1980-х годов, посвящённым памяти жертв Великой Отечественной войны среди мирного населения.

Источники и литература

1. Савчук, Т. П. Эволюция памятников Великой Отечественной войны на территории Брестской области (1940-е – 1980-е гг.) / Т. П. Савчук // Веснік Брэсцкага ўніверсітэта. Сер. 2. Гісторыя. Эканоміка. Права. – 2010. – № 1. – С. 25–32.

2. О мерах улучшения охраны памятников культуры: постановление Совета Министров СССР, 14 окт. 1948 г., № 3898 // Советское законодательство о памятниках истории и культуры. Сборник документов и материалов (1917–1972 гг.) / Ф. Б. Борисевич [и др.]; под ред. И. Ф. Климова. – Минск : Полымя, 1972. – С. 164–171.

3. Свод памятников истории и культуры Белоруссии. Брестская область / АН БССР, Ин-т искусствоведения, этнографии и фольклора, Белорус. Сов. Энцикл. ; редкол.: С. В. Марцелев (гл. ред.) [и др.]. – Минск : БелЭС, 1990. – 424 с.

4. О благоустройстве мест захоронения воинов Советской Армии, партизан и мирного населения, погибших в 1941–1945 гг., и об увековечении знаменательных мест и событий, связанных с Великой Отечественной войной на территории БССР: 7 авг. 1961 г. // Увековечение памяти защитников Отечества и жертв войн в Беларуси, 1941–2008 гг. : док. и материалы / сост.: В. И. Адамушко [и др.]. – Минск, 2008. – С. 128–131.

5. Ботвинник, М. Б. Памятники геноцида евреев Беларуси / М. Б. Ботвинник. – Минск : Белорусская наука, 2000. – 326 с.

6. Зельскі, А.Г. Хатынь. Трагедыя беларускага народа / А. Г. Зельскі. – Мінск : Беларус. энцыкл. імя П. Броўкі, 2018. – 144 с.

7. О дальнейшей работе по увековечению героических подвигов советских людей в период Великой Отечественной войны : постановление ЦК КПБ, 17 янв. 1966 г. // Увековечение памяти защитников Отечества и жертв войн в Беларуси 1941–2008 гг. : док. и материалы / сост. : В. И. Адамушко [и др.]. – Минск : НАРБ, 2008. – С. 135–142.

8. Збор помнікаў гісторыі і культуры Беларусі. Гродзенская вобласць / АН БССР, Ін-т мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору; рэд. кал.: С. В. Марцэлеў (гал. рэд.) і інш. – Мінск : БелСЭ, 1986. – 371 с.

9. Збор помнікаў гісторыі і культуры Беларусі. Віцебская вобласць / АН БССР, Ін-т мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору ; рэд. кал.: С. В. Марцэлеў (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : БелСЭ, 1985. – 496 с.

УДК 069:94(476.7-25)«1941»(082)

Л. В. Харичкова, Е. И. Пашкович
Брестский государственный
университет имени А. С. Пушкина, г. Брест

ГЕРОИЗМ ЗАЩИТНИКОВ БРЕСТСКОЙ КРЕПОСТИ В ЭКСПОЗИЦИИ «ОБОРОНА ВОСТОЧНОГО ФРОНТА»

В статье раскрывается процесс музеефикации Восточного форта Брестской крепости – уникального памятника крепостной архитектуры XIX века, который оказался в эпицентре оборонительных боев в июне 1941 года. Отражены основные этапы создания на его территории экспозиционной зоны во втором десятилетии XXI в., выделены факторы, обусловившие необходимость открытия новой музейной экспозиции и способствовавшие реализации этого проекта. Представлена специфика организации экспозиционного пространства, его тематико-экспозиционные зоны, определено значение музеефикации Восточного форта.

Героическая оборона Брестской крепости – одна из ярких страниц в истории Великой Отечественной войны советского народа против гитлеровской Германии. В течение месяца бойцы гарнизона крепости сдерживали натиск противника. 8 мая 1965 г. за мужество и героизм, проявленные ими в июне 1941 г., Брестская крепость была удостоена высокого звания «Крепость-герой». События героической обороны Брестской крепости нашли отражение в экспозиции Музея обороны, открытие которого состоялось 8 ноября 1956 г.

В последующие годы сотрудниками мемориала была проделана огромная работа по выявлению новых источников по истории обороны Брестской крепости, уточнению судеб ее защитников. Новыми именами пополнилась картотека участников обороны. Благодаря раскопкам, проводившимся на территории крепости, в фонды мемориала поступило большое количество артефактов, относящихся к событиям июня 1941 г.

Новые материалы легли в основу музейных экспозиций, открытых на территории Мемориального комплекса «Брестская крепость-герой» уже в нынешнем столетии – «Музей войны – территория мира» (2014 г.), «Летопись Брестской крепости» (2019 г.), «Оборона Восточного форта» (2020 г.), «Форт № 5 Брестской крепости» (2021 г.).

Одному из самых героических эпизодов обороны Брестской крепости посвящена экспозиция «Оборона Восточного форта».

Восточный форт был построен в 1864–1869 гг. на Кобринском укреплении крепости по проекту Э. И. Тотлебена в рамках модернизации Брест-Литовской крепости. Накануне Великой Отечественной войны в его казематах располагались подразделения 393-го отдельного зенитного артиллерийского дивизиона (ОЗАД), транспортная рота 333-го стрелкового полка, 1-я учебная батарея 98-го отдельного противотанкового артиллерийского дивизиона, находились склады боеприпасов и конюшни [1, л. 11]. В июне 1941 г. в Восточном форте был создан наиболее мощный и организованный очаг сопротивления на территории Брестской крепости.

В послевоенные годы помещения форта долгое время использовались не по назначению. Только в 1971 г. Восточный форт стал объектом Мемориального комплекса «Брестская крепость-герой», историко-культурной ценностью категории «1», охраняемой государством [2, с. 23–24].

В планах мемориала музеефикация форта предусматривалась еще в 80-е гг. XX столетия. Уже тогда были проведены работы по благоустройству объекта (проведена расчистка казематов, установлены оконные рамы и двери). Сотрудники мемориала разработали и ввели в действие тематическую экскурсию по его территории [3, л. 54].

Однако в 1990-е гг. все работы по капремонту, реставрации и музеефикации Восточного форта были приостановлены в связи со сложной экономической ситуацией. Необходимость же музеефикации форта диктовалась острой потребностью в расширении экспозиционного пространства. Экспозиция Музея обороны Брестской крепости, один из залов которого был посвящен оборонительным боям в районе Восточного форта, не позволяла в полной мере отразить результаты проведенного к тому времени исследования о ходе боев на Кобринском укреплении и представить посетителям многие реликвии, обнаруженные на территории форта.

Работы по использованию Восточного форта и созданию в нем экспозиционного пространства были возобновлены после того, как в декабре 2017 г. Советом Министров Союзного государства был утвержден Проект «Капитальный ремонт, реставрация и музеефикация сооружений Брестской крепости в мемориальном комплексе «Брестская крепость-герой», рассчитанный на 2018–2020 гг. Музеефикация Восточного форта – одно из 16-ти мероприятий, предусмотренных данным Проектом [4, л. 102–111]. Открытие экспозиции «Оборона Восточного форта» состоялось 3 июля 2020 г. и было приурочено к 75-й годовщине Великой Победы и 76-летию освобождения Беларуси от немецко-фашистских захватчиков.

Экспозиция размещена на втором этаже казармы внутреннего вала слева от аппарели (в фортификации наклонная площадка для удобства въезда (выезда) военной техники и вооружения).

В первом зале раскрывается деятельность Штаба обороны и партийной организации по управлению подразделениями защитников форта. Экспозиция знакомит с руководителями обороны: командиром – майором П. М. Гавриловым, заместителем по политчасти – С. С. Скрипником, начальником штаба – капитаном К. Ф. Касаткиным. Среди представленных в зале вещей подлинные агитационные листовки противника, найденные в 2019 г. на Волынском укреплении; номера газеты «Часовой Родины» за 1941 г., военная амуниция.

Развернутая во втором зале инсталляция «Госпиталь-лазарет» воспроизводит казематы внешнего вала. До войны они использовались как конюшни, а в дни обороны как госпиталь-лазарет, который возглавила военфельдшер Р. И. Абакумова. Среди воссоздающих интерьер предметов можно увидеть найденные во время раскопок подковы, части цепей, медицинские лотки, шину, пробирки с применявшимися для хлорирования воды таблетками «Пантоцид», чайник [1, л. 26–32]. Инсталляцию дополняют проекция с кадрами из художественных фильмов «Бессмертный гарнизон» (1956 г.) и «Брестская крепость» (2010 г.), фотографии медработников, оказывавших в условиях нехватки медикаментов и перевязочного материала помощь раненым бойцам.

Экспозиция третьего зала раскрывает тему трагедии гражданского населения. Накануне войны на Кобринском укреплении проживали более 170 семей командного и начальствующего состава, политработников Красной армии. Часть из них, находясь в дни обороны в Восточном форте, оказывали посильную помощь оборонявшимся: набивали пулеметные ленты, ухаживали за ранеными. Размещенный в центре зала обугленный фрагмент фасада деревянного дома является

символом трагедии людей, в одночасье лишившихся всего. Внутри него по всему периметру расположены увеличенные в размере репродукции подлинных фотоснимков, сделанных военнослужащими вермахта. На них запечатлены оказавшиеся в эпицентре событий женщины и дети. Подобное экспозиционное решение создает особый эмоциональный фон, позволяющий сильнее ощутить атмосферу тех дней.

Центральная тема экспозиции четвертого зала – спасение знамени 393-го отдельного зенитного артиллерийского дивизиона. Оно было спрятано защитниками форта (рядовыми Тарасовым, И. Д. Фольварковым и младшим сержантом Р. К. Семенюком) 30 июня 1941 г. в одном из казематов внешнего вала. Найденное 27 сентября 1956 г. Р. К. Семенюком, сегодня оно экспонируется в витрине зала и является единственной подобной реликвией, из спасенных в дни обороны [1, л. 37–39].

В зале устроена специальная зона для просмотра документального фильма «Восточный форт» (1989 г.), благодаря чему посетители могут узнать о событиях июня 1941 г. от самих защитников форта. Для участия в съемках этого фильма они специально приезжали в крепость и непосредственно на местах боев рассказывали о пережитом.

Экспозиция пятого зала – «Последний бой» – посвящена событиям штурма Восточного форта, который противник предпринял 29 июня 1941 г. при поддержке авиации. Напоминанием о том, что для обозначения цели гитлеровцы использовали белые простыни, служат белые полотнища, изображенные на полу при входе в зал. За день немецкой авиацией были сброшены на форт 22 авиационные бомбы (по 500 кг каждая) и фугасная бомба «Сатана» весом 1 800 кг и радиусом поражения 180 метров [1, л. 41–52]. Макет последней в натуральную величину расположен в центре зала. В результате ее попадания в правый угол внешнего вала форта была разрушена часть казематов. Визуальный ряд дополнен аудио сопровождением – звуками взрывов от разорвавшихся снарядов.

После авиационной атаки противник приступил к зачистке форта с применением огнеметов, в ходе которой многие из оставшихся в живых бойцы были взяты в плен. В напольной витрине представлены обнаруженные в ходе раскопок фрагменты противогАЗа как свидетельство применения противником 26 июня дымовых шашек, а оружие и боеприпасы как отражение тяжелых боев в районе форта. На сенсорный экран, расположенный над витриной, выведена информация с биографическими данными почти на 300 известных на сегодняшний день участников обороны форта, фрагменты их воспоминаний, фотоматериалы и документы.

Музейную экспозицию из пяти основных залов дополняют шестой и седьмой залы, представляющие собой «открытую» уличную экспозицию, размещенную в казематах второго этажа в казарме справа от аппарели.

В дни обороны эта часть казармы внутреннего вала была местом ожесточенных боев: отсюда, из окон казематов второго этажа, хорошо просматривались и простреливались ворота и дорога в форт. Пытаясь сломить сопротивление защитников, противник вел прицельный артиллерийский обстрел по этой части внутреннего вала. Два ближайших к аппарели каземата, имеющие наибольшие разрушения (в частности, отсутствующие перекрытия между этажами) не доступны для посещения. Однако их можно осмотреть через декоративную решетку с территории и со смотровой площадки шестого зала.

На одной из обзорных площадок, оборудованных в казематах второго этажа, размещен макет зенитной пулеметной установки (ЗПУ М4) образца 1931 г. с оригинальными деталями (рамы с противовесами, наружная труба, одна из трех треног), найденными в ходе раскопок в 2015 г. В дни обороны такая установка использовалась защитниками форта как главная ударная сила.

В залах «открытой» экспозиции рассказывается о судьбах выживших защитников форта. В зале «Последний защитник» представлена скульптура одного из руководителей обороны Восточного форта майора, героя Советского Союза Петра Михайловича Гаврилова в полный рост. Она выполнена по фотографии, сделанной в 1975 г. во время его последнего посещения Брестской крепости. В скульптуре запечатлен пожилой, погруженный в воспоминания о прошлом человек. В зале звучит его голос с воспоминаниями о событиях далекого сорок первого. Экспозиция 7-го зала посвящена судьбам всех выживших и прошедших через плен защитников форта.

Остальные казематы второго этажа казармы предназначены для размещения тематических выставок.

Между внутренним и внешним валами оборудована мемориальная зона. Центром ее является скульптурная композиция «Последние метры» с изображением силуэтов трех бойцов, два из которых поддерживают третьего. Согласно замыслу авторов экспозиции, это последние метры на родной земле уходящих в плен защитников форта. При ее создании за основу была взята подлинная фотография из журнала «Signal», который выходил во всех оккупированных Германией странах.

Слева от композиции на внутренней стене внешнего вала помещены 28 табличек с именами погибших в плену защитников форта,

датами их жизни и местом гибели (названием концлагерей). Этот список пополняется по мере уточнения сотрудниками мемориала информации о судьбах защитников форта, погибших в плену.

Основу экспозиции «Оборона Восточного форта» составили подлинные предметы из фондов Мемориального комплекса, а также Брестского областного краеведческого музея и Кобринского музея имени А. В. Суворова. В процессе ее создания наряду с классическими были использованы новые формы подачи материала: инсталляции, аудио и видео сопровождение, содействующие визуальному и эмоциональному восприятию экспозиции. Включение в экспозиционное пространство интерактивных технологий позволило усилить его информационную и коммуникативную функции, сделать его интересным для молодого поколения. Размещение экспозиции на фоне подлинных, аутентичных стен – свидетелей трагических событий июня 1941 года, способствует более полному погружению в атмосферу того времени.

Таким образом, экспозиция «Оборона Восточного форта», создана с учетом современных требований к организации музейного пространства. Отражая все тяготы и лишения, которые выпали на долю участников обороны Восточного форта, она позволяет посетителям в полной мере осознать подвиг защитников Брестской крепости. Музеефикация сделала Восточный форт доступным для осмотра и позволила в полном объеме представить в экспозиционном пространстве результаты проведенных научными сотрудниками мемориала исследований, что стало еще одним шагом на пути сохранения исторической памяти о Великой Отечественной войне.

Источники и литература

1. Тематико-экспозиционный план экспозиции «Оборона Восточного форта» на Кобринском укреплении Брестской крепости // Архив Государственное Учреждение «Мемориальный комплекс «Брестская крепость-герой» (далее – Архив ГУ МК БКГ). – Оп. 1. – Д. 967. – 2020. – 187 л.

2. Харичкова, Е. В. Восточный форт Брестской крепости – памятник русской крепостной архитектуры XIX века и военной истории XX века / Е. В. Харичкова // Духовное и историческое наследие Брестской крепости : Материалы науч.-практ. конф., посвящ. 60-летию Музея обороны Брестской крепости и 45-летию мемориального комплекса «Брестская крепость-герой», Брест, 3–4 ноября 2016 года / Министерство культуры Республики Беларусь, ГУ «Мемориальный комплекс «Брестская крепость-герой»; редкол. : Г. Г. Бысюк [и др.]. – Брест : Альтернатива, 2017. – 156 с.

3. Концепция экспозиции «Оборона Восточного форта» на Кобринском укреплении Брестской крепости // Архив ГУ МК БКГ. – Оп. 1. – Д. 880. – Т. 5. – 2018. – Л. 50–79.

4. Проект Союзного государства «Капитальный ремонт, реставрация и музеефикация сооружений Брестской крепости в мемориальном комплексе «Брестская крепость-герой» (2018–2020 годы) // Архив ГУ МК БКГ. – Оп. 1. – Д. 18. – Т. 3. – 2017. – Л. 96–306.

УДК 372.893

Г. Э. Давидовская

Национальный институт образования, г. Минск

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ ИНТЕРАКТИВНЫХ ДИДАКТИЧЕСКИХ МАТЕРИАЛОВ «ПАМЯТНЫЕ МЕСТА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ В БЕЛАРУСИ»

Автор статьи представляет разработанные в Национальном институте образования интерактивные дидактические материалы по изучению памятных мест Великой Отечественной войны на территории Беларуси. В статье обосновывается педагогическая целесообразность использования данных материалов для обеспечения сохранения исторической памяти о героических и трагических событиях на территории Беларуси во время Великой Отечественной войны. Автор статьи раскрывает дидактический потенциал заданий – показывает каким образом они способствуют включению субъекта обучения в активную познавательную деятельность.

Механизмом трансляции общечеловеческой культуры служит в первую очередь историческое образование, которое связано с овладением обучающимися социально значимым историческим опытом современной белорусской нации. Определяющим в этом процессе является формирование качеств личности, которые необходимы для выполнения общих для всех граждан социальных функций, обусловленных системой базовых ценностей, существующих в белорусском обществе.

Социализация личности обучающегося происходит через формирование исторической памяти как совокупности представлений и знаний об общем историческом прошлом своего народа и как основы чувства гордости за его культурно-исторические достижения. Историческую память как социально-педагогическую категорию целесооб-

разно рассматривать в совокупности компонентов содержания исторического образования, которые представляют дидактически обработанный социальный опыт предыдущих поколений. Составляющими такого опыта являются теоретические, фактологические, оценочные учебно-исторические знания, а также способы деятельности, опыт творческой деятельности и эмоционально-ценностного отношения к историческому прошлому и его участникам [1, с. 65]. Историческая память является не просто каналом трансляции информации о локализованных во времени и пространстве исторических событиях и их участниках, а важнейшей составляющей в процессе формирования, гражданственности, патриотизма, национальной идентичности.

Формирование гражданственности и патриотизма, политической и информационной культуры учащихся является одним из приоритетных направлений воспитательной деятельности учреждений общего среднего образования, что отражено в «Программе непрерывного воспитания детей и учащейся молодежи на 2021-2025 гг.». По данному направлению Программой определены следующие ожидаемые результаты:

- активное участие обучающихся в мероприятиях гражданско-патриотической, историко-краеведческой, военно-патриотической направленности, вовлеченность в активную поисковую, научно-исследовательскую, творческую деятельность;

- осознание обучающимися ответственности за судьбу страны, гордости за сопричастность к деяниям своих предков, формирование ценностного отношения к Родине, понимание важности сохранения исторической памяти (особенно о событиях Великой Отечественной войны, жертвах и героизме соотечественников) [2].

Особое значение для формирования компетенций гражданственности и патриотизма имеют темы, связанные с изучением Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., которые показывают примеры героизма и стойкости белорусского народа в годы великих испытаний. Изучение темы Великой Отечественной войны позволяет осознать ответственность за судьбу страны, формирует гордость за сопричастность к деяниям своих предков и ценностное отношение к Родине, понимание важности сохранения исторической памяти. Наиболее заметными следами прошлого в общественном пространстве являются памятники и мемориалы, так как они формируют места памяти, где прошлое наиболее отчетливо вторгается в настоящее.

В Национальном институте образования в рамках выполнения научно-исследовательской работы в 2022 году были разработаны интерактивные дидактические материалы по изучению памятных мест Великой Отечественной войны в Беларуси. Для разработки данных

материалов был создан временный научный коллектив, руководителем которого стала заведующий лабораторией историко-обществоведческого и социокультурного образования, кандидат исторических наук, доцент Мох Елена Николаевна.

Актуальность предлагаемых материалов заключается в том, что их основным дидактическим объектом являются места памяти, связанные с событиями Великой Отечественной войны на территории Беларуси. Предлагаемая интерактивная форма представления дидактических материалов, разработанная с помощью мультимедийных средств, соответствует психологическим особенностям современных обучающихся, которые относятся к поколению центениалов (зумеров), родившемуся в эпоху интернета и для которого цифровые сервисы и технологии – неотъемлемая часть жизни.

Использование интерактивных дидактических материалов по местам памяти Великой Отечественной войны направлено на выполнение определённых целей и задач.

Цель – обеспечение сохранения исторической памяти о событиях Великой Отечественной войны на территории Беларуси.

Поставленные задачи ориентируют на достижение комплекса образовательных результатов:

в рамках личностных результатов:

– воспитание гражданственности и патриотизма;

– в рамках метапредметных результатов:

– формирование опыта преобразовательной деятельности;

– развитие умений использовать усвоенный опыт учебно-познавательной деятельности в жизненных ситуациях;

в рамках предметных результатов:

– формирование социально-значимых знаний об основных событиях Великой Отечественной войны на территории Беларуси и посвящённых им символах памяти белорусского народа;

– формирование умений работать с текстами исторических документов, устными воспоминаниями людей-участников исторических событий, характеризовать памятники, посвящённые событиям Великой Отечественной войны.

Выбор мест памяти Великой Отечественной войны, относительно которых разрабатывались интерактивные дидактические материалы, определялся их значимостью в исторической памяти белорусского народа, героической или трагической историей. Выбранные памятники и мемориальные комплексы входят в Перечень экскурсионных объектов и туристических маршрутов, рекомендуемых для посещения обучающимися в рамках проведения учебных и факультативных занятий [3].

Интерактивные дидактические материалы по изучению памятных мест Великой Отечественной войны построены на использовании различных источников исторических знаний, которые можно разделить на несколько видов: визуальные (изображения памятных мест, документальные фотографии, репродукции картин, видеофрагменты), текстовые (исторические документы, биографические данные, литературные художественные тексты), устные (воспоминания участников или свидетелей событий).

Интерактивные дидактические материалы по местам памяти Великой Отечественной войны представлены в нескольких форматах: интерактивная карта, лента времени, экскурсия, интерактивные задания, задания для викторины.

Интерактивная карта представляет собой медиаобъект в виде контура Беларуси с делением на области (рисунок 1). В каждой области обозначены места размещения известных памятников и мемориальных комплексов. Значки активны. При наведении на каждый из них курсора мыши и нажатии раскрывается окошко, в котором представлено изображение мемориала, находящегося в данном месте, и краткая информация о нём.

Рисунок 1 – Интерактивная карта

Лента времени представляет собой медиаобъект, на котором нанесены связанные с историей памятного места даты событий, которым посвящены мемориалы, возведения первых памятных объектов, их официального открытия, реконструкции, присвоения статуса исторической ценности и так далее (рисунок 2). При наведении на какую-либо дату курсора мыши и нажатии раскрывается визуальный объект, представляющий собой архивное видео или фото с места исторического события, фото открытия мемориала или современное фото мемориала, а также текст, передающий информацию о событии, связанном с той или иной датой.

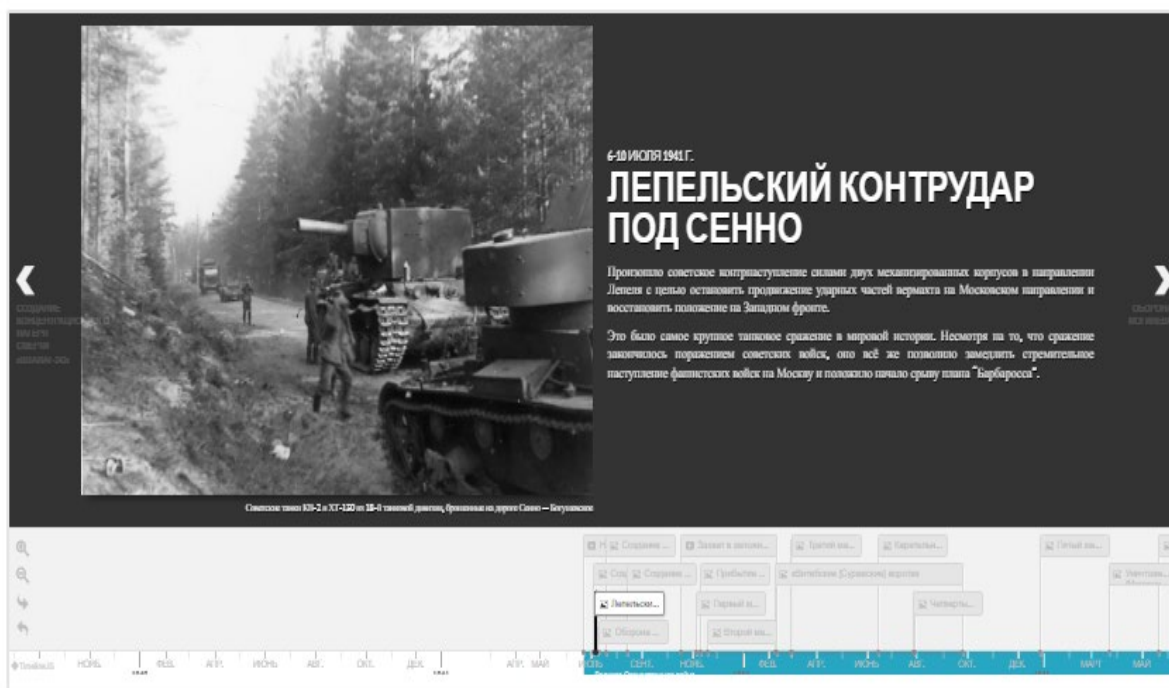

Рисунок 2 – Фрагмент ленты времени

Экскурсия представляет собой презентацию из некоторого количества слайдов, которая рассказывает о памятном месте с точки зрения его исторического прошлого, а также его современного состояния. Экскурсия может включать в себя фотографии как архивные, так и современные, портреты исторических личностей, карты боевых действий или партизанских зон, выдержки из документальных материалов, отрывки из литературных произведений, видеосюжеты и т.д. Эмоциональное представление информации для экскурсии призвано содействовать формированию у обучающихся эмпатии к судьбам людей, уважение к их поступкам в ситуации непростого выбора, интерес к событиям Великой Отечественной войны (рисунок 3).

С образованием партизанской зоны на её территории была восстановлена Советская власть.

В деревне Пудоть Суражского района сразу же после ее освобождения была восстановлена местная картонная фабрика. Её бывший директор, партизанский командир М.Ф. Шмырев вспоминал:

«В ее слесарном цехе разместилась оружейная мастерская. Она изготавливала ротные и батальонные минометы и мины. Уже первая партия минометов в количестве 12 штук показала их хорошие боевые качества.

Столярный цех готовил телеги, сани. Кузнечный цех работал по ремонту телег, машин для колхозов, ковке лошадей. Лесопильный цех проводил распиловку досок. Мукомольный перерабатывал зерно на муку и крупу.

Ежедневно 4–8 автомашин муки и крупы отправлялось частям советской армии. Работали пекарня, маслозавод, которые удовлетворяли нужды партизан и частично населения. Работали также кожевенная, сапожная и швейная мастерские. Продукция в основном шла на нужды партизан. Часть ее передавалась советской армии. Мастерская по изготовлению лыж выполняла только заказы для армии.

В деревне Заполье работала больница, в которой помогали партизанам и местному населению. Еще в мае была налажена телефонная связь. При помощи телефонистов советской армии из кабеля, собранного партизанами, была проложена телефонная линия, связавшая все отряды и штаб... На территории зоны демонстрировался фильм «Разгром немцев под Москвой ...».

Медицинские работники перед операцией в партизанском госпитале

Партизанская хлебопекарня

Рисунок 3 – Фрагмент экскурсии к мемориальному комплексу «Витебские (Суражские) ворота»

Интерактивные задания предназначены для закрепления полученных знаний о событиях Великой Отечественной войны на территории Беларуси и местах памяти, связанных с ними, а также их творческой интерпретации. Интерактивные задания позволяют проводить анализ документальных и художественных материалов, видеоисточников, организовать учебное исследование изучаемой темы. Выполняя предложенные интерактивные задания, обучающиеся смогут осмыслить материал, предлагаемый в ленте времени и экскурсии, сознательно использовать усвоенные знания и способы деятельности в стандартных и нестандартных ситуациях.

В качестве примера можно привести задания к документальным источникам, связанным с трагической историей партизанского командира М. Ф. Шмырёва и его четверых детей, взятых германскими оккупантами в заложники и казнённых.

«Папа, за нас не волнуйся, никого не слушай, к немцам не иди. Если тебя убьют, то мы бессильны и за тебя не отомстим. А если нас убьют, папа, то ты за нас отомстишь. Лиза» (записка старшей дочери Лизы).

«Да, страшные были дни, а того хуже – ночи. Чудилось: встают из могилы, тянут ко мне ручонки... Какой уж тут сон. За-

дремлю на минутку и все их голоса слышу: «Отомсти, батька, фашистам за наши муки, за смерть нашу». И я мстил! Я шел в самое пекло, под пули, но меня уже и пули вражьи не брали...» (из воспоминаний М. Ф. Шмырёва) [4].

Задание. Прочитайте записку, которую передала Лиза Шмырёва своему отцу и воспоминания М.Ф. Шмырёва о том времени. Ответьте на вопросы.

1) Выскажите мнение, чем руководствовалась Лиза, написав такую записку?

2) Как вы думаете, было ли ей страшно в тех условиях?

3) В чём, на ваш взгляд, заключался героизм 14-летней девочки?

4) Как вы думаете, легко ли было М. Ф. Шмырёву выполнить последнюю просьбу своей дочери?

5) Выясните, каким образом М. Ф. Шмырёв выполнил волю своей дочери и отомстил врагам за своих детей.

На данном примере можно увидеть, что предложенные задания, направлены на формирование универсальных компетенций:

– на развитие эмоционального интеллекта – проявление эмоционального внутреннего состояния, переживания (*Выскажите мнение, чем руководствовалась Лиза, написав такую записку? Как вы думаете, было ли ей страшно в тех условиях?*);

– на устойчивое развитие личности – осознание собственных мыслей, чувств, эмоций при изучении исторических событий, действий и поступков людей в годы Великой Отечественной войны, развитие гражданственности и патриотизма (*В чём, на ваш взгляд, заключался героизм 14-летней девочки?*);

– на развитие критического мышления – способности выдвигать и формулировать гипотезы, формирование суждений о причинах действий и поступков людей в той или иной ситуации (*Как вы думаете, легко ли было М. Ф. Шмырёву выполнить последнюю просьбу своей дочери?*);

– на развитие коммуникативных и кооперативных умений – разработку совместных проектов обучающимися, работу в группах (*Выясните, каким образом М. Ф. Шмырёв выполнил волю своей дочери и отомстил врагам за своих детей*).

Задания для викторины состоят из вопросов с одним или несколькими правильными вариантами ответа (рисунок 4). В данных заданиях используются документальные и визуальные источники, которые несут в себе неявную информацию-подсказку, что позволяет формировать у обучающихся читательскую грамотность. Задания могут быть использованы для самопроверки усвоенных знаний обучающимися или же для организации интеллектуальных викторин и других воспитательных мероприятий.

	<p>Какому событию посвящён памятник?</p> <ol style="list-style-type: none"> 1) Проведению операции «Багратион» в 1944 г.; 2) деятельности «Витебских (Суражских) ворот» в 1942 г.; 3) освобождению города Минска в 1944 г.; 4) танковому сражению под Сенно в июле 1941 г.
	<p>Когда был возведён мемориал?</p> <ol style="list-style-type: none"> 1) В 1972 г., к 30-летию; 2) в 1975 г., к 30-летию Победы в Великой Отечественной войне; 3) в 1977 г., к 35-летию деятельности «Витебских ворот»; 4) в 2019 г., к 75-летию освобождения территории Беларуси.

Рисунок 4 – Фрагмент викторины

Одним из направлений деятельности при использовании интерактивных дидактических материалов по изучению памятных мест Великой Отечественной войны на территории Беларуси может стать проектная деятельность, которая создаёт условия для применения знаний и навыков в практических ситуациях и позволяет развить коммуникативные компетенции. При изучении памятных мест Великой Отечественной войны могут быть созданы следующие проекты:

- летопись событий, связанных с памятным местом.
- дневник памяти.
- лэпбук с информацией о месте памяти.
- баннер о месте памяти.
- фотовыставка о месте памяти.
- виртуальная экскурсия на место памяти
- аудио/видеоподкаст о месте памяти и т.д.

Таким образом, созданные интерактивные дидактические материалы по местам памяти Великой Отечественной войны в Беларуси являются современной и актуальной разработкой, так как отвечают основным запросам системы образования и воспитания в Республике Беларусь и белорусского общества.

Источники и литература

1. Панов, С. В. История Беларуси в 8–9 классах : учеб-метод. пособие / С. В. Панов. – Минск : Изд. центр БГУ, 2021. – 197 с.

2. Программа непрерывного воспитания детей и учащейся молодежи на 2021–2025 гг. [Электронный ресурс] // Национальный образовательный портал Республики Беларусь. – Режим доступа : <https://adu.by/images/2021/03/programma-vospitaniya-2021-2025.pdf>. – Дата доступа: 05.05.2023.

3. Перечень экскурсионных объектов, рекомендуемых для посещения обучающимися в рамках проведения учебных и факультативных занятий, внеклассных мероприятий [Электронный ресурс] // Национальный образовательный портал Республики Беларусь. – Режим доступа : <https://adu.by/ru/homepage/obrazovatelnyj-protsess-2021-2022-uchebnyj-god/organizatsiya-vospitaniya-2021-2022.html>. – Дата доступа: 18.05.2023.

4. Корсакова, Ю. Страж Суражских ворот [Электронный ресурс] // Портал белорусской истории. – Режим доступа : <https://belhistory.by/2020/07/30/strazh-surazhskih-vorot/>. – Дата доступа: 18.05.2023.

5. Коваленя, А. А. Великая Отечественная война советского народа (в контексте Второй мировой войны): учеб. пособие / А. А. Коваленя [и др.]. – Минск : Изд. центр БГУ, 2022. – 246 с.

УДК 82.09+82.312.9+94(47)«1938/1944»

М. В. Стрелец¹, И. И. Синчук²

¹Брестский государственный
технический университет, г. Брест, ²г. Минск

ЛЕКСИЧЕСКИЕ РЕАЛИИ В ВОЕННОЙ ФАНТАСТИКЕ

Работа представляет собой опыт изучения знаний о лексических реалиях авторов фантастических произведений ответвления «Попаданцы во Вторую мировую войну» жанра «Попаданцы»: о топонимах, антропонимах, военно-технической лексике. Выявлен крайне низкий уровень данного жанра с точки зрения соответствия историческим реалиям.

Обязательными координатами в фантастических произведениях о так называемых «попаданцах» во Вторую мировую войну, которые должны совпадать с реальными, является прагматическая лексика (хрематонимы), топонимика и антропонимика.

Для исследования из большого массива текстов было использовано свыше сотни русскоязычных томов фантастических произведений в электронном виде в формате fb2 порталов [fantasy-worlds](http://fantasy-worlds.com), flibusta.site, samlib.ru, readli.net, avidreaders.ru, moreknig.org и author.today последнего десятилетия XX в. – первых двух десятилетий XXI в. Для иллюстраций случайным образом были выбраны некоторые произведения. Названия произведений приводятся унифицировано в скобках в принятой на [fantasy-worlds](http://fantasy-worlds.com) форме: Фамилия-имя автора – Название серии – Номер в серии – Название произведения.

Были прослежены географические привязки действий, именование действующих лиц, именование вещей. Были выявлены непременно присутствующие несоответствия, свидетельствующие о небрежном написании текстов. Сведения об авторах получены на [fantasy-worlds](http://fantasy-worlds.com) и fantlab.ru.

Топонимы

Наиболее отличился в создании географических ребусов О. Кожевников. Возможно, часть ошибок возникла при создании электронного варианта произведений, однако часть ошибок не подлежат этому простому объяснению. Образование получил в Московском автомобильно-дорожном институте.

«Сурож» под Белостоком – ошибка не случайна, 16 раз повторена в тексте книги название (Кожевников О. Будущее в тебе_3_Комкор). Сурож – неверно, надо Сураж. Сураж (Suraż) – город в Белостокском повяте Подляского воеводства. На довоенной карте РККА Беларуси и Литвы населенный пункт значится как Сураж.

Рядом с Сокулкой у автора размещен Августин – 5 случаев (Кожевников О. Будущее в тебе_3_Комкор). Августов (польск. Augustów) – город на северо-востоке Польши, на Августовском канале. Впрочем, в следующем томе цикла название правильное – Августов (Кожевников О. Будущее в тебе_4_Командарм)

«... в боях под Кузнецой» (Кожевников О. Будущее в тебе_3_Комкор). «... под Кузней» (Кожевников О. Будущее в тебе_4_Командарм). Надо: «... в боях под Кузницей». Кузница (польск. Kuźnica; ранее Кузница Белостоцкая) – деревня в Польше.

«... по автодороге Миньск-Мазовецка – Острув-Мазовецка» (Кожевников О. Будущее в тебе_4_Командарм). Название происходит от старопольского слова «ostrowa»: «w Ostrowi Mazowieckiej» Правильно будет «Минск-Мазовецкий – Острув-Мазовецка» (польск. Mińsk Mazowiecki, но Ostrów Mazowiecka).

«... в районе Лалы» (Кожевников О. Будущее в тебе_4_Командарм) Надо Лапы (польск. Łapy) – город в Польше, входит в Белостокский повят Подляского воеводства.

«... при прорыве из Барановичей» (Берг А. Антиблицкриг_2_Танкистка) – по-местному «из Баранович». Русскоязычный автор из Гамбурга, он же Айзенберг, о себе сообщает: «Графоман обыкновенный».

«... под утро бывшие пленные были уже под Любеном и снова в Германии, но уже на границе с Польшей» (Айзенберг А. Сталинские Зверобои). Любен село в Болгарии, Люббен город в Германии.

«... были вынуждены отступить к населённому пункту Видомля» (Патман А. Человек с ружьём_1_Человек с гранатометом). Надо – Видомля (Каменецкий р-н Брестской обл.). Живущий в Чебоксарах чувашский русскоязычный автор.

У одного из авторов фигурирует деревня Береза (Артюхин С. 1_Российский спецназ против гитлеровцев) Береза, Берёза-Картузская является городом с конца XV в. Автор окончил Волгоградский государственный технический университет.

«Родом Матросов из Аркадьевки, селения рядом с Брестом в Беларуси» (Тыналин А. Ниндзя в ВОВ_1_Ночной демон: Разведка боем). Аркадьевка есть в Новгородской обл., Белгородской обл., Амурской обл. и в Крыму неподалеку от Симферополя. Около Бреста в Гершонском сельсовете есть д. Аркадия у г. п. Домачево. Автор русскоязычный казахский писатель-фантаст из Алматы, имеет юридическое образование.

«Богоявленское, – сказала Катрин. – Оно же Жовтнэво» (Валин Ю. Выйти из боя_5_Самый старший лейтенант. Разведгруппа из будущего). В 1938 г. Президиум Верховного Совета УССР переименовал Богоявленск в Жовтнево (Николаевской обл. УССР), правильно по-украински звучит «Жовтнэвэ» (укр. Жовтневе).

«Показала листовку, которые были расклеены по селу. В них был призыв к гражданам оккупированной Беларуси не помогать никоим образом лесным бандитам» (Тюрин В. Чужой среди своих); «Почему не в Беларусь?» (Тюрин В. Свой среди чужих). Конечно, во всех случаях в духе того времени должно быть «в Белоруссии», «к гражданам Белоруссии», «в Белоруссию». Автор живет в Минске, инженер.

Порадовало верное употребление старого географического названия у А. Айзенберга: «... все пять фортов левого берега реки Прегель, которая текла через весь Кёнигсберг» (Айзенберг А. Сталинские Зверобои). Название реки менялось со временем – Преголя (соврем. русск.), прусск. Preigile, Preigara; прежде Прегель (нем. Pregel). Калининградцы ныне ее зовут Преголь.

Есть понимание необходимости точной локализации и у писателей, некоторые авторы об этом говорят почти прямо: «– То, что мемуары чаще всего по жанру фантастики числить нужно, я знаю, – проворчала Катрин. – Но тут уж приходится надеяться, что автор брехал

с идеологическо-патриотическим уклоном, а в топографии и топонимике сохранял немецкую педантичность» (Валин Ю. Выйти из боя_4_Самый младший лейтенант. Корректировщик истории).

Антропонимы

Аариция – скандинавское имя для девочек. Имя встречается редко. Имя Аариция используется как польское у А. Дроздова (Дроздов А., Муравьев А. Непрощенные).

«... сожгла удостоверение несчастного Збигнева Бжежинского» (Патман А. Человек с ружьём_1_Человек с гранатометом) – несимпатичный выпад в сторону американского политика польского происхождения Збигнева Бжежинского.

Простофилинен, Дуракинен, Лохиненн, Бухатинен – время действия 1940 г., первая финская война (Кожевников О. Будущее в тебе_1_Лед и пламя). Известно, что образ врага создается лексическими средствами [1], но в данном случае мы имеем место с неуместной хулиганской выходкой с псевдофинскими фамилиями.

«В дверях стоял, абсолютная копия своего портрета, генерал Клопов» (Кожевников О. Будущее в тебе_1_Лед и пламя) – 1940, финская). Автор так зачем-то изменил фамилию командира дислоцированной на Украине в более чем в 1000 км от Финляндии на границе в районе Перемышля 99-й стрелковой дивизии генерал-майора А. А. Власова, которого ввел в произведение без сюжетной необходимости.

Фигурирует немецкий антифашист Шульце-Бельзен (Кожевников О. Будущее в тебе_4_Командарм) – надо Шульце-Бойзен, неприятная ошибка.

Определенно раздражают внимательного читателя в 1940-х имена современной русско-московской краткой формы типа Катя, Ваня, Оль ряда произведений.

Языковые реалии

Обычная ошибка в произведениях – использование военнослужащим фразы «Служу трудовому народу» вместо «Служу Советскому Союзу!» во время Великой Отечественной войны. Некоторые авторы даже ерничают по этому поводу: «– Служу Советскому Союзу! – Ну хоть с трудовым народом не перепутала» (Вязовский А., Линник С. Сапер_3_Побег на войну) – время действия 1941 г., Киев. В Википедии есть специальная статья по этому случаю: «Служу Советскому Союзу!» – уставная фраза, которую полагалось произносить перед строем военнослужащим Вооружённых сил СССР при объявлении поощрения, представлению к очередному званию, зачитыванию благодарностей командования и в других торжественных случаях. Данное

приветствие было введено Уставом Внутренней Службы РККА (приказ № 260 от 21 декабря 1937 г.) Статья 31 Устава: «Если начальник благодарит – воинская часть или отдельные военнослужащие отвечают: «Служим (служу) Советскому Союзу». До этого, по Временному уставу внутренней службы 1924 года, предписывалась другая формулировка: «Служу трудовому народу!».

«Не прыгал. Разряды есть. По самбо и боксу» (Тюрин В. Чужой среди своих); «Нашли даже инструкторов из НКВД, а также энтузиастов – самбистов и туристов» (Логинов А. Три танкиста из будущего. «Попаданец» Сталин. Вождь танкистов из будущего) – май 1941 г. Видно, авторов ввела в заблуждение некачественная статья «Самбо» в Википедии. В действительности 16 ноября 1938 г. Всесоюзный комитет по делам физкультуры и спорта издал приказ № 633 «О развитии борьбы вольного стиля» и лишь в 1947 г. спортивная подсистема борьбы вольного стиля получила название борьбы самбо (акроним – самозащита без оружия).

«Основу партизанского движения Польши составляла АК или Армия Крайовы (Отечественная армия)»; «В противовес АК, Армия Людовы из Польской рабочей партии» (Айзенберг А. Сталинские Зверобои). Правильно «Армия Крайова» (польск. Armia Krajowa), «Армия Людова» (польск. Armia Ludowa).

Повсеместно в произведениях встречаются «фрицы» еще в 1941 г., например, «И молодого Ганса фрицы несут с пробитой головой!» (Дроздов А., Муравьев А. Непрощенные) – 1941 г. Термин американского происхождения искусственно внедрен в лексику бойцов РККА лишь к концу 1942 г.

Не все так плохо, авторы ряда произведений осознают проблему: «Молодец какой. Что тут фрицы делают? – видя, что Сашко впал в ступор, пояснил: – Немцы» (Мишин В. Моя война_1_Выжить вопреки); «Куда фрица деть, товарищи командиры? – задал я резонный вопрос. – Почему фрица? – удивился комиссар. – Так они ж через одного Гансы да Фрицы, так уж и привязалось, – усмехнулся я, а комиссар рассмеялся» (Мишин В. Моя война_1_Выжить вопреки); «Давайте, бегом, пока фрицы – наплевать, что сейчас их так еще не называют! – не оклемались» (Константинов С. По полю танки грохотали..., Попаданцы против Тигров).

«Паречка – красная смородина» (Валин Ю. Выйти из боя_7_Десант стоит насмерть. Операция «Багратион»). На белорусском парэчкой называют все виды смородины. Разница между смородиной и поричкой есть в современных украинских говорах.

В случае включения в тексты транскрибированной белорусской или украинской речи в духе речевой политики реалистичного до мелочей «Железного потока» А. С. Серафимовича (1925 г.) можно различить русского, украинского или белорусского автора: правильно передают белорусскую речь белорусы, украинскую – украинцы.

О полешуках:

«Вы же, товарищ Стефанович, белорус, из-под Бреста-Литовского, с временно оккупированных панской Польшей земель? – Да, Яков Моисеевич, полещук, как говорится, тутошний!»; «К тому же, удивительно было узнать, что старшина Стефанович тоже приходился откуда-то из-под Бреста-Литовского, и довольно близко с мест боёв под Речицей. Как оказалось, не то белорус, не то полищук, как сам себя называл, «тутошний». Интересно было слушать его «тутошнюю» речь, и даже польскую» (Патман А. Человек с ружьём_2_Человек с танком). Местный сказал бы «полещук» по-русски или «польшук» на диалекте.

«Сынок, дзякуй богу, ачуняв! Як ты сябе адчуваеш?»; «Отчего бы не понять, язык-то, хоть и не русский, но, кажется, вполне себе белорусский?» (Патман А. Человек с ружьём_1_Человек с гранатометом). Пожилая деревенская жительница брестского Полесья у автора говорит на «правильном» белорусском языке, что не соответствует языковым реалиям.

Диалекты полешуков не дзекающие-акающие, а ыкающие-окающие. Характеристику языка «тутэйшых» можно найти в разделе «Полесские говоры в составе белорусского и украинского языков» в современной монографии «Полесье» [2, с. 56–64].

Военные хрематонимы

Часто встречаются нарушения связи с реальностью в номинации военной техники соответствующего времени.

«13,2-мм тяжелые пулемёты «Хотчкис» (Кожевников О. Будущее в тебе_4_Командарм). Есть устоявшийся оплоним «Гочкис» – французский крупнокалиберный пулемет Hotchkiss M 1930.

«... шесть самоходных противотанковых орудий «Мордер»» – (Кожевников О. Будущее в тебе_4_Командарм). Правильное наименование «Мардер». Sonderkraftfahrzeug 135 (Sd.Kfz. 135) Marder I – немецкая лёгкая самоходная артиллерийская установка, класса истребитель танков. Начали производиться в 1942 г.

«Но сложнее всего, что они в дотах. Это, конечно, не бетонные укрепления, так, что-то похожее, но все же укрытие хорошее» (Мишин В. Моя война_2_Испытания). Серьезная ошибка. Дот, в отличие от дзота, и является бетонным: Дот – долговременная огневая точка, дзот – деревоземляная огневая точка.

«Какой из У-2, переименованного в По-2, бомбардировщик?»; «На другой стороне поля и в самом деле стояли прикрытые ветками полтора десятка легких По-2» (Корчевский Ю. Пилот штрафной эскадрильи) – 1941 г. Только в 1944 г., после смерти конструктора, в честь Н. Н. Поликарпова многоцелевой биплан У-2 был переименован в По-2.

««Кукурузники» сели – У-2, а на них – летчицы» (Корчевский Ю. Пилот штрафной эскадрильи). Во время войны кукурузник не был единственным или самым распространенным названием самолета У-2, о чем свидетельствуют Константин Симонов («Дни и ночи», 1943–1944), и Борис Полевой («Повести о настоящем человеке», 1946): «лесник», «огородник», «капустник», «кукурузник».

«... наши транспортники летят, бывшие ПС, ныне Ли-2, в девичестве же – «Дуглас С-47»» (Корчевский Ю. Пилот штрафной эскадрильи) – ноябрь 1941 г.; «Летели на Ли-2. Это официально, конечно, а так члены экипажа дружно называли его «Дугласом», как папу звали» (Вязовский А., Линник С. Сапер_2_Внедрение) – 1941 г. Между тем, военный Douglas С-47 Skytrain совершил первый полёт позже времени действия произведения – 23 декабря 1941 г., базовая модель – пассажирский Douglas DC-3 (в небе с 1935 г.). В СССР пассажирский лицензионный ПС-84 (изначально американский DC-3) выпускался с 1939 г. Лишь с сентября 1942 г. стали выпускать военно-транспортную версию, которая получила обозначение «Ли-2» по имени главного инженера Ташкентского завода Б. П. Лисунова.

Отмечается использование неологизмов-англицизмов в качестве лексем, употребляемых героями произведения: «пикировщики спали» (Корчевский Ю. Пилот штрафной эскадрильи) (1941 г., воюют на Пе-2 – советском пикирующем бомбардировщике); «бомбер» (Корчевский Ю. Пилот штрафной эскадрильи) (1941 г., перевод bomber: бомбардировщик, человек, который подкладывает бомбу). В словарях современного русского литературного языка и словарях иностранных слов современного русского языка слово «бомбер» отсутствует.

Повсеместно в произведениях фигурирует в качестве топлива солярка. В документах времени войны в качестве дизельного топлива называется газойль. Эксплуатационная документация говорит о газойле Э или дизельном топливе ДТ и не знает слова солярка [3, с. 3, 6, 11; 4, с. 5–8, 12, 41, 48–49, 74, 76, 120, 129, 158; 5, с. 10, 17–18, 68, 74].

Вывод

Несмотря на обилие справочников, энциклопедий, доступных в электронном виде картографических материалов соответствующего времени (прежде всего, довоенных карт РККА) и наличие общедоступных интернет-источников, часто с точки зрения привязки к месту действия произведения пишутся неряшливо, редакция текстов отсутствует.

Авторы не имеют системной исторической подготовки. При обращении к Википедии авторы могут принимать ее информацию без проверки. В итоге военно-попаданческий жанр стал маргинальным направлением литературы и ориентируется на невзыскательного читателя.

Источники и литература

1. Костылев, Ю. С. Лексические средства создания образа врага: на примере текстов советской массовой печати 1919–1953 гг., освещающих локальные и региональные конфликты : автореф. дисс. ... канд. филолог. наук / Ю. С. Костылев. – Екатеринбург, 2012. – 20 с.
2. Полесье: Материальная культура / В. К. Бондарчик, И. Н. Браим, Н. И. Бураковская и др. – К. : Наук, думка, 1988. – 448 с.: ил.
3. Памятка экипажу танка КВ / ГАБТУ РККА. – М. : Военное изд. Народного комиссариата обороны Союза ССР, 1941. – 20 с.
4. Танк КВ. Руководство по техническому обслуживанию и войсковому ремонту / ГАБТУ КА. – М. : Военное изд. Народного комиссариата обороны Союза ССР, 1942. – 248 с.
5. Танк КВ. Краткое руководство службы / ГАБТУ КА. – М. : Военное изд. Народного комиссариата обороны, 1943. – 20 с.

УДК 355.486:356.15(476)“1941/1944”

С. В. Кулинок

Национальный архив Республики Беларусь, г. Минск

ПОДГОТОВКА НЕМЕЦКОЙ РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНО-ДИВЕРСИОННОЙ АГЕНТУРЫ НА ТЕРРИТОРИИ ГОМЕЛЬЩИНЫ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

В статье рассматривается деятельность немецких спецслужб и оккупационных органов по подготовке на территории Гомельщины (в современных границах Гомельской области) немецкой разведывательно-диверсионной агентуры. Определяются основные центры подготовки агентуры противника (специальные школы и курсы), а также направления работы немецких шпионов. Приводятся количественные результаты работы немецких спецслужб по обучению агентуры, анализируется ее социальный состав.

Главной особенностью деятельности разведывательно-диверсионных учебных заведений на территории Гомельской области было то, что здесь открывались как «местные» школы, так и школы, которые передислоцировались из соседних регионов: с территории России и Украины. Первым учебным центром на территории области (а возможно и на территории БССР) были краткосрочные курсы в д. Кремно (Житковичский район). В проекте докладной записки П. Пономаренко на имя И. Сталина, датированной 18 августа 1941 г., указывалось, «что в д. Кремно немцы организовали трехдневные курсы для подростков 13-14 лет из детей репрессированных и других контрреволюционных элементов и готовят из них террористов для командиров РККА. Прошедших курсы, вооружают наганями и забрасывают в наш тыл. Этот же контингент используется в качестве разведчиков» [1, л. 114–115].

Исходя из анализа архивных документов, можно говорить о том, что, как минимум с июня 1942 г., начала свою деятельность разведывательно-диверсионная школа в городе над Сожем. Она была первой, открытой на территории области. Подтверждением может служить итоговый «Отчет о разведработе Белорусских партизан» за 1944 г. В нем указывалось, что «уже к концу 1942 началу 1943 годов немецкая разведка взяла курс на массовость своей агентуры. Только одних школ, подготавливавших немецких шпионов, диверсантов и террористов на оккупированной территории БССР, партизанами было выявлено – 25. Из них наиболее крупные... дислоцировались в Минске, Могилеве, Бобруйске, Гомеле...» [2, л. 24–25].

Разведывательно-диверсионная школа в Гомеле располагалась по ул. Замковой, 85 и в целях конспирации именовалась гимназией, а также носила название «Унтеррихтшуле дер Вермахт» (военно-подготовительная школа). Наиболее подробные данные о деятельности этого учебного заведения содержатся в протоколе допроса Нины Севостьяновой (1924 г.р.) – агента, которая там обучалась и была разоблачена в одном из партизанских отрядов. В частности, она сообщила, что обучение проходило с 15 июня по 15 декабря 1942 г. (6 месяцев). Сама «школа носила секретный характер, охранялась немецкими солдатами, общежитие также. Столовая также находилась при школе. Курсантам разрешали в свободное время выходить в город по пропускам до 24.00. Занятия проходили кроме выходных дней ежедневно с 9 до 15 часов. Все курсанты были одеты в свои одежды, а тем, кто не имел, тому выдавали в месяц по 50 марок. Все курсанты школы были разбиты на группы вместе мужчины и женщины. Всего групп было 10» [3, л. 287]. На данном наборе обучалось 100 агентов, большинство из которых были женщины в возрасте от 17 до 25 лет, а по национальности: украинцы, белорусы и русские.

Преподавательский состав в школе был смешанный. Руководящие должности занимали немецкие офицеры, преподавателями были русские (белорусы). Интересно то, что из 8 преподавателей, о которых сообщила Н. Севостьянова, 3 – были женщины. Начальником школы был старший лейтенант Шмидт. Немецкий язык преподавал унтер-офицер Вацлав Вернер; военное дело и шпионскую работу – Пальчевский; географию – Давид Антонович (белорус); разведработу – Павел Никитин; физкультуру и самооборону – Татьяна Маринец; противохимическую оборону и методику разведработы – Валентина Петровская; спецдисциплину по сохранению государственной тайны – Лидия Лимонова. Обслуживающий персонал состоял из жителей Гомеля [3, л. 296–297].

15 декабря 1942 г. состоялся выпуск 100 курсантов Гомельской разведывательно-диверсионной школы. После окончания обучения, агентам дали двухнедельный отпуск, и к 1 января 1943 г. все они собрались в школе, были разбиты на группы и отправлены на задания в Ветковский, Будо-Кошелевский, Уваровичский, Речицкий, Жлобинский районы Гомельской области, а также в Могилевскую область. В каждую группу назначался старший агент, вооруженный пистолетом. В задачу шпионов входила разведка расположения партизанских отрядов, установление количественного состава и вооружения соединений «лесных солдат». Кроме того, агентам рекомендовалось проводить вербовку среди местного населения для получения и уточнения необходимых сведений [3, л. 293–294].

Цикличность (6-ти месячная) подготовки агентов в Гомельской школе продолжалась. После выпуска в декабре 1942 г., состоялся выпуск 150 агентов в июне 1943 г. [4, л. 18–19]. В качестве агентов в школу достаточно часто вербовались и военнопленные, которым затем составлялась легенда и группами по 3-5 человек их засылали в партизанские соединения [5, л. 34об.]. Кроме того, в городе, действовали 2-х недельные контрразведывательные курсы переподготовки и повышения квалификации. В частности, об обучении на них сообщил сотрудник немецкой службы безопасности Генрих Вестфаль: «... в сентябре 1943 года в г. Гомеле я прошел специальные 2-х недельные курсы по борьбе с иностранными разведчиками, в частности с советскими...» [3, л. 270–275]. Возможно, что это были курсы для «внутреннего» пользования, то есть для немецких сотрудников.

В конце сентября 1943 г., в связи с приближением фронта, немецкие спецслужбы из Гомеля начинают свое перемещение на запад. Служба безопасности и разведшкола двигались в сторону Минска через Марьину Горку, где был организован очередной набор курсантов (100 человек), который планировалось выпустить к началу января 1944 г. [6, л. 55–60]. Дальнейшая судьба школы на сегодняшний день пока неизвестна.

В Гомеле на протяжении 1942-1943 гг. действовало еще одно учреждение, установить точный статус которого представляется сложным. Это «школа полиции», которая в документах также фигурирует как «разведывательная школа». Анализ учебных дисциплин, характер поручаемых заданий, по нашему мнению, позволяет классифицировать данный учебный центр как «разведывательно-диверсионные курсы». В декабре 1942 г. на имя начальника 4-го управления НКВД СССР П. Судоплатова пришел отчет от командира разведывательно-диверсионной группы «Вперед» Шемякина, в котором он сообщал, что «в Гомеле функционирует школа полиции. Выпускники этой школы формируются в группы по 5-7-9 человек, экипируются в воинские обмундирования, вооружаются винтовками, пулеметами, автоматами и под видом бойцов РККА, попавших во вражеское окружение, просачиваются в партизанские и воинские отряды, оперирующие в Гомельской области для разведывательной и провокационной деятельности... Легендированием, экипировкой и снаряжением выпускаемых из этой школы групп провокаторов ведает гестапо Гомеля. В школе специально изучается история окружения ряда частей Красной Армии...» [7, л. 48].

Значительный интерес представляют сведения, которые сообщил в мае 1943 г. на допросе полицейский И. В. Маметев. Он указал, что «с 5 февраля по 5 марта 1943 г. обучался в Гомельской школе разведчиков». Однако, отвечая уже на следующий вопрос: «При каких обстоятельствах вы попали в школу разведчиков и какое оформление проходили?», допрашиваемый ответил, что в Корме отобрали группу полицейских и привезли в Чечерск, «где военный комендант заполнил на нас анкеты и выдал нам общее направление, в котором указывалось, что все лица направляются в школу полиции в Гомель, местечко Лещинец» [8, л. 27–28]. Таким образом, в своих показаниях допрашиваемый определяет Гомельскую школу и как «разведывательную» и как «полицейскую». Одновременно в школе обучалось 97 человек. Курсанты были разделены на 3 взвода. Взводы делились на 3 отделения по 9 человек в каждом. В своих показаниях И. Маметев показал, что «командиры взводов и отделений были военнослужащие РККА..., а в постоянном штате школы было 6 немецких офицеров. Весь состав курсантов был набран из полицейских Гомельской области». Срок обучения составлял от 3-х недель до одного месяца. «В программу школы входит подготовить разведчиков по борьбе с партизанами, одновременно эта школа готовит разведчиков для тыла Красной Армии». По вопросу преподавания основных методов ведения разведывательной работы, агент Маметев показал следующее: «Агентурную разведку и разведку боем читал немецкий переводчик в чине унтер-

офицера. Основные вопросы агентурной разведки к подбору разведчиков из среды местных жителей и той местности, где действуют партизаны. На эту работу рекомендовалось подбирать как детей, женщин и мужчин. На ряду с этим стоял вопрос о ведении разведки лично с целью чего предлагалось устраивать побеги из полиции и примыкать к партизанам как перебежчики и изучать численность отряда, его вооружение, связь с населением, связь с тылом РККА и т.д. и после точного установления, уходить из отряда и докладывать это военному коменданту» [8, л. 28–31]. После окончания курса подготовки слушателей распределяли по тем же районам, из которых они прибыли. В направлении делалась отметка, что человек окончил школу и направляется в комендатуру.

В докладной записке Л. Цанава на имя П. Пономаренко от 25 мая 1943 г. сообщал об этой школе следующее: «Гомельская школа гестапо размещена в военном городке Лещинец. За время своего существования в 1942-1943 гг. школа произвела 11 выпусков шпионов-разведчиков по 97 человек в каждом выпуске» [9, л. 294].

В документах Центрального штаба партизанского движения сохранились материалы о том, что в Речице располагалась школа диверсантов, из которой 20 сентября 1942 г. состоялся выпуск агентуры в количестве 60 человек [10, л. 2]. Выявить другие данные о деятельности этого учебного центра автору пока не удалось. Возможно, что это был «разовый выпуск», после чего школа сменила дислокацию, или была закрыта.

Еще одна школа была организована в г. Петрикове. К сожалению, данных о деятельности этого учебного заведения совсем мало. В разведывательной сводке БШПД от 16 июня 1943 г. указывалось, что по «сообщению комиссара партизанского отряда им. Кирова, действующего в Полесской области, от 31 мая в отряд Сабурова ночью был сброшен с немецкого самолета немец-парашютист, прекрасно владевший русским языком и имевший на руках русские документы и удостоверение, что он послан из советского тыла в отряд Сабурова с задачей взять в свои руки командование. Разоблаченный агент показал, что в течение 6 месяцев обучался в школе гестапо в г. Петрикове, где ему и было дано это задание» [11, л. 147]. Таким образом, можно говорить о том, что это заведение действовало как минимум с конца 1942 г. Несколько раз школа упоминается в других документах [12, л. 58–59; 13, л. 24–25], однако новых данных о ее деятельности пока не выявлено.

В конце 1942 г. в городе Рогачеве уже действовали курсы (школа) при Тайной полевой полиции (ГФП). Сведения об этом заведении были получены от разоблаченного агента Михаила Дановича. В апреле 1943 г. он прибыл в партизанский отряд им. Чапаева, где показал, что «до войны работал в Наркомпросе БССР инспектором по

начальным школам. В 1941 г. был мобилизован в Красную Армию, попал в плен в Жлобине и находился в лагере военнопленных, из которого вначале 1942 г. бежал и жил в д. Щитное» [14, л. 19–20]. Службу в полиции и пребывание на курсах Данович (он же Веланович и Белонович – *Авт.*) скрыл, в связи с чем был назначен командиром отделения и редактором районной газеты «Шлях социализма» [15, л. 282]. Для проверки полученных данных были назначены агенты-внутренники «Шилова» и «Воробьев», которые сообщили, что Данович служил полицейским в местечке Стешин (Стрешнево), а затем обучался на месячных курсах при ГФП в Рогачеве, где «изучал методы вербовки агентуры» [14, л. 19–20].

В декабре 1943 г. на имя начальника оперативно-чекистской группы Могилевского обкома КП(б)Б пришло сообщение, в котором указывалось, что «Рогачевское гестапо выпустило с краткосрочных курсов агентов-разведчиков для заброски в партизанские отряды с задачей установить дислокацию партизанских отрядов на территории Рогачевского, Быховского, Кировского, Кличевского районов». Всего передавались установочные данные на 16 агентов, которые «имеют целью вливаться в партизанские отряды, мотивируя как удравшие от немцев при эвакуации» [16, л. 125–125об.].

Данных о деятельности разведшколы в Мозыре также немного. Заместитель начальника ЦШПД С. Бельченко 23 октября 1943 г. сообщал в БШПД о том, что «в конце июля 1943 г. в Мозырской школе разведчиков состоялся выпуск агентов... Из числа выпускников, десять агентов немцами было оставлено в Мозырском районе для внедрения в партизанские отряды с задачей отравления воды и пищи и совершения терактов над командным составом отрядов. Один из агентов... – Лигневский Леонид 25-30 лет, дезертир Красной Армии, якобы проживает в настоящее время в п. Наровля Полесской области» [17, л. 81; 18, л. 97]. Данная агентура находилась под партономатом 619-й полевой комендатуры «Вилзе». К деятельности этой группы, вероятнее всего, имеют отношения начальник Мозырской жандармерии – немец оберлейтенант Тицце и начальник карательного органа СД – немец Розенберг [19, л. 160].

В ноябре 1943 г. «Мозырская школа гестапо во главе с Кайрецом Наркизом переехала в Лунинец. Вместе с Кайрецом уехала и его 2-я жена Оранич (Оринич) Ольга – крупный агент гестапо» [20, л. 58–59]. Перед тем, как прибыть в Лунинец, школа вместе с фельджандармерией некоторое время размещалась на станции Копцевичи (Петриковский район). В разведывательной справке, подготовленной БШПД 20 декабря 1943 г. указывалось, что «из Мозыря на станцию Копцевичи (21 км северо-западнее Петрикова) прибыла фельдкомендатура

№ 619. Начальник генерал Даазе. Там же находится школа разведки. Разведчиков посылают в тыл СССР и партизанские отряды» [3, л. 79].

Первые документы о деятельности «школы гестапо» в Калинковичах относятся к июлю 1943 г. Основная сложность – это идентификация школы. Так, начальник БШПД П. Калинин 26 июля 1943 г. информировал ЦШПД о том, что «по данным агентуры... в г. Калинковичи Полесской области, по ул. Парковой в доме Гаращук, организована школа гестапо на 30 человек. Как установлено агентурой, названная школа зашифрована под вывеской строительной конторы. Через нашу агентуру приняты меры к получению подробных данных о персональном составе слушателей и преподавателей, программе, продолжительности срока обучения, времени выпуска и куда будет направлена вражеская агентура» [4, л. 20]. Однако, уже в ноябре 1943 г. в разведывательных донесениях партизан отмечалось, что «24.10.1943 из Чернигова прибыла в город Калинковичи школа разведчиков-диверсантов. 27.10.1943 школа переехала в д. Антонова Рудня. Личный состав 40 человек разместился в здании сельской школы. Начальник обер-лейтенант, фамилия неизвестна... Школа подготавливает разведчиков и диверсантов для засылки в Советский тыл. Из этой школы подготовлена группа для засылки в советский тыл 30 или 31.10.1943. Все в красноармейском обмундировании» [11, л. 499; 21, л. 9]. Кроме того, 30 октября 1943 г. из Антоновой Рудни в партизанские отряды была направлена группа агентов с задачами разведывательного характера. Она была легендирована как советский десант. Для связи с резидентом и курьерами была разработана система условных знаков [20, л. 54].

В марте 1944 г. были получены сведения о деятельности «школы гестапо» в деревне Белый Переезд, которая готовит «шпионов, разведчиков, диверсантов. Первый набор проведен из населения, прятавшегося от немцев в лесах и забранного ими из деревень: Большие и Малые Городятичи, Замостье, Забинья и Белый Переезд, в возрасте от 16 и выше лет обоюбого пола» [20, л. 86]. Впоследствии было установлено, что в школе обучаются 200 человек, а инструкторами «служат переводчики, начальники «СД» и полиции из числа предателей» [22, л. 617–618]. В ближайшие партизанские соединения были даны указания о необходимости «уточнить данные о работе этой школы..., принять меры к выявлению и задержанию шпионов..., подвергать тщательной проверке лиц», прибывших из указанных деревень [23, л. 17–17об].

Таким образом можно констатировать, что на территории Гомеля и Гомельской области немецкими спецслужбами была организована деятельность минимум 9 школ (курсов), где готовились разведчики и диверсанты для работы как в советском тылу, так и в парти-

занских формированиях: Белый Переезд, Гомель (2 школы), Калинковичи, Кремное, Мозырь, Петриков, Речица, Рогачев. Кроме того, на территорию области прибыла школа из Чернигова, которая осуществила выпуск агентов уже на территории БССР. Статус 2-х недельных курсов Гомеле до конца не установлен. Отметим, что поскольку область располагалась относительно недалеко от линии фронта, то значительная часть агентуры и школ работали на заброску в тыл СССР и части Красной Армии. Обучение в этих школах прошло более 1600 агентов, однако их количество, вероятно, несколько больше.

Источники и литература

1. Национальный архив Республики Беларусь (далее – НАРБ). – Ф. 4п. – Оп. 33а. – Д. 5.
2. НАРБ. – Ф. 1450. – Оп. 3. – Д. 115.
3. НАРБ. – Ф. 1450. – Оп. 2. – Д. 57.
4. НАРБ. – Ф. 1450. – Оп. 2. – Д. 53.
5. НАРБ. – Ф. 1450. – Оп. 4. – Д. 254.
6. НАРБ. – Ф. 1450. – Оп. 2. – Д. 54.
7. НАРБ. – Ф. 4п. – Оп. 33а. – Д. 9.
8. НАРБ. – Ф. 1450. – Оп. 2. – Д. 1294.
9. НАРБ. – Ф. 4п. – Оп. 33а. – Д. 151.
10. Российский государственный архив социально-политической истории. – Ф. 69. – Оп. 1. – Д. 738.
11. НАРБ. – Ф. 1450. – Оп. 1. – Д. 4.
12. НАРБ. – Ф. 1450. – Оп. 2. – Д. 36.
13. НАРБ. – Ф. 1450. – Оп. 3. – Д. 115.
14. НАРБ. – Ф. 1450. – Оп. 4. – Д. 259.
15. НАРБ. – Ф. 1450. – Оп. 2. – Д. 22.
16. НАРБ. – Ф. 1350. – Оп. 1. – Д. 28.
17. НАРБ. – Ф. 1350. – Оп. 1. – Д. 35.
18. НАРБ. – Ф. 1405. – Оп. 1. – Д. 139.
19. НАРБ. – Ф. 4п. – Оп. 33а. – Д. 400.
20. НАРБ. – Ф. 1450. – Оп. 2. – Д. 56.
21. НАРБ. – Ф. 1450. – Оп. 1. – Д. 1009.
22. НАРБ. – Ф. 1450. – Оп. 2. – Д. 60.
23. НАРБ. – Ф. 1450. – Оп. 2. – Д. 29.

Научное издание

**ГОМЕЛЬЩИНА В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИИ
ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ:
ЛЮДИ, СОБЫТИЯ, ВРЕМЯ
(К 80-ЛЕТИЮ ОСВОБОЖДЕНИЯ
ОТ НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКИХ ЗАХВАТЧИКОВ)**

Сборник научных статей

Подписано к печати 11.11.2023. Формат 60x84 1/16.
Бумага офсетная. Ризография. Усл. печ. л. 13,25.
Уч.- изд. л. 14,49. Тираж 35 экз. Заказ 574.

Издатель и полиграфическое исполнение:
учреждение образования
«Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины».
Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя,
распространителя печатных изданий № 3/1452 от 17.04.2017.
Специальное разрешение (лицензия) № 02330 / 450 от 18.12.2013.
ул. Советская, 104, 246028, г. Гомель